



ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

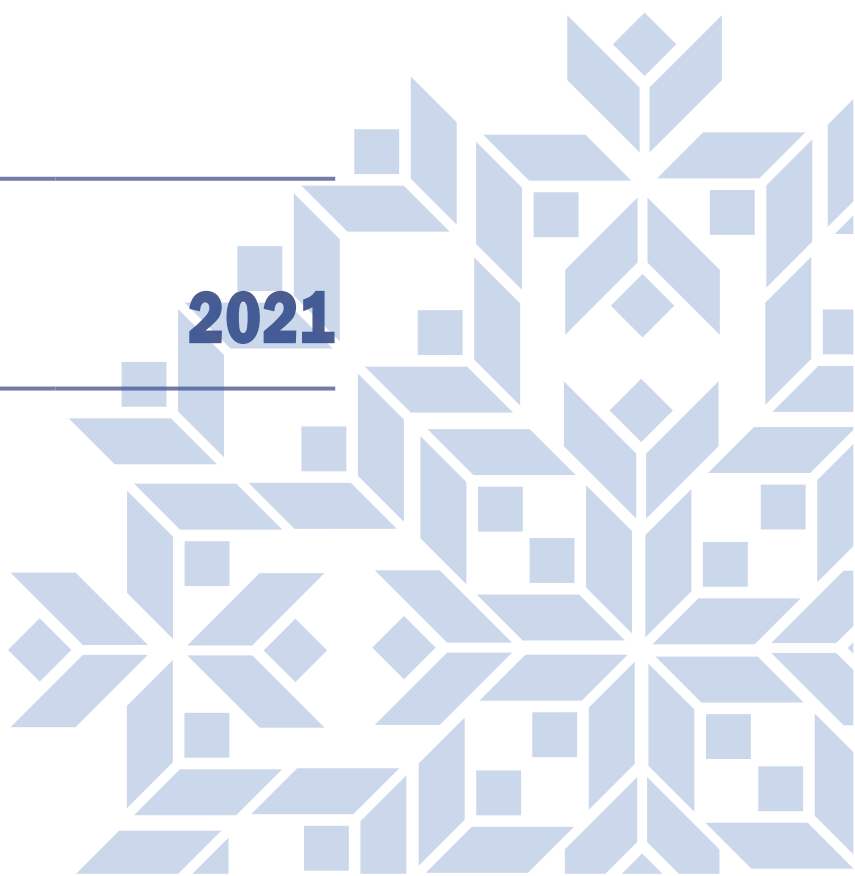
Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит три раза в год

3

2021

МИНСК
БГУ



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	БАЛАШЕНКО С. А. – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: balashenko@bsu.by
Ответственный секретарь	ЧЕРВЯКОВА Т. А. – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: chervyakova@bsu.by
<i>Балюк Г. И.</i>	Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина.
<i>Ванг Г.</i>	Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
<i>Василевич Г. А.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Вердуссен М.</i>	Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
<i>Годунов В. Н.</i>	УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ», Минск, Беларусь.
<i>Каменков В. С.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Карпович Н. А.</i>	Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
<i>Келли К. Р.</i>	Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
<i>Крюссман Т.</i>	Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
<i>Макарова Т. И.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
<i>Матье Б.</i>	Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
<i>Мацкевич И. М.</i>	ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», Москва, Россия.
<i>Некросиус В.</i>	Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
<i>Скаков А. Б.</i>	Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
<i>Хелльманн У.</i>	Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
<i>Чуприс О. И.</i>	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	BALASHENKO S. A. , doctor of science (law), professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: balashenko@bsu.by
Executive secretary	CHERVYAKOVA T. A. , PhD (law), docent; head of the department of public administration, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: chervyakova@bsu.by
<i>Baliuk G. I.</i>	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
<i>Wang G.</i>	Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.
<i>Vasilevich G. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Verdussen M.</i>	Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
<i>Godunov V. N.</i>	Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals at the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kamenkov V. S.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karpovich N. A.</i>	Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Kelley C. R.</i>	Arkansas State University, Jonesboro, USA.
<i>Kruessman T.</i>	University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
<i>Makarova T. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mathieu B.</i>	University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
<i>Mackevich I. M.</i>	Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.
<i>Nekrosius V.</i>	Institute of Civil Procedure and Roman Law of the Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
<i>Skakov A. B.</i>	L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
<i>Hellmann U.</i>	University of Potsdam, Potsdam, Germany.
<i>Chupris O. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Актуальные аспекты применения сквозных цифровых технологий в Республике Беларусь и Российской Федерации

Actual aspects of the end-to-end digital technologies implementation in the Republic of Belarus and Russian Federation

УДК 347.451.01;347.451.03

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛЕ: АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М. В. МЕЩАНОВА^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220050, г. Минск, Беларусь

Анализируются модели правового регулирования электронной торговли в зарубежных странах. Акцентируется внимание на необходимости поступательного развития законодательства Республики Беларусь в исследуемой сфере, в том числе в части регулирования деятельности платформ электронной торговли. Рассматривается феномен монополизации рынка суперплатформами, указываются негативные последствия данного явления для национальной экономики, в том числе возможность формирования и последующего увеличения цифрового разрыва. Анализируется содержание Закона Китайской Народной Республики от 31 августа 2018 г. «Об электронной коммерции» с точки зрения приемлемых механизмов контроля за деятельностью операторов электронной торговли, включая операторов платформ; защиты прав потребителей, участвующих в транзакциях на электронных платформах; антимонопольного регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности. Предлагается ряд понятий, используемых в сфере электронной торговли, для их возможного закрепления в законодательстве Республики Беларусь.

Образец цитирования:

Мещанова МВ. Законодательство Китая об электронной торговле: адаптация зарубежного опыта правового регулирования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3:3–9.

For citation:

Miashchanava MV. China e-commerce legislation: adjusting foreign experience of legal regulation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:3–9. Russian.

Автор:

Мария Валентиновна Мещанова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета¹⁾, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований²⁾.

Author:

Maryia V. Miashchanava, PhD (law), docent; head of the department of civil law, faculty of law^a, and leading researcher of the Institute of Legal Research^b.
miashchanava@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8895-851X>





Ключевые слова: цифровая экосистема; платформа электронной торговли; маркетплейс; оператор электронной торговли; суперплатформы.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-080.

CHINA E-COMMERCE LEGISLATION: ADJUSTING FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION

M. V. MIASHCHANAVA^{a, b}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bNational Centre of Legislation and Legal Research, 1a Bersona Street, Minsk 220050, Belarus

The models of legal regulation of e-commerce in foreign countries are analysed. Attention is focused on the need to improve of the legislation of the Republic of Belarus in the field under the study, including regulation of the activities of e-commerce platforms. The phenomenon of market monopolisation by gatekeepers is considered, the negative consequences of this phenomenon for the national economy, including the possibility of the formation and subsequent increase of the digital divide, are pointed out. The e-commerce law of the People's Republic of China is analysed from the point of view of acceptable control mechanisms over the activities of e-commerce operators, including platform operators, protection of consumers involved in transactions on marketplaces, antitrust regulation and protection of intellectual property rights. A number of terms, used in the field of electronic commerce, are proposed for their possible implementation in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: digital ecosystem; e-commerce platform; marketplace; e-commerce operator; gatekeepers.

Acknowledgments. The research has been conducted with financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. Г20Р-080.

Введение

В настоящее время многие устоявшиеся понятия и категории подвергаются переосмыслению, новые явления вытесняют привычные схемы взаимодействия участников гражданского оборота. При этом юридическая наука должна не только предлагать оптимальные модели регулирования инноваций, но и активно взаимодействовать с практикой для создания правовой среды, стимулирующей экономические процессы, т. е. использовать методологию моделирования и прогнозирования развития.

Несмотря на то что в Республике Беларусь масштаб электронной торговли не дотягивает до таких крупнейших игроков на данном рынке, как Китай или США, тем не менее прогнозы развития этой сферы цифровой экономики очень обнадеживающие. Так, по итогам 2020 г. онлайн-продажи в Беларуси выросли на 40 % и достигли 2,3 млрд руб. Доля интернет-продаж в розничном товарообороте страны составила 4,5 %¹. Крупнейшие белорусские платформы электронной торговли (далее – ПЭТ), среди которых *Deal.by*, *Onliner.by*, *21vek.by*, *Kufar.by*, *Meko.by*, за 2020 г. значительно увеличили объемы продаж и надеются на сохранение данной тенденции в 2021 г. Несомненно, отмеченный рост числа

интернет-покупок явился следствием в том числе эпидемиологической ситуации, например только продажа медицинских расходников за 2020 г. выросла на 692 %². Однако за период пандемии сформировался кредит доверия потребителей к данному способу B2C (*business-to-consumer*) взаимодействия, покупки через ПЭТ стали неотъемлемым элементом жизни многих белорусов, увеличились показатели по безналичным платежам. Очевидно, что наращивание объемов электронной торговли в Республике Беларусь будет продолжаться, пока не достигнет своего пика.

На современную мировую экономику влияние оказывают так называемые суперплатформы, на которых аккумулируется значительный процент международных торговых и не только торговых транзакций. В Российской Федерации это суперплатформы *Сбер* и *Яндекс*, которые представляют собой, по сути, самостоятельные цифровые экосистемы. Среди мировых суперплатформ можно назвать *Alibaba*, *TMall*, *Ebay*, *Amazon*, *Europages*, *BBP*. Они имеют целый ряд конкурентных преимуществ, в том числе для белорусских потребителей: удобный интерфейс, широкий ассортимент и возмож-

¹Итоги e-commerce 2020 в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://ratingbynet.by/top-menedzhery-krupneyshikh-torgovykh-internet-ploshchadok-belarusi/> (дата обращения: 01.10.2021).

²Там же.



ная бесплатная доставка товаров, дополнительные услуги, адаптированная система оплаты и др. Практика зарубежных стран убеждает в том, что снизить процент влияния указанных ПЭТ на национальный рынок только за счет использования рыночных механизмов не представляется возможным, поскольку слишком велик цифровой разрыв. При этом проблема отчасти решается за счет продуманной политики антимонопольного регулирования, а также выработки реальных механизмов стимулирования развития национальных ПЭТ. Очевидным преимуществом последних является возможность создания на территории Республики Беларусь собственных замкнутых цифровых экосистем, способных оказывать офлайн услуги (например, услуги такси или доставки еды). Вместе с тем отечественное законодательство пока не содержит необходимого регулирования деятельности ПЭТ и их субъектов, в нем отсутствует даже легальный понятийный аппарат. Между тем деятельность по созданию и развитию цифровых экосистем является для Республики Беларусь инновационной. Как отмечает А. О. Иншакова, «инновационная деятельность выступает эффективным инструментом коммерциализации достижений научно-технического прогресса, становится определяющим элементом международной конкурентоспособности страны» [1, с. 4].

Для правового регулирования цифровых и продвижения национальных маркетинговых платформ необходимо активно изучать и использовать зарубежный нормотворческий опыт. Представляется, что одним из наиболее показательных примеров является законодательство КНР, где развитие электронной торговли достигло внушительных масштабов, что и привело к необходимости разработки специального продуманного правового регулирования.

В настоящем исследовании мы ставим целью проанализировать международные документы и законодательство КНР в сфере электронной торговли и выработать предложения по возможной имплементации прогрессивного правового регулирования в законодательство Республики Беларусь.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить содержание ряда понятий, широко используемых в сфере электронной торговли, для их легального закрепления;
- проанализировать позицию КНР по вопросу о приемлемых контрольных механизмах, обеспечивающих соблюдение антимонопольного регулирования, а также законодательство о защите прав потребителей;
- выявить механизмы, стимулирующие развитие среднего и малого бизнеса в сфере электронной торговли (на примере законодательства КНР).

Материалы и методы исследования

Основой проведенного исследования выступили общенаучные (анализ, сравнение, системный, исторический и структурный анализ) и специаль-

ные (метод толкования права, сравнительно-правовой, формально-юридический) методы познания.

Результаты и их обсуждение

Деятельность ПЭТ может регулироваться государством различными способами и в различной степени. При этом все страны мира условно подразделяются на три группы.

Для первой из них характерно минимальное регулярное вмешательство. Считается, что электронный сектор экономики регулирует себя сам. При этом субъекты интернет-торговли либо не облагаются налогами, либо платят их по пониженным ставкам, что, несомненно, стимулирует соответствующую предпринимательскую деятельность. Такого подхода придерживаются США, где, как известно, развитие высоких технологий опережает среднемировой показатель. Следует иметь в виду, что отмеченная политика экономического стимулирования приводит к сокращению бюджетных доходов, однако,

если такая политика проводится последовательно в течение достаточно длительного времени, ее изменение может повлечь снижение темпов развития электронной торговли.

Вторая группа стран представлена государствами – членами Европейского союза, которые «практикуют концепцию максимального государственного вмешательства в электронный рынок» [2, с. 25]. При этом следует иметь в виду, что большой объем регулирования перемещен на наднациональный уровень. Так, в конце 2020 г. Европейской комиссией были одобрены два предложения: о принятии Акта о регулировании цифровых рынков (*Digital markets act*)³ и о принятии Акта о регулировании цифровых услуг (*Digital services act*)⁴. Помимо указанных инициатив Европейской комиссии в ЕС действует целый

³Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on contestable and fair markets in the digital sector (Digital markets act) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608116887159&uri=COM%3A2020%3A842%3AFIN> (date of access: 01.10.2021).

⁴Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on a single market for digital services (Digital services act) and amending Directive 2000/31/EC [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?qid=1608117147218&uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (date of access: 01.10.2021).



ряд правовых актов, которые в определенной степени влияют на цифровую торговлю.

Третья группа стран использует методики тотального контроля над информационным пространством. К этой группе, как правило, относят КНР и Российскую Федерацию.

В Российской Федерации на данный момент отсутствует специальное законодательство, регулирующее цифровую (электронную) торговлю. В 2000 г. был подготовлен проект Федерального закона «Об электронной торговле», однако он не получил необходимой поддержки в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации.

После принятия Закона Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции» (далее – Закон КНР)⁵ последовало принятие целого ряда сопутствующих нормативных правовых актов. Данный документ стал результатом систематизации действовавших до его принятия актов законодательства, а также следствием обобщения сложившейся судебной практики. Однако в него были включены многочисленные новаторские положения как для правового регулирования КНР, так и для регулирования электронной торговли вообще.

Структурно Закон КНР состоит из семи глав: «Общие положения», «Операторы электронной коммерции», «Заключение и исполнение контрактов в сфере электронной коммерции», «Разрешение споров в сфере электронной коммерции», «Реклама и продвижение продукта в сфере электронной коммерции», «Ответственность участников отношений», «Заключительные положения».

Остановимся на понятиях, которые необходимо определить и использовать при формировании правового режима ПЭТ.

Одним из ключевых в национальном законодательстве о цифровой торговле должен стать термин «платформа электронной торговли». В международных документах также часто фигурирует понятие «онлайн-платформа», содержание которого можно рассматривать как более широкое по отношению к ПЭТ. Организация экономического сотрудничества и развития в 2019 г. одобрила документ под названием «Введение в онлайн платформы и их роль в цифровой трансформации» (далее – Введение)⁶. В указанном документе отмечается, что термин «онлайн-платформа» используется для описания ряда услуг, доступных в интернете, в том числе торговых площадок, поисковых систем, социальных сетей, магазинов креативного контента, магазинов-приложений, коммуникационных услуг, платежных систем, услуг, включающих так называемую экономику коллаборации, или гиг-экономику, и др. Та-

ким образом, онлайн-платформа определяется как цифровая услуга, которая облегчает взаимодействие между двумя и более отдельными и независимыми группами пользователей (компаниями или индивидами), которые взаимодействуют через интернет.

Исследователи в сфере цифровой экономики ограничивают онлайн платформы от цифровых экосистем, «поскольку последние предполагают комбинацию в экосистеме платформ, операционных систем, программного обеспечения, приложений, и все указанные субъекты взаимодействуют между собой и не обязательно принадлежат одной компании» [3, с. 65]. Цифровая экосистема характеризуется совместным использованием данных, что расширяет клиентскую сеть.

В качестве отличительных характеристик всех онлайн-платформ во Введении названы следующие:

1) использование информационно-коммуникационных технологий для облегчения взаимодействия пользователей;

2) сбор и использование данных об этих взаимодействиях;

3) сетевые эффекты, в рамках которых выделяют *позитивные прямые сетевые эффекты* (когда польза, извлекаемая участниками на одной стороне, зависит от количества участников на той же самой стороне (социальные сети и IM-платформы)) и *позитивные не прямые сетевые эффекты* (когда группа пользователей (например, продавцы на B2C платформе) выигрывают больше в том случае, если число пользователей из другой группы (например, покупатели, использующие эту же платформу) возрастает и, возможно, наоборот). Все ПЭТ используют позитивные не прямые сетевые эффекты.

Таким образом, представляется, что понятие «платформа электронной торговли» должно быть производным от понятия «онлайн-платформа». Различия в данном случае заключаются в более узких целях функционирования ПЭТ.

В связи с этим предлагаем *под платформой электронной торговли понимать цифровую услугу, которая предоставляется в интернете и облегчает взаимодействие между двумя и более отдельными и независимыми группами пользователей (юридическими и (или) физическими лицами) для осуществления торговых транзакций.*

Далее терминологически необходимо определиться с субъектным составом правоотношений электронной торговли, используя положения Закона КНР в качестве основы для анализа.

В качестве собирательного (объединяющего) понятия для субъектов электронной торговли Закон КНР использует термин «оператор электронной

⁵E-commerce law of the People's Republic of China [Electronic resource]. URL: https://ipkey.eu/sites/default/files/documents/resources/PRC_E-Commerce_Law.pdf (date of access: 01.10.2021).

⁶An introduction to online platforms and their role in the digital transformation [Electronic resource]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_53e5f593-en#page22 (date of access: 12.09.2021).



торговли», под которым понимаются физические, юридические лица или неинкорпорированные организации, которые занимаются оперативной деятельностью по продаже товаров или предоставлению услуг через интернет или другую информационную сеть, включая операторов платформ электронной коммерции, операторов на платформе и операторов электронной коммерции, продающих товары или предоставляющих услуги через самостоятельно созданные веб-сайты или другие веб-сервисы.

В приведенном определении обращает на себя внимание тот факт, что операторы электронной торговли не обязательно должны быть связаны с деятельностью ПЭТ, они также могут продавать товары или предоставлять услуги через самостоятельно созданные веб-сайты или другие веб-сервисы. Указанное уточнение внесено в Закон КНР для того, чтобы охватить контрольным механизмом субъекты, которые не используют крупные или относительно крупные платформы, но активно торгуют через интернет.

Своеобразным «владельцем процессов» является оператор платформы электронной коммерции. Согласно ст. 9 Закона КНР под этим термином понимаются юридические лица или другие неинкорпорированные организации, которые предоставляют онлайн-пространство для ведения бизнеса, согласования транзакций, распространения информации и других услуг двум или более сторонам сделки электронной торговли, чтобы те могли участвовать в независимых сделках.

Очевидно, что приведенное определение нуждается в уточнении с точки зрения использования понятийного аппарата и юридической техники, свойственных законодательству Республики Беларусь, где *de jure* не могут существовать неинкорпорированные организации, которые будут признаваться операторами ПЭТ. Вместе с тем представляют интерес формулировка основной задачи операторов ПЭТ (предоставление онлайн-пространства для ведения бизнеса), а также акцент на то, что сделки, совершаемые на ПЭТ, носят независимый характер, т. е. сам оператор платформы *de jure* не играет в таких сделках какой-либо посреднической роли.

Операторами на платформе признаются операторы электронной торговли, которые продают товары или предоставляют услуги через ПЭТ.

Покупатели или получатели услуг не определяются в законе специальными терминами, поскольку они хоть и являются пользователями онлайн-платформы, с точки зрения законодателя не подлежат контролю, так как выступают в роли потребителей соответствующих товаров или услуг.

Характеризуя измененный по Законам КНР механизм контроля за деятельностью продавцов на ПЭТ, следует обратить внимание на ряд моментов. Регистрация всех продавцов как субъектов предпри-

нимательской деятельности обязательна. Согласно ст. 10 Закона КНР операторы электронной торговли должны пройти регистрацию как субъекты рынка в соответствии с законодательством. Из этого правила делаются специально установленные исключения. Регистрация не требуется в следующих случаях:

1) для продажи физическими лицами сельскохозяйственной продукции собственного производства и (или) продукции кустарных промыслов;

2) для продажи собственных трудовых навыков, которые не требуют лицензирования в соответствии с законодательством;

3) для проведения нерегулярных и мелких операций физическими лицами, а также операций, не подлежащих промышленной или коммерческой регистрации в соответствии с законами и административными постановлениями.

Закон КНР не уточняет, какие сделки можно признать нерегулярными или мелкими. Эти понятия должны быть определены с учетом судебной практики.

Указанная мера была направлена в первую очередь на владельцев мелкого бизнеса, поскольку поставщики товаров, например, на *Taobao.com* и *JD.com* уже давно обязаны быть зарегистрированы в качестве предпринимателей. На данный момент и продавцы на стриминговых сервисах (социальные сети, сервисы для видеотрансляций), а также *WeChat* должны пройти государственную регистрацию и уплачивать налоги со своей деятельности на основании налоговой регистрации.

В КНР существует проблема так называемых дайгу – личных покупателей, которые скупают товары за пределами страны по заказу клиентов, выигрывая при этом 30–40 % [4, с. 364]. Такие продавцы не только не платят налоги, но и не оформляют операции надлежащим образом, поэтому в данной сфере встречаются злоупотребления, а виновных сложно привлечь к ответственности. По новому закону дайгу также обязаны регистрироваться и платить налоги, на них распространяются все правила, нацеленные на защиту прав потребителей.

На основании ст. 12 Закона КНР операторы электронной торговли должны получить все необходимые согласно законодательству лицензии для продажи определенных видов товаров или осуществления определенной деятельности. При этом у таких операторов возникает параллельная обязанность – разместить сведения о своей регистрации и полученных лицензиях на домашней странице или непосредственно, или через соответствующую ссылку. Указанная информация на домашней странице должна быть актуальной. Обязанности продавцов на ПЭТ подкрепляются обязанностью самой платформы сообщать в государственные органы о зарегистрированных продавцах, что формирует дополнительный контрольный механизм.



Если оператор электронной торговли собирает-ся прекратить свою деятельность, он обязан разместить сведения об этом на домашней странице не позднее, чем за 30 дней до прекращения такой деятельности, причем информация должна быть хорошо заметна и размещена на постоянной основе (ст. 16 Закона КНР).

Поскольку в КНР масштабы интернет-торговли огромны и многие ее субъекты являются мелкими, для них предусматривается специальная возможность зарегистрироваться как предприниматель по адресу постоянного проживания, чтобы избежать при этом платы за аренду офисного помещения. При этом свидетельство о праве предпринимательской деятельности будет содержать пометку «только для предпринимательской деятельности в интернете». На основании такого свидетельства нельзя осуществлять торговую или иную предпринимательскую деятельность офлайн, но можно активно использовать ресурсы маркетплейсов или торговать через собственные веб-страницы. Рассматриваемый вид деятельности тем не менее не освобождает от уплаты налогов, что является несомненным преимуществом с точки зрения пополнения государственного бюджета. Приведенный опыт «специальной» предпринимательской деятельности через интернет является интересным для Республики Беларусь, поскольку создает привлекательную среду для легализации целого ряда теневых предпринимателей.

Также следует отметить, что правовое регулирование деятельности операторов на платформе имеет определенные черты протекционизма национального сектора экономики и, соответственно, национальных субъектов. Так, иностранные граждане не могут регистрироваться в КНР в качестве предпринимателей, поэтому они не будут способны вести свой мелкий бизнес через ПЭТ. Для осуществления предпринимательской деятельности иностранцы должны создавать общества с ограниченной ответственностью, что неизбежно влечет целый ряд расходов, в том числе на аренду помещения и ведение бухгалтерского учета.

Большинство мер, предусмотренных Законом КНР, направлены на защиту прав потребителей. Так, согласно ст. 13, товары или услуги, предоставляемые операторами электронной торговли, должны соответствовать требованиям обеспечения личной безопасности и безопасности имущества, а также охраны окружающей среды. Операторы электронной торговли не могут продавать товары или предоставлять услуги, которые запрещены законами или административными правилами.

Любая сделка купли-продажи на ПЭТ должна получить соответствующее оформление: продавец обязан выдать покупателю счет (*invoice*) на бумажном носителе или в электронной форме (*e-invoices*).

При этом оба варианта счета имеют одинаковую юридическую силу (ст. 14 Закона КНР).

Операторы электронной торговли должны все-сторонне, правдиво, точно и своевременно предоставлять сведения о товарах или услугах, защищать право потребителей на информацию и на выбор. Они не должны обманывать или вводить в заблуждение потребителей посредством фиктивной продажи, составления поддельных отзывов и др.

В Законе КНР как подтверждаются уже закрепленные ранее гарантии для потребителей, так и предусматриваются специфические положения, характерные именно для сферы электронной торговли и деятельности ПЭТ. Например, исходя из содержания ст. 18, в случаях, когда операторы электронной торговли предоставляют потребителю результат поиска товара или услуги на основе его личных интересов, увлечений, потребительских привычек или других характеристик, ему также предлагаются варианты, не ориентированные на его особые характеристики, с тем чтобы уважать и в равной степени защищать законные права и интересы потребителей.

В случае отправки рекламы потребителям операторы электронной коммерции должны соблюдать соответствующие положения Закона Китайской Народной Республики от 27 октября 1994 г. «О рекламе»⁷.

Согласно ст. 38 Закона КНР, если оператор платформы знает или должен знать, что продаваемые товары или услуги, предоставляемые продавцами (операторами) на платформе, не соответствуют требованиям по обеспечению личной и имущественной безопасности или иным образом нарушают законные права и интересы потребителей, но не принимает необходимых мер, он несет солидарную ответственность с продавцами на платформе в соответствии с нормативным регулированием конкретного государства. При этом установлена повышенная ответственность оператора платформы в случае, когда товар или услуга связаны с жизнью и здоровьем потребителя. Такой оператор несет самостоятельную ответственность в соответствии с законодательством, если он не проверил квалификацию продавцов (операторов) на платформе или не выполнил обязательство по обеспечению безопасности потребителей, что нанесло ущерб последним.

В случае получения от потребителей залога в качестве способа обеспечения исполнения обязательства по оплате товара или услуги операторы электронной торговли обязаны указать способы и порядок его возврата, они не вправе устанавливать необоснованные условия для этого (ст. 21 Закона КНР).

В Законе КНР также предусмотрены отдельные положения, направленные на защиту прав интеллектуальной собственности и конкуренции.

⁷Закон Китая (КНР) «О рекламе» [Электронный ресурс]. URL: <http://law.uglc.ru/advertisement.htm> (дата обращения: 01.10.2021).



Заключение

Прогрессивное регулирование ПЭТ важно для Республики Беларусь, поскольку указанные платформы позволяют получать выгоды от электронной торговли. На данном этапе развития мировой экономики наблюдается доминирование суперплатформ, которые аккумулируют большое количество данных, тем самым укрепляя свои позиции и облегчая доступ зарубежных компаний-владельцев суперплатформы на внутренние рынки. Более жесткое регулирование ограничения конкуренции, запрет деятельности крупных фирм, ответственных за монополизацию рынка, строгий мониторинг и администрирование на государственном уровне – это некоторые из вариантов регулирования деятельности суперплатформ в интересах развития национального сектора цифровой экономики.

Вместе с тем для развития национального сегмента электронной торговли необходимо соответствующее, а по ряду моментов и опережающее, развитие нормативного правового регулирования. В связи с этим представляется необходимым изучать, обобщать и рассматривать варианты имплементации в законодательство Республики Беларусь прогрессивного зарубежного опыта. Одним из государств с наиболее развитой электронной торговлей является КНР, где правовое регулирование

соответствующего экономического явления начало формироваться еще с конца 1990-х гг. На сегодняшний день Закон КНР признается одним из наиболее детально регламентирующих деятельность субъектов, непосредственно вовлеченных в электронную торговлю. Анализ упомянутого нормативного правового акта позволяет сделать вывод о том, что одной из основных целей его принятия является упорядочение деятельности операторов электронной торговли, в том числе мелких, что удовлетворяет как интересы отдельных потребителей, так и интересы общества в целом.

С принятием Закона КНР основные сложности возникли у микробизнесов, владельцы которых теперь обязаны регистрироваться в качестве предпринимателей, обеспечивать защиту прав потребителей при продаже товаров и оказании услуг, а также уплачивать налоги с полученного дохода. Несоблюдение закона грозит штрафами, причем не только для предпринимателей, но и для ПЭТ. Таким образом, эффективность реализации Закона КНР обеспечивается не только за счет государственного контроля, но и за счет контроля со стороны маркетплейсов, которые напрямую финансово заинтересованы в соблюдении операторами на платформе требований законодательства.

Библиографические ссылки

1. Иншакова АО. «Высокие технологии» частнопроводного регулирования наноиндустриализации. Москва: Юрлитинформ; 2013. 160 с.
2. Артемьева ЮА, Ивановская НВ, Протопопова ОВ. Разрешение финансовых споров в странах АТР. Москва: Инфотропик Медиа; 2019. 76 с.
3. Соснов ФГ, Паско АВ. Онлайн-платформы в системе современной международной цифровой торговли. *E-Management*. 2020;2:63–69. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-2-63-69.
4. Маругина ВС. Изменение в правовом регулировании электронной коммерции в Китайской Народной Республике. В: Фролова ЕЕ, Русакова ЕП, редакторы. *Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей Международного научного юридического форума памяти профессора В. К. Пучинского; 16 октября 2020 г.; Москва, Россия*. Москва: РУДН; 2020. с. 361–366.

References

1. Inshakova AO. «Vysokie tekhnologii» chastnopravovogo regulirovaniya nanoindustrializatsii [«High technologies» of private law regulation of nanoindustrialisation]. Moscow: Yurлитinform; 2013. 160 p. Russian.
2. Artem'eva YuA, Ivanovskaya NV, Protopopova OV. Razreshenie finansovykh sporov v stranakh ATR [Resolution of financial disputes in the APR countries]. Moscow: Infotropik Media; 2019. 76 p. Russian.
3. Sosnov FG, Pasko AV. Online platforms in the system of modern international digital trade. *E-Management*. 2020;2: 63–69. Russian. DOI: 10.26425/2658-3445-2020-2-63-69.
4. Marugina VS. [Change in legal regulation of e-commerce in the People's Republic of China]. In: Frolova EE, Rusakova EP, editors. *Sravnitel'no-pravovye aspekty pravootnoshenii grazhdanskogo oborota v sovremennom mire: sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchnogo yuridicheskogo foruma pamyati professora V. K. Puchinskogo; 16 oktyabrya 2020 g.; Moskva, Rossiya* [Comparative legal aspects of legal relations of civil circulation in the modern world: a collection of articles of the International scientific legal forum in memory of the professor V. K. Puchinskii; 2020 October 16; Moscow, Russia]. Moscow: RUDN University; 2020. p. 361–366. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.10.2021.
Recieved by the editorial board 05.10.2021.



УДК 349.4

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДАСТРА. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

О. И. МИРОШНИЧЕНКО¹⁾, А. В. ДЬЯКОНОВА¹⁾

¹⁾Дальневосточный федеральный университет,
пос. Аякс, 10, 690922, г. Владивосток, Россия

Рассматриваются тенденции правового регулирования земельного кадастра в Российской Федерации и Республике Беларусь. Акцентируется внимание на многолетнем плодотворном сотрудничестве двух стран. Делается вывод об устаревании действующего права, о его неспособности регулировать новые отношения, модифицированные набирающей ход цифровизацией, и о необходимости более стремительного реагирования на возникающие вызовы.

Ключевые слова: земельный кадастр и картография; цифровизация кадастра; кадастр Беларуси; цифровизация права; беспилотные летательные аппараты.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

DIGITALISATION OF THE CADASTRE. DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIA AND BELARUS

O. I. MIROSHNICHENKO^a, A. V. DIAKONOVA^a

^aFar Eastern Federal University,
10 Ajax Village, Vladivostok 690922, Russia

Corresponding author: O. I. Miroshnichenko (olga-star.05@mail.ru)

The authors discuss the trends in the legal regulation of the land cadastre in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Emphasis is placed on the long-term fruitful cooperation between the two countries. The conclusion is made about the obsolescence of the current law, about its inability to regulate new relations modified by the accelerating digitalisation, and about the need for a more rapid response to emerging challenges.

Keywords: land cadastre and cartography; digitalisation of the cadastre; cadastre of Belarus; digitalisation of law; unmanned aerial vehicles.

Acknowledgements. The research has been conducted with financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. 20-511-00009.

Образец цитирования:

Мирошниченко ОИ, Дьяконова АВ. Цифровизация кадастра. Перспективы развития в России и Беларуси. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:10–13.

For citation:

Miroshnichenko OI, Diakonova AV. Digitalisation of the cadastre. Development prospects in Russia and Belarus. Journal of the Belarusian State University. Law. 2021;3:10–13. Russian.

Авторы:

Ольга Игоревна Мирошниченко – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридической школы.
Анастасия Витальевна Дьяконова – магистрант.

Authors:

Olga I. Miroshnichenko, PhD (law), docent; head of the department of theory and history of state and law, law school. olga-star.05@mail.ru
Anastasia V. Diakonova, master's degree student. dyakonova32@mail.ru





Введение

Цифровизация постепенно проникает во все сферы общественной жизни, включая самые консервативные. На сегодняшний день с трудом можно представить какие-либо отношения, не затронутые так или иначе цифровой модификацией.

Поводом для размышлений в рамках настоящей статьи стала нарастающая тенденция к усиленному влиянию подобной трансформации на действующее право. Парадоксально, но более всего такое влияние заметно в области общественных отношений, которые, как правило, плохо поддаются каким-либо инновационным изменениям и вбирают в себя преимущественно традиции, которые были выверены и признаны обществом. Речь идет в том числе и о правоотношениях в области земельного кадастра и картографии, которые, как показывает вре-

мя, довольно труднодоступны для цифровизации. На сегодняшний день одной из приоритетных задач государства является внедрение и активное использование цифровых технологий для автоматизации процессов управления недвижимым имуществом. Исследователи отмечают, что основа информационной инфраструктуры была заложена в 1996 г., когда на законодательном уровне был принят вектор автоматизации ведения кадастра как основы систем управления земельными ресурсами и объектами недвижимости путем создания автоматизированной системы [1, с. 66]. Одним из ключевых аспектов, определяющих потенциальную модернизацию всей системы в целом, и является внедрение принципиально новых схем взаимодействия между «цифрой» и людьми.

Материалы и методы исследования

В работе исследуются как нормы национального права Российской Федерации, так и нормы Республики Беларусь, регламентирующие некоторые проблемные аспекты правового регулирования нововведений в сфере кадастра и картографии, в том числе и беспилотных летательных аппаратов. Исследование также содержит некоторые программные акты стран

и отчеты о деятельности органов в сфере земельных правоотношений. Преимущественно используется формально-догматический метод и метод сравнительного государствоведения. Отдельные аспекты проблемного поля исследования находят отражение в трудах таких ученых, как Б. Н. Олзоев, Дж. Кауфман, Дж. Стотер, Н. Г. Овчинникова, Д. А. Шаповалов и др.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время высокоточное топографо-геодезическое и картографическое обеспечение – не очередное цифровое излишество, как может показаться на первый взгляд, а правовая необходимость. Как указано в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 55, такое обеспечение – «базовый элемент экономического развития, поддержания обороноспособности и безопасности страны, эффективного государственного управления»¹.

При введении в оборот цифровых новшеств неизбежно возникают вопросы и проблемы в связи с устареванием существующей законодательной базы, которая не способна обеспечивать нужды, для которых создавалась, т. е. регулировать *существующие* общественные отношения. Приведем некоторые примеры в предметной области.

Соответствующие проблемы можно обнаружить в воздушном законодательстве в связи с тем, что

современной тенденцией цифровизации кадастра является использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Так, в 2015 г. в Воздушный кодекс Российской Федерации были внесены существенные изменения: были проработаны некоторые очевидные проблемные зоны правового регулирования беспилотников, появилась легальная дефиниция беспилотного воздушного судна². И все это в то время, когда страна довольно продолжительное время развивала подобные технологии и уже более 5 лет активно сотрудничала с крупной израильской компанией IAI, поставляющей беспилотные системы³. Но даже после внесения изменений в закон ситуация выглядела следующим образом: «Исполнить его [закон] не может никто. Владельцы просто не знают, куда обращаться. Минтранс, к которому в результате ведут все дороги, не знает, как это делать.

¹О Государственной программе «Земельно-имущественные отношения, геодезическая и картографическая деятельность» на 2021–2025 годы : постановление Сов. Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 55 [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100055> (дата обращения: 11.11.2021).

²Воздушный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?from=191739-314&req=doc&rnd=692251DE79512942A528C52D35D80AC5&base=LAW&n=389222&stat=srcfld%3D134%26src%3D100000001%26fld%3D134%26code%3D65535%26page%3Dinfo%26p%3D0%26base%3DLAW%26doc%3D191739#9EajhoSeH25mxOZ5> (дата обращения: 11.11.2021).

³Россия продолжит сборку израильских беспилотников еще до 10 лет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/04/07/636868-rossiya-prodolzhit> (дата обращения: 11.11.2021).



Прокуратура не понимает, как ловить нарушителей. Росавиация разводит руками – летать нельзя никому, нигде, никак»⁴. В итоге проблемы решались правоприменительной практикой по мере их поступления. Ориентиром для правоприменителя в данной области считается один из самых значимых в воздушном законодательстве актов – постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации». Интересно, однако, что лишь в феврале 2020 г. в данный документ были внесены соответствующие изменения и исключена дефиниция понятия «беспилотный летательный аппарат»⁵, которая по правилу юридической силы акта уже более пяти лет не существовала на бумаге.

Приведем еще один пример законодательного несовершенства в исследуемой области. В России для выполнения аэрофотосъемки с беспилотника необходимо получить следующие документы:

- 1) разрешение на съемку от Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации;
- 2) разрешение на съемку от оперативного управления штаба военного округа, в зоне ответственности которого находится снимаемый объект;
- 3) разрешение от территориальных органов безопасности ФСБ.

Дополнительно в случае полетов над территорией населенного пункта необходимо разрешение соответствующего органа местного самоуправления.

В итоге, как справедливо отмечают И. В. Кудинов и С. А. Саранчин, например, сроки выполнения работ по государственным и муниципальным контрактам не позволяют исполнителю потратить от 2 до 6 месяцев на сбор разрешений для производства работ [2, с. 255].

Таких примеров законодательных несовершенств, связанных с переходом в диджитализацию, масса. Решение их видится, на наш взгляд, в комплексном, а главное, опережающем обновлении системы законодательства в целом.

Так, в Республике Беларусь с начала 2021 г. действует Государственная программа «Земельно-

имущественные отношения, геодезическая и картографическая деятельность» на 2021–2025 годы. Для достижения поставленной в ней цели программа предписывает выполнить такие инновационные задачи, как, например, создание, обновление и издание государственных топографических карт и планов, общегеографических и тематических карт и планов в цифровой форме, развитие государственных географических информационных систем и ресурсов в области геодезии и картографии, включая формирование и ведение Госкартгеофонда, и т. д.⁶ Многие из подобных задач предполагают использование в том числе и высокоточного беспилотного летательного оборудования.

Ответственным заказчиком данной программы является Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. Стоит отметить многолетнее сотрудничество последнего и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Плодотворная работа уже привела к созданию технологичного продукта – российско-белорусского геопортала, объединяющего картографические данные соседствующих стран и метаданные (позволяют описывать содержание, объем, положение в пространстве, качество и другие характеристики пространственных данных и пространственных объектов). Также обсуждается инициатива по разработке портала инфраструктуры пространственных данных стран СНГ⁷.

Россия также стремится создать эффективную систему реагирования на внешние вызовы. Так, в 2021 г. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии планирует участие более чем в 50 мероприятиях, большинство из которых так или иначе связано с обсуждением цифровых инициатив. Среди таких встреч и мероприятия в рамках развития двустороннего сотрудничества с Беларусью (например, прошедшее в июне совместное заседание коллегий Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в составе Росреестра и подведомственных учреждений и Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь)⁸.

⁴Аксенов П. Закон о беспилотниках в России: всем нельзя все [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2016/04/160413_russa_drone_law (дата обращения: 11.11.2021).

⁵Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 № 138 [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=CEXjhoS8kZfFW3Tk&cacheid=257AFED15B9BBDDAAA6D71FFE9547926&mode=splus&base=LAW&n=370637&dst=150&rnd=692251DE79512942A528C52D35D80AC5#mvYLhoSGhGNYOGff1> (дата обращения: 11.11.2021).

⁶О Государственной программе «Земельно-имущественные отношения, геодезическая и картографическая деятельность» на 2021–2025 годы...

⁷Госкомимущество планирует разработать портал инфраструктуры пространственных данных стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/economics/view/goskomimushchestvo-planiruet-razrabotat-portal-infrastruktury-prostranstvennyh-dannyh-stran-sng-447144-2021/> (дата обращения: 11.11.2021).

⁸Отчет о деятельности Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в сфере международного сотрудничества за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/09-upr/Отчет%20межд.%20за%202020%20год.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).



Закключение

Оценивая перспективы существующих и планируемых нововведений и международного сотрудничества в сфере кадастра и картографии, мы придерживаемся мнения, что цифровизация кадастра посредством внедрения беспилотных летательных аппаратов, 3D-визуализации, географических информационных систем, топографических карт и планов в цифровом формате и многого другого просто бессмысленна без качественного фундамента в виде законодательной базы. Мы можем

бесконечно долго и, главное, успешно развивать передовые технологии, но какой в этом смысл, если результатом такого развития нельзя будет фактически воспользоваться? Очевидно, что цифровизация земельных отношений носит уже стратегический характер, в связи с чем перспективность и сложность задачи требуют не только комплексного и структурированного подхода к межотраслевому сотрудничеству, но и предметного совершенствования.

Библиографические ссылки

1. Гура ДА, Павлюкова АП. Информационное обеспечение кадастра недвижимости: исторический опыт, современность и перспективы. В: Яроцкая ЕВ, Юрченко КА, Матвеева АВ, редакторы. *Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции; 23 апреля 2019 г.; Краснодар, Россия*. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина; 2020. с. 63–69.

2. Кудинов ИВ, Саранчин СА. Правовое регулирование использования БПЛА на территории Российской Федерации. В: Сысоев ОЕ, Ши Тиемао, Хейн Вин Зо, Цветков ОЮ, редакторы. *Региональные аспекты развития науки и образования в области архитектуры, строительства, землеустройства и кадастров в начале III тысячелетия: материалы Международной научно-практической конференции; 29–30 ноября 2018 г.; Комсомольск-на-Амуре, Россия*. Комсомольск-на-Амуре: КнАГУ; 2019. с. 251–256.

References

1. Gura DA, Pavlyukova AP. Real estate cadastre information: historical experience, modernity and prospects. In: Yarotskaya EV, Yurchenko KA, Matveeva AV, editors. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya zemel'no-imushchestvennykh ot-noshenii: sbornik statei po materialam II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23 aprelya 2019 g.; Krasnodar, Rossiya* [Modern problems and prospects for the development of land property relations: collection of articles based on the materials of the 2nd All-Russian scientific and practical conference; 2019 April 23; Krasnodar, Russia]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; 2020. p. 63–69. Russian.

2. Kudinov IV, Saranchin SA. Legal regulation of the use of UAVs on the territory of the Russian Federation. In: Sysoev OE, Shi Tiemao, Khein Vin Zo, Tsvetkov OYu, editors. *Regional'nye aspekty razvitiya nauki i obrazovaniya v oblasti arkhi-tektury, stroitel'stva, zemleustroistva i kadastr v nachale III tysyacheletiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–30 noyabrya 2018 g.; Komsomol'sk-na-Amure, Rossiya* [Regional aspects of the development of science and education in the field of architecture, construction, land management and cadastres at the beginning of the 3rd millennium: materials of the International scientific and practical conference; 2018 November 29–30; Komsomolsk-on-Amur, Russia]. Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-na-Amure State University; 2019. p. 251–256. Russian.

Статья поступила в редколлегия 18.11.2021.
Recieved by the editorial board 18.11.2021.



ПРАВОВАЯ ОХРАНА НОУ-ХАУ КАК ЭЛЕМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. Д. ЛАНДО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяются особенности природы права на секреты производства, роль указанного объекта интеллектуальной собственности в трансформации цифровой экономики, перспективы выбора модели правовой охраны ноу-хау в рамках Евразийского экономического союза. Обосновывается необходимость легального определения природы права на ноу-хау в Гражданском кодексе Республики Беларусь, а также выработки единообразного подхода к регулированию передачи сведений, составляющих ноу-хау, или права на ноу-хау по договору. В свете развития технологий искусственного интеллекта рассмотрен вопрос о целесообразности охраны объекта, созданного искусственным интеллектом, в качестве ноу-хау. Предложено осуществлять оценку изменений законодательства о ноу-хау с учетом запросов практики правоприменения.

Ключевые слова: инновационное развитие; искусственный интеллект; коммерческая тайна; секреты производства (ноу-хау); цифровая экономика.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-080.

LEGAL PROTECTION OF KNOW-HOW AS AN ELEMENT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

D. D. LANDO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article defines specific features of the right to know-how and refers to its role in the digital economy transformation. The prospects of choosing a model of legal protection for know-how in the Eurasian Economic Union are analysed. The author justifies the need for a legal definition of the nature of the right to know-how in the Civil Code of the Republic of Belarus. It is necessary to introduce a uniform approach in regulating of a contractual transfer of data constituting know-how or the right to know-how. Active development of artificial intelligence technologies raises the question of the appropriateness of protecting the object created by artificial intelligence as know-how. The author suggests taking into account practical aspects while assessing legal amendments concerning know-how.

Keywords: innovation development; artificial intelligence; commercial secrets; trade secrets (know-how); digital economy.

Acknowledgements. The research has been conducted with financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. Г20Р-080.

Образец цитирования:

Ландо ДД. Правовая охрана ноу-хау как элемент цифровой трансформации экономики Республики Беларусь. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:14–22.

For citation:

Lando DD. Legal protection of know-how as an element of the digital transformation of the economy of the Republic of Belarus. Journal of the Belarusian State University. Law. 2021;3:14–22. Russian.

Автор:

Дарья Дмитриевна Ландо – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Darya D. Lando, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law.
lando@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0003-0754-9840>





Введение

Гражданское право традиционно признается отраслью, которая призвана обеспечить правовой инструментарий, стимулирующий производителей к отказу от устаревших способов производства, использования затратных и малоэффективных технологий, производства неконкурентоспособной продукции [1, с. 97]. При этом правовая охрана ноу-хау признается перспективной формой охраны объектов интеллектуальной собственности в условиях экономико-правовой модернизации и инновационного развития [2, с. 25–27].

В рамках Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы¹ были определены слагаемые роста конкурентоспособности отраслей экономики, основанного на инновациях. Гл. 6 упомянутой программы содержала перечень важнейших факторов повышения конкурентоспособности базовых отраслей и успешного развития новых секторов экономики (комплексная цифровая трансформация экономики, широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий).

Цифровая трансформация экономики (информатизация) предполагала решение и такой ключевой задачи, как изучение возможностей использования новейших технологий передачи и хранения информации, в частности, в банковской сфере, государственном управлении, нотариате. Основными направлениями информатизации банковского сектора были объявлены широкомасштабное внедрение электронных технологий (мобильных платежей, бесконтактных технологий, рынка электронных денег, цифрового банкинга, технологии блокчейн), выход банковской сферы в онлайн-среду.

В гл. 1 Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы² констатируется, что в предшествующий пятилетний период решены основные стратегические задачи по развитию национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, услуг, предоставляемых на ее основе, модернизированы и созданы новые базовые компоненты электронного правительства, внедрены цифровые решения в различных отраслях экономики. Дополнительно отмечается, что «в целом достигнутые результаты свидетельствуют об эффективном и системном подходе Республики

Беларусь к процессам цифровой трансформации экономики»³. В условиях развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры, расширения спектра базовых отраслевых информационных ресурсов и технологий в стране формируется необходимая основа для перехода к высокотехнологичным стандартам оказания услуг населению, принятия управленческих решений и реализации ключевых бизнес-процессов.

Цифровая трансформация экономики, базирующаяся на новейших технологиях передачи и хранения информации, предполагает активное использование потенциала такого объекта интеллектуальной собственности, как ноу-хау. Косвенным подтверждением указанного тезиса является цифровая повестка Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Подписанное главами государств – членов ЕАЭС 26 декабря 2016 г. заявление об указанной повестке⁴ включает в себя актуальные для ЕАЭС вопросы по цифровым преобразованиям в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов. Одной из форм обеспечения необходимых условий для формирования цифровой повестки ЕАЭС признается подготовка предложений и обмен опытом в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

При определении направлений развития цифровой экономики координация действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности определяется как ориентир для дальнейшей гармонизации в рамках ЕАЭС, которая будет способствовать цифровой трансформации рынка товаров и услуг. Конечными целями такой трансформации являются значительное упрощение торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активное использование электронной торговли, а также эффективная реализация и использование механизмов одного окна в сфере экономики⁵.

Существующая специфика правовой охраны ноу-хау в Республике Беларусь может способствовать изменению законодательства иных государств – членов ЕАЭС в рамках планируемой гармонизации. Вместе с тем нельзя исключать изменение подходов законодателя и выбор иной модели правовой охраны секретов производства, ранее существовавшей

¹Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31600466> (дата обращения: 31.08.2021).

²Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066&p1=1> (дата обращения: 31.08.2021).

³Там же.

⁴Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/988/заявление%20о%20цифровой%20повестке%20ЕАЭС%20копия_пподписанное.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

⁵Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.eaeunion.org/upload/medialibrary/9ed/%D1%80%D0%B5%D1%88+12+%D0%BA%D0%BE%D0%BF.pdf> (дата обращения: 31.08.2021).



в Республике Беларусь либо существующей в государствах – членах ЕАЭС.

В рамках данного исследования определены теоретические и практические проблемы применения норм о секретах производства (ноу-хау) и предложены варианты их решения.

При сопоставлении подходов законодателей Республики Беларусь и Российской Федерации к пониманию природы права на ноу-хау и определению места указанного объекта в системе объектов права промышленной собственности использовались публикации Д. А. Беловой [3], Э. П. Гаврилова [4; 5], Р. Ф. Галеевой⁶, В. А. Дозорцева [6], О. А. Елисеевой⁷, С. С. Лосева [7], В. П. Мозолина [3; 8], Е. А. Моргуновой⁸, А. С. Яковлева [9] и результаты собственных исследований⁹. Оценка перспективности ноу-хау в условиях инновационного развития осуществля-

лась, в частности, А. О. Иншаковой [1; 2]. Отдельные аспекты потенциала международной охраны ноу-хау на универсальном и региональном уровнях исследованы на основании работ Е. Б. Леанович [10], И. В. Шугуровой [11]. Проблематика целесообразности охраны объекта, созданного искусственным интеллектом, в качестве ноу-хау проанализирована с использованием результатов исследований В. Б. Наумова и Е. В. Тытюк [12], Е. П. Сесицкого¹⁰. Результаты анкетирования, относящиеся к коммерциализации ноу-хау, получены благодаря участию в рабочей группе по подготовке политики в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций республики, созданной приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 23 сентября 2019 г. № 272 [13].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания: диалектический, логический, сравнительно-правовой, метод системного анализа.

Теоретическую основу исследования составили работы по гражданскому праву. Результаты исследования основаны на изучении законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Отличительной особенностью всех объектов интеллектуальной собственности традиционно признается возникновение исключительного права на такие объекты. В специальной литературе предлагались различные определения содержания исключительного права на объект интеллектуальной собственности, обсуждалась специфика исключительного права на такой объект, как секреты производства (ноу-хау), но большинство авторов сходятся во мнении о необходимости обеспечить обладателю сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), легальную монополию по их использованию [3; 4; 6; 7]. При этом заслуживающей внимания является позиция В. П. Мозолина, согласно которой концепция законодателя, основанная на приоритете исключительных прав над личными неимущественными правами, обладает рядом существенных недостатков [8, с. 103–106].

Законодательно монополия одного или нескольких лиц на ноу-хау установлена в ст. 1466 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹, согласно которой обладателю секрета производства принадлежит исключительное право использования его любым не противоречащим закону способом (исключительное право на секрет производства), в том числе при изготовлении изделий и реализации экономических и организационных решений. Обладатель секрета производства может распоряжаться указанным исключительным правом. Лицо, ставшее добросовестно и независимо от других обладателей секрета производства обладателем сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, приобретает самостоятельное исключительное право на него.

Законодатель Республики Беларусь выбрал иной путь регулирования общественных отношений, свя-

⁶Галеева Р. Ф. Исключительное право: правовая природа и роль в гражданском обороте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : Рос. акад. правосудия, 2011. 29 с.

⁷Елисеева О. А. Секрет производства (ноу-хау) как объект права интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : Моск. акад. экономики и права, 2011. 170 с.

⁸Моргунова Е. А., Погуляев В. В., Корчагина Н. П. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [Электронный ресурс]. URL: <https://rucont.ru/efd/260674> (дата обращения: 31.08.2021).

⁹Ландо Д. Д. К вопросу о природе права на ноу-хау // Теорет.-приклад. проблемы реализации и защиты субъектив. прав в контексте инновац. соц.-экон. развития о-ва: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, 20–21 апр. 2018 г., Минск, Беларусь ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 156–160 ; Она же. Интеллектуальная собственность в контексте реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь // Гармонізація прив.-прав. законодавства України із законодавством країн ЄС. 36. ст. і тез. : матеріали IX Міжнар. цивіліст. форуму, 11–12 квітня 2019 рік, Харків, Україна. Київ : Знання, 2019. С. 67–73.

¹⁰Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : Рос. гос. акад. интелект. собственности, 2018. 218 с.

¹¹Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.



занных с охраной секретов производства (ноу-хау) и осуществлением права обладателя сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), на защиту таких сведений от незаконного использования.

Секреты производства (ноу-хау) изначально были включены в перечень объектов интеллектуальной собственности, предусмотренный ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК)¹². Секреты производства (ноу-хау) рассматриваются рядом авторов в качестве объекта права промышленной собственности, отнесение которого к результатам интеллектуальной деятельности условно. В связи с этим у данного объекта не может быть автора и в отношении него не может существовать право авторства¹³.

11 июля 2013 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. №16-З «О коммерческой тайне»¹⁴. Ст. 21 указанного закона в ГК внесены изменения, которые кардинальным образом изменили правовое регулирование секретов производства и породили теоретические вопросы и проблемы правоприменения. Особую значимость, с нашей точки зрения, приобрел вопрос о природе права на ноу-хау.

До 11 июля 2013 г. в соответствии со ст. 983 ГК действовало общее правило о том, что владельцу имущественных прав на любой результат интеллектуальной деятельности (в том числе ноу-хау) принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом. При этом постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30 апреля 2012 г. № 25 «О некоторых вопросах бухгалтерского учета»¹⁵ имущественные права на секреты производства были отнесены к нематериальным активам организаций, в том числе бюджетных (п. 7.1 Инструкции по бухгалтерскому учету нематериальных активов; п. 5.1 Инструкции по бухгалтерскому учету нематериальных активов в бюджетных организациях).

11 июля 2013 г. ч. 1 п. 1 ст. 983 ГК секреты производства (ноу-хау) выведены из состава объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых возникает исключительное право. Фактически общее для всех результатов интеллектуальной

деятельности правило об определении природы прав на них перестало применяться в отношении секретов производства (ноу-хау). Отказ от определения права на ноу-хау как исключительного создал предпосылки для неоднозначного толкования норм ГК и иных нормативных правовых актов¹⁶. На наш взгляд, предложенный законодателем вариант формулирования такого исключения и определения содержания права на секреты производства (ноу-хау) порождает проблемы при правоприменении по проанализированным ниже причинам.

Рассмотрим положения вынесенного ранее на общественное обсуждение проекта Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь»¹⁷ (сегодня идет работа над проектом Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов», положения которого во многом совпадают в части правового регулирования ноу-хау с вынесенным ранее на всеобщее обсуждение проектом). Предлагаемые в указанных проектах нормы, на наш взгляд, не позволят решить существующие проблемы правового регулирования и могут породить новые¹⁸.

Особенности правовой охраны ноу-хау повлекли изменения системы объектов гражданских прав. В силу абз. 5 ст. 128 ГК объектами гражданских прав признаются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг. Указанную норму предложено изложить в новой редакции «с учетом необходимости охватить все права, которые могут быть на объекты интеллектуальной собственности, в том числе секреты производства (ноу-хау)»¹⁹. При этом объектом гражданских прав предложено признавать права на объекты интеллектуальной собственности. Рекомендуемая формулировка позволяет учесть, что авторам результатов интеллектуальной деятельности в отношении этих результатов могут принадлежать как исключительные права, так и иные имущественные, а также личные неимущественные права. Дискуссию вызвал вопрос о соотношении такого объекта гражданских прав, как права на объекты интеллектуальной собственности, с иными объектами гражданских прав (в частности, с имущественными правами). В качестве промежуточного

¹²Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 31.08.2021).

¹³Моргунова Е. А., Погуляев В. В., Корчагина Н. П. Права на результаты интеллектуальной деятельности...

¹⁴О коммерческой тайне : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. №16-З [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300016> (дата обращения: 31.08.2021).

¹⁵О некоторых вопросах бухгалтерского учета [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W21226354&p1=1> (дата обращения: 31.08.2021).

¹⁶Подробнее см.: Ландо Д. Д. К вопросу о природе права на ноу-хау... С. 156–160.

¹⁷О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

¹⁸Подробнее см.: Ландо Д. Д. Интеллектуальная собственность... С. 67–73.

¹⁹Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://jurist.by/storage/app/media/2391-1.pdf> (дата обращения: 31.08.2021).



решения предложено в абз. 2 ст. 128 ГК предусматривать, что к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, за исключением имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности.

До 11 июля 2013 г. п. 1 и 2 ст. 982 ГК позволяли однозначно определить вид прав (личные неимущественные права и (или) имущественные права), возникающих в отношении каждого из объектов интеллектуальной собственности. Ввиду изложенных выше изменений ч. 1 п. 1 ст. 983 ГК созданы предпосылки для различных вариантов толкования: обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности (за исключением секретов производства) или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Полагаем, что законодатель с высокой степенью вероятности предполагал технически исключить ноу-хау из перечня результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых возникает исключительное право. Однако недостаточная четкость формулировки порождает следующий вариант прочтения нормы: обладатель права на ноу-хау является обладателем имущественного, но не исключительного права.

При этом следует признать, что специфика права на ноу-хау изначально не была отражена при построении системы прав на объекты интеллектуальной собственности. Для всех результатов интеллектуальной деятельности предлагается единый вариант наделения правообладателя личными неимущественными и имущественными правами (п. 1 ст. 982 ГК). На наш взгляд, комплексный анализ норм действующего ГК о секретах производства (ноу-хау) не позволяет определить право на указанный результат интеллектуальной деятельности как классическое имущественное право на объект интеллектуальной собственности.

Позиция законодателя, согласно которой исключительное право на ноу-хау не возникает, не является новой. Вместе с тем особое внимание следует обратить на то, что в рамках такого подхода лицо, правомерно обладающее сведениями, составляющими секрет производства, не признается обладателем права на использование ноу-хау. В частности, Э. П. Гаврилов отмечал, что до момента заключения договора, касающегося секрета производства, у его обладателя есть лишь публичное право на охрану конфиденциальности личной тайны, которое в случае его нарушения получает гражданско-правовую защиту. В случае, если информация имеет практическую ценность для третьих лиц, ее обладатель «может попытаться заключить договор и продать другому лицу данные сведения» [5, с. 41, 53].

Действующий ГК (п. 1 ст. 1010) предусматривает, что лицо, правомерно обладающее сведениями, составляющими секрет производства (ноу-хау), имеет право на их защиту от незаконного использования. Указанная формулировка породила ряд вопросов о природе такого права. Имущественным правом традиционно признается субъективное гражданское право, являющееся средством реализации имущественного интереса благодаря возможности денежной оценки и способности к передаче от одного субъекта к другому [9]. Вместе с тем законодатель не предложил на уровне ГК норм, опосредующих отчуждение права на ноу-хау. В силу ст. 1012 ГК распоряжение имеет место не в отношении права, а только в отношении сведений, составляющих объект интеллектуальной собственности: лицо, обладающее секретом производства (ноу-хау), может передать все или часть составляющих его сведений другому лицу по договору. Специфика природы права на секреты производства (ноу-хау) и в особенности определение порядка распоряжения собственно объектом интеллектуальной собственности обусловили возникновение споров о порядке применения коллизионных норм о договорах, имеющих своим предметом именно права на интеллектуальную собственность (п. 2 ст. 1132 ГК).

На момент написания данной статьи обсуждается следующий вариант определения прав, возникающих в отношении ноу-хау: лицо, правомерно обладающее сведениями, составляющими секрет производства, имеет право использовать эти сведения, а также запрещать другим лицам неправомерный доступ к ним при условии установления в отношении этих сведений режима коммерческой тайны.

На наш взгляд, предложенная формулировка не в полной мере решает проблему отсутствия четкого определения природы права на секреты производства.

Легальное определение природы права на ноу-хау имеет практическое значение. Очевидно, что для правоприменителей недостаточной является констатация в п. 1 ст. 983 ГК того факта, что на секреты производства не возникает исключительное право. На практике активно продолжают заключаться лицензионные договоры, предполагающие наличие исключительного права на ноу-хау у лицензиара. Вместе с тем необходимо учитывать относительно новую конструкцию договора о предоставлении всех или части сведений, составляющих секреты производства (ст. 1012 ГК).

И если договоры комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), заключенные до 11 июля 2013 г., действуют в течение указанного в них срока и не подлежат приведению в соответствие с требованиями Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-3 «О коммерческой тайне» (ст. 22), то для лицензионных договоров аналогичные переходные положения не предусмотрены.



В подпункте 2.1 п. 2 Положения о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности²⁰ предусмотрена возможность заключения договора не только о предоставлении секрета производства (его части), но и права на его использование. В итоге имеет место терминологическое несоответствие нормам ГК. Наличие правовых оснований для введения подобных норм вызывает сомнение.

Поскольку имущественный характер права на защиту сведений от незаконного использования вызывает определенные сомнения, а отчуждаемость указанного права нормами ГК не предполагается, возникают сомнения относительно возможности проведения оценки стоимости такого права и правомерности его внесения в качестве неденежного вклада в уставный фонд организации.

Как отмечали В. П. Мозолин и Д. А. Белова, в основе возникновения права на ноу-хау лежат действия обладателя сведений по установлению в отношении них режима коммерческой тайны. Правовая охрана секретов производства основана на субъективном усмотрении их обладателя, поскольку именно он определяет объект охраны, устанавливает факт соответствия сведений условиям охраноспособности, совершает действия, необходимые для возникновения исключительного права, обеспечивает монопольное использование сведений и именно от его усилий, как правило, зависит срок действия исключительного права на ноу-хау [3].

Согласно п. 2 ст. 1010 ГК сведения, составляющие секрет производства, охраняются в режиме коммерческой тайны в случае, если они соответствуют требованиям, определенным п. 2 ст. 140 ГК. Право на защиту таких сведений возникает независимо от выполнения в их отношении каких-либо формальностей (регистрации, получения свидетельства и т. п.).

Правовой режим коммерческой тайны воспринимается рядом авторов как дополнительный инструмент при выстраивании комплексной стратегии охраны интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности. В большей мере это проявляется при международной охране интеллектуальной собственности ввиду того, что договорная основа установления режима коммерческой тайны не знает ограничений по принципу территориальности, которым подвержена процедура зарубежного патентования. В литературе указывается на непрекращающуюся критику норм о защите конфиденциальной информации, в развитых странах появляются новые правовые акты, призванные дополнить существующие режимы коммерческой

тайны, что во многом обусловлено проблемой обратного проектирования. При этом под обратным проектированием понимается процесс вычисления технологических принципов и механизмов работы продукта или способа на основе изучения устройства товара, технической и иной сопроводительной документации на него, анализа компонентов вещества, химических анализов и аналогичных методик. Обратное проектирование может подразумевать получение знаний об уровне развития техники или приводить к созданию новых технических решений [10, с. 55, 56, 74].

Закон Республики Беларусь «О коммерческой тайне» предусматривает право лица, правомерно обладающего сведениями, составляющими ноу-хау, на установление режима коммерческой тайны (ст. 7). На наш взгляд, при этом допускается расширительное (по сравнению с ГК) определение содержания права владельца коммерческой тайны, являющегося одновременно лицом, правомерно обладающим сведениями, составляющими ноу-хау. По сути, мы наблюдаем попытку максимально приблизить по содержанию право владельца коммерческой тайны к исключительному праву на результат интеллектуальной деятельности, не признавая его таковым (ст. 10 указанного закона). В соответствии с рассматриваемым законом владелец коммерческой тайны имеет следующие права:

- изменять или отменять режим коммерческой тайны;
- изменять состав сведений, входящих в коммерческую тайну;
- использовать сведения, составляющие коммерческую тайну;
- разрешать или запрещать доступ другим лицам к коммерческой тайне, изменять порядок и условия доступа к ней, если иное не установлено настоящим законом и иными законодательными актами;
- распоряжаться сведениями, составляющими коммерческую тайну;
- применять предусмотренные гражданским законодательством способы защиты от действий (бездействия) лиц, нарушающих режим коммерческой тайны или создающих угрозу такого нарушения.

Фактически законодатель избегает только прямого указания на то, что владелец коммерческой тайны вправе передать право на объект другому лицу и распорядиться таким правом иным образом. При этом вновь дублируется положение о том, что владелец коммерческой тайны может передать все или часть сведений, составляющих коммерческую тайну, другому лицу по договору, обязательным условием которого является обеспечение конфиденциальности передаваемых сведений.

²⁰Положение о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c29800368> (дата обращения: 31.08.2021).



В соответствии с ч. 2 ст. 981 ГК условия предоставления правовой охраны секретам производства определяются ГК и иными законодательными актами. Представляется, что природа права на объект интеллектуальной собственности и содержание такого права должны быть определены на уровне ГК.

Предлагаем устранить противоречия в определении порядка признания прав на объекты интеллектуальной собственности. Если в п. 1 ст. 982 ГК разработчики определяют, что имущественные и (или) личные неимущественные права в отношении объектов интеллектуальной собственности признаются ГК и иными законодательными актами, то не следует в ст. 139 ГК спускаться на уровень ниже и утверждать, что в случаях и порядке, установленных данным кодексом и иными актами законодательства, признаются права граждан и (или) юридических лиц на объекты интеллектуальной собственности.

В свете утверждения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы актуальным становится анализ особенностей правовой охраны ноу-хау при реализации такой технологии, как искусственный интеллект²¹. Искусственный интеллект призван способствовать укреплению экономического потенциала Республики Беларусь. Например, в рамках определения точек роста промышленности указывается на необходимость развития производства многофункциональных беспилотных авиационных и роботизированных комплексов, роботизированных систем с использованием технологий искусственного интеллекта, программно-аппаратных комплексов. В животноводстве есть необходимость продолжить работу по техническому переоснащению животноводческих объектов, в том числе интеллектуальными роботизированными системами, машинами и аппаратами с искусственным интеллектом. Планируется построить цифровую (виртуальную) инфраструктуру с применением технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных, виртуальной и дополненной реальности, интернета вещей, робототехнических систем различного функционального назначения. Для совершенствования налогового администрирования и цифровизации налоговой системы предполагается автоматизировать процессы в этой сфере, а также внедрить в ее элементы искусственного интеллекта.

Ряд авторов считают переоцененной роль секретов производства (ноу-хау) при реализации такой технологии, как искусственный интеллект. Высказывается мнение о том, что охрана объекта, созданного искусственным интеллектом, предпо-

лагает в большинстве случаев заинтересованность лиц, создающих объекты таким образом, в их пространстве с целью извлечения прибыли. А охрана в качестве секретов производства (ноу-хау) целесообразна лишь в том случае, если обладатель информации не планирует ее раскрывать. Вместе с тем признается возможной охрана объекта, созданного искусственным интеллектом, в качестве секретов производства, дополняющая какой-либо иной способ охраны [12, с. 538].

Исходя из современного состояния технологий искусственного интеллекта и областей деятельности, в которых имеется реальный потенциал машин по автономному созданию охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, а также принимая во внимание специфику самих результатов интеллектуальной деятельности, на уровне диссертационных исследований обосновывается нецелесообразность предоставления особой правовой охраны в качестве ноу-хау автономно созданным системой искусственного интеллекта объектам. Признается, что перечень охраняемых объектов может дополняться с развитием технологий искусственного интеллекта и робототехники, однако специфика секретов ноу-хау определяет неостребованность введения в качестве отдельного объекта охраны секретов производства (ноу-хау), созданных системой искусственного интеллекта. При этом делается вывод о том, что любые данные, в том числе в научно-технической сфере, созданные системой искусственного интеллекта, можно полноценно и без проблем защищать в рамках действующих механизмов охраны ноу-хау²².

Передача прав на секреты производства признается востребованным способом коммерциализации, что обуславливает возрастание роли указанного объекта интеллектуальной собственности в условиях формирования и развития цифровой экономики [11, с. 45]. В рамках Национального проекта по развитию институциональной политики в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций Беларуси²³ в целях оценки текущей ситуации в Республике Беларусь в области управления интеллектуальной собственностью, а также определения потребностей и потенциала соответствующих организаций для их развития и сотрудничества в области интеллектуальной собственности, передачи знаний на благо общества проведен опрос на основании анкеты «Система управления интеллектуальной собственностью в высших учебных заведениях и научно-исследовательских

²¹Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 31.08.2021).

²²Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов... С. 174–176.

²³Подписан Национальный проектный документ по развитию институциональной политики в области интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncip.by/o-centre/novosti/podpisan-natsionalnyy-proektnyy-dokument-po-razvitiyu-institutsionalnoy-politiki-v-oblasti-intellekt/>?print=y (дата обращения: 31.08.2021).



организациях Республики Беларусь – текущее состояние». В частности, исследовались вопросы коммерциализации секретов производства. В анкетировании приняли участие 24 учреждения высшего образования и 32 научные организации, подведомственные Министерству образования Республики Беларусь и Национальной академии наук Беларуси. Имущественные права на ноу-хау ставятся на бухгалтерский учет в двух учреждениях высшего образования и пяти научных организациях. За последние три года договоры о передаче сведений, составляющих ноу-хау, заключались одним учреждением высшего образования и четырьмя научными организациями. При этом поступления от коммерциализации указанного объекта имеют два учреждения высшего образования и три научные организации.

На момент написания статьи стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 годы не была утверждена.

Исходя из основных направлений совершенствования законодательного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, определенных ранее в стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы²⁴ (в частности, развития законодательства с учетом экономических аспектов управления интеллектуальной собственностью, унификации подходов в правовом регулировании охраны различных объектов интеллектуальной собственности, увеличения кодифицированной составляющей законодательства, обеспечивающей системность и комплексность регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности), полагаем необходимым оценить целесообразность и правовые последствия изменения сложившейся системы прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечить единообразное толкование и применение норм о секретах производства путем устранения указанных выше противоречий.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что активизация использования потенциала ноу-хау может обеспечить цифровую трансформацию экономики на более высоком уровне.

В краткосрочной перспективе считаем необходимым легально определить природу права на секреты производства в ст. 982 ГК и подтвердить либо опровергнуть отчуждаемость такого права, возможность оценки его стоимости. С учетом легализации в проекте Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» (ст. 1008 ГК) права на использование сведений, составляющих ноу-хау, предлагаем отразить в законодательстве Республики Беларусь (независимо от вида нормативного правового акта) единый подход к допустимости (недопустимости) передачи указанного права по договору. Это станет гарантией грамотной коммерциализации секретов производства. Мы полагаем, что сегодня на уровне ГК отражен единственный вариант распоряжения указанным объектом – передача по договору именно сведений, составляющих секреты производства, а не права использования такого объекта интеллектуальной собственности (ст. 1012 ГК). Принимая во внимание специфику охраны секретов производства в Республике Беларусь, вероятное повышение

уровня коммерциализации ноу-хау, связанное с цифровой трансформацией экономики, а также отсутствие существенного пересмотра норм о ноу-хау на уровне кодифицированного нормативного правового акта, предлагаем на основании ст. 397 ГК опубликовать в печати примерные условия, разработанные для договоров по передаче сведений, составляющих секрет производства (ноу-хау), или их части.

Особенности условий правовой охраны ноу-хау, природы права на указанный объект интеллектуальной собственности, нашедшие отражение в законодательстве Республики Беларусь, целесообразно оценивать не только с точки зрения теоретических подходов к пониманию исключительного права, но и с учетом запросов практики правоприменения (однозначность, ясность и непротиворечивость правового регулирования). Полагаем, что только такой подход позволит ноу-хау стать полноценным катализатором цифровой трансформации экономики. На определенном этапе наличие национальной специфики ноу-хау может породить проблемы по реализации официально провозглашенной²⁵ региональной унификации гражданского законодательства государств – членов ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Иншакова АО. «Высокие технологии» частнопроводного регулирования наноиндустриализации. Москва: Юрлитинформ; 2013. 156 с.
2. Иншакова А. Формы защиты интеллектуальной собственности в условиях экономико-правовой модернизации и инновационного развития России. *Право и управление. XXI век.* 2015;2:23–29.

²⁴Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://ncip.by/sistema-is/strategiya-rb-v-sfere-is/> (дата обращения: 31.08.2021).

²⁵Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь...



3. Мозолин ВП, Белова ДА. Особенности правового режима «ноу-хау» (секрета производства). *Право и экономика*. 2009;4:44–49.
4. Гаврилов ЭП. Исключительные права на нематериальные объекты. *Патенты и лицензии*. 2001;3:13–20.
5. Гаврилов ЭП. Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны. *Хозяйство и право*. 2014;7:41–56.
6. Дозорцев ВА. Понятие исключительного права. В: Литовкин ВН, Рахмилович ВА, редакторы. *Проблемы современного гражданского права*. Москва: Городец; 2000. с. 287–320.
7. Лосев СС. *Исключительные права в системе гражданских прав*. Минск: Бизнесофсет; 2016. 270 с.
8. Мозолин ВП. О концепции интеллектуальных прав. *Журнал российского права*. 2007;12:100–109.
9. Яковлев АС. *Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: теория и практика*. Москва: Ось-89; 2005. 192 с.
10. Леанович ЕБ. *Права интеллектуальной собственности на мировом рынке: перспективы для Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. 183 с.
11. Шугурова ИВ. Гармонизация правовой охраны секретов производства (ноу-хау) в ЕАЭС в условиях развития цифровой экономики. *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2019;3:44–50.
12. Наумов ВБ, Тютюк ЕВ. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта. *Правоведение*. 2018;62(3):531–540. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.307.
13. Плёткина А, Янтикова Е, Ландо Д. О политике в области интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций Республики Беларусь. *Интеллектуальная собственность в Беларуси*. 2021;2:4–15.

References

1. Inshakova AO. «Vysokie tekhnologii» chastnopravovogo regulirovaniya nanoindustrializatsii [«High technology» of the private law regulation of nanoindustrialisation]. Moscow: Yurlitinform; 2013. 156 p. Russian.
2. Inshakova A. Forms of protection of intellectual property in economic and legal modernization and innovative development of the Russian Federation. *Journal of Law and Administration*. 2015;2:23–29. Russian.
3. Mozolin VP, Belova DA. [Features of the legal regime of know-how (trade secret)]. *Pravo i ekonomika*. 2009;4:44–49. Russian.
4. Gavrilov EP. Exclusive rights to intangible objects. *Patenty i litsenzii*. 2001;3:13–20. Russian.
5. Gavrilov EP. [Civil law enforcement and protection of trade secrets and commercial secrets]. *Khozyaistvo i pravo*. 2014;7:41–56. Russian.
6. Dozortsev VA. [The concept of exclusive rights]. In: Litovkin VN, Rakhmilovich VA, editors. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of modern civil law]. Moscow: Gorodets; 2000. p. 287–320. Russian.
7. Losev SS. *Isklyuchitel'nye prava v sisteme grazhdanskikh prav* [Exclusive rights in the civil rights system]. Minsk: Biznesofset; 2016. 270 p. Russian.
8. Mozolin VP. On the concept of intellectual property rights. *Journal of Russian Law*. 2007;12:100–109. Russian.
9. Yakovlev AS. *Imushchestvennye prava kak ob'ekty grazhdanskikh pravootnoshenii: teoriya i praktika* [Property rights as objects of civil legal relations: theory and practice]. Moscow: Os'-89; 2005. 192 p. Russian.
10. Leanovich EB. *Prava intelektual'noi sobstvennosti na mirovom rynke: perspektivy dlya Respubliki Belarus'* [Intellectual property rights in the world market: prospects for the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 183 p. Russian.
11. Shugurova IV. Harmonisation of the legal protection of trade secrets (know-how) in EAEU in the evolving digital economy. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. 2019;3:44–50. Russian.
12. Naumov VB, Tytiuk EV. On the legal status of the «art» of the artificial intelligence. *Pravovedenie*. 2018;62(3):531–540. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.307.
13. Plenkina A, Yantikova E, Lando D. On intellectual property policy for higher education institutions and scientific organisations in the Republic of Belarus. *Intellektual'naya sobstvennost' v Belarusi*. 2021;2:4–15. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.10.2021.
Recieved by the editorial board 03.10.2021.



УДК 347.78.025 (028)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. О. ЯДРЕВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные направления совершенствования законодательства об авторском праве в связи с развитием цифровых технологий. Обосновывается необходимость в его корректировке по причине возрастающей актуальности вопросов по расширению применения технологий больших данных (*big data*) и вовлечению в их обработку объектов авторского права, совершенствования технологий искусственного интеллекта, способных создавать объекты, обладающие чертами объектов авторского права, развития технологий 3D-печати и необходимости соблюдения исключительного права авторов и иных правообладателей, определения места объектов виртуальной и дополненной реальности в системе авторского права.

Ключевые слова: авторское право; произведение; большие данные; искусственный интеллект; виртуальные цифровые модели и объекты (3D-модели); объекты виртуальной и дополненной реальности.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в рамках научного проекта № Г20Р-080.

MAIN DIRECTIONS FOR THE IMPROVEMENT OF COPYRIGHT LEGISLATION IN CONNECTION OF DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

A. A. YADREUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main directions of improving copyright legislation in connection with the development of digital technologies. The need to amend legislation is substantiated in connection with the increasing relevance of the following issues: the expansion of the use of big data technologies and the involvement of copyright objects in their processing, the improvement of artificial intelligence technologies capable of creating objects that have the features of copyright objects, the development of 3D-printing technologies and the need to comply with the exclusive rights of authors and other rightholders, determining the place of objects of virtual and augmented reality in the copyright system.

Keywords: copyright; work; big data; artificial intelligence; virtual digital models and objects (3D models); objects of virtual and augmented reality.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of the scientific project No. Г20Р-080.

Образец цитирования:

Ядревский ОО. Основные направления совершенствования законодательства об авторском праве в свете развития цифровых технологий. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3:23–31.

For citation:

Yadreuski AA. Main directions for the improvement of copyright legislation in connection of development of digital technologies. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:23–31. Russian.

Автор:

Олег Олегович Ядревский – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Aleh A. Yadreuski, PhD (law), docent; associate professor at the department of civil law, faculty of law. oleg501@yandex.ru





Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и внедрением их во все сферы общественной жизни. При этом такое развитие приводит к все более учащающимся ситуациям столкновения данных технологий с необходимостью обеспечения охраны прав интеллектуальной собственности, в особенности авторского права. Существующий в авторском праве принцип сочетания интересов авторов и иных правообладателей с интересами общества в современной реальности дополняется принципом сочетания авторских интересов и необходимостью развития научно-технического прогресса с доступом к нему широких слоев общества. Использование произведений в интернете уже является одним из основных способов реализации исключительного права, при этом в некоторых случаях можно вести речь о необходимости предоставления особой, отличающейся от традиционной, охраны объектов авторского права.

Вместе с тем следует отметить, что в Республике Беларусь в настоящее время вопросы взаимодействия цифровых технологий и авторского права исследуются немногими авторами. Так, имеются

публикации Д. В. Ивановой [1], К. Д. Савицкой [2], Г. Н. Москалевич [3], касающиеся отдельных вопросов такого взаимодействия.

В Российской Федерации защищены докторская диссертация П. М. Морхата¹ и кандидатская диссертация Е. П. Сесицкого² по вопросам искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности, кандидатские диссертации А. А. Карцхия³ по гражданско-правовой модели регулирования цифровых технологий, А. В. Гурко⁴ по правовой охране трехмерных цифровых моделей. По теме виртуальной и дополненной реальности и объектов интеллектуальной собственности исследования проведены Е. С. Гринь, А. Г. Королевой [4].

Настоящая статья представляет собой попытку выявить основные направления, по которым может развиваться законодательство в сфере авторского права в связи с применением цифровых технологий. Задачами исследования являются определение круга цифровых технологий, в которых могут присутствовать объекты авторского права, проблемных аспектов, возникающих при их применении, предложение законодательных путей решения возникающих в данной сфере вопросов.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с использованием общенаучных, общеправовых и частнонаучных методов. Основными стали формально-юридический,

сравнительно-правовой методы, а также метод моделирования и метод правового (юридического) прогнозирования.

Результаты и их обсуждение

Стремительное развитие цифровых технологий способствует возникновению новых вызовов, связанных в том числе с правовым регулированием общественных отношений в процессе использования таких технологий. Одной из сфер, в существенной степени затронутой использованием цифровых технологий, является сфера интеллектуальной собственности. В связи с появлением новых технологий возникают специфические объекты, обладающие характеристиками результатов интеллектуальной деятельности (объекты, созданные искусственным интеллектом, объекты виртуальной и дополненной реальности и т. д.) либо предполагающие специфические способы их использования, к которым не может быть применено действующее законодательство в силу его разработки и утверждения до начала массового внедрения указанных технологий.

В Республике Беларусь основным документом, регулирующим гражданско-правовые и иные отношения в области цифровой экономики и цифровых технологий, является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Вместе с тем данный нормативный акт не содержит каких-либо положений, определяющих особенности регулирования прав интеллектуальной собственности в цифровой сфере. Существует также программный акт, в котором определяются основные направления развития цифровых технологий в Республике Беларусь, – государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. Данный акт содержит различные направления развития

¹Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2018. 420 с.

²Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : РГАИС, 2018. 218 с.

³Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : РГАИС, 2019. 394 с.

⁴Гурко А. В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М. : РГАИС, 2020. 182 с.



цифровых технологий в зависимости от сфер деятельности (государственное управление, образование, здравоохранение), указывает на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, расширение доступа населения к электронным услугам. Вместе с тем документ носит сугубо программный характер и также не содержит правового регулирования возникающих юридических проблем при применении таких технологий.

В Российской Федерации существует федеральный проект «Цифровые технологии», входящий в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7). Данный документ интересен тем, что в нем использован термин «сквозные цифровые технологии» и дан их перечень: большие данные, новые производственные технологии, промышленный интернет, искусственный интеллект, технологии беспроводной связи, компоненты робототехники и сенсорики, квантовые технологии, системы распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальности.

Полагаем, что подобный перечень было бы целесообразно закрепить и в белорусском законодательстве, по меньшей мере на уровне постановления правительства, что позволило бы установить конкретные технологии цифровой экономики и впоследствии развивать комплексное правовое регулирование каждой из них. Указанный перечень можно применять и для выявления проблемных вопросов права интеллектуальной собственности, в частности авторского права, при использовании каждой из технологий.

Представляется, что основными проблемами авторского права, которые могут возникнуть при применении цифровых технологий, являются правомерное использование произведений при применении технологии больших данных, охраноспособность результатов, обладающих признаками произведений, создаваемых системой искусственного интеллекта, статус и порядок использования объектов, создаваемых при помощи новых производственных технологий, главным образом технологий трехмерной печати, правовое регулирование объектов виртуальной и дополненной реальности.

Иные вопросы, как, например, применение системы распределенного реестра (блокчейн) в от-

ношении авторского права, в частности, в системе коллективного управления имущественными правами авторов, носят в большей степени процедурный характер и не требуют концептуального пересмотра норм об объектах либо содержании данной отрасли права.

Применение цифровых технологий невозможно без обработки больших массивов данных. При этом широко применяются технологии больших данных (*big data*).

Наиболее упрощенно термин *big data* понимается как огромные массивы разнообразной информации (данных), постоянный поток больших объемов информации, непрерывно поступающей из различных источников⁵.

Если проанализировать различные определения *big data*, то можно сделать вывод, что общим признаком, на котором сделан акцент в данных дефинициях, является большой массив данных. Вместе с тем в качестве еще одного признака *big data* называется необходимость применять специальные инструменты и методы сохранения, анализа и использования таких данных⁶.

Распространен подход, получивший название «Три V», согласно которому большие данные определяются наличием следующих основных характеристик: большого объема (*volume*), разнообразия данных (*variety*), высокой скорости их изменения (*velocity*).

Источники, из которых поступают данные, можно условно объединить в две основные группы:

- технические, создающие порядка 90 % всей новой информации;
- социальные, включающие, в частности, социальные медиа (социальные сети, специализированные форумы, блоги, сайты отзывов и т. д.), розничную торговлю (информация о совершенных транзакциях, сведения из товарных чеков, дисконтных карт и т. д.), здравоохранение (сведения о поставленных диагнозах, методах лечения, оценке его эффективности, отраженные в медицинских картах, результатах лабораторных исследований и т. д.)⁷.

При обработке источников второй группы отдельные из них могут содержать охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, например произведения литературы, дизайна, географические карты и т. д. При этом может возникнуть вопрос о правомерности использования таких источников. В обратном случае надлежащее исполнение требований законодательства об исключительных

⁵Рожкова М. А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных и в чем состоит проблема правового регулирования big data [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/04/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения: 30.09.2021).

⁶Корнев М. С. История понятия «большие данные» (big data): словари, научная и деловая периодика [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-bolshie-dannye-big-data-slovari-nauchnaya-i-delovaya-periodika/viewer> (дата обращения: 30.09.2021).

⁷Рожкова М. А. Что такое большие данные (big data), чем они отличаются от обычных данных...



правах повлечет ограничение в области развития технологий *big data*.

В настоящее время в национальном законодательстве об авторском праве существуют следующие возможности правомерного использования источников при применении технологий больших данных. Так, Д. В. Иванова в качестве эффективного решения вопроса об объектах авторского права, на которые невозможно оперативно ответить, предлагает использовать категории свободных лицензий. Это позволяет игнорировать вопросы применимости авторского права, поскольку если оно действует, то свободные лицензии решают вопрос правомерности, а если не действует, то результат ничем не отличается с точки зрения коммерческой деятельности [1, с. 23].

Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь не содержит понятия «свободная лицензия». Вместе с тем с 27 мая 2020 г. в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) получило закрепление более общее понятие «открытые лицензии» (ст. 45). Под открытыми лицензиями понимаются лицензионные договоры, условия которых должны быть доступны неопределенному кругу лиц и размещены таким образом, чтобы лицензиат имел возможность ознакомиться с ними перед началом использования соответствующего объекта авторского права или смежных прав. Полагаем, что данную статью необходимо дополнить нормой о возможности использования лицензиатом произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности (по аналогии с п. 2 ст. 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Это позволит также обеспечить возможность применения свободных лицензий⁸ в отношении произведений, основанных на больших данных.

Другой возможностью правомерного использования объектов авторского права в рамках технологий *big data* является применение к ним положений о свободном (без необходимости выдачи лицензий) использовании произведений. В рассматриваемом нами случае может быть применена норма п. 2 ст. 32 Закона об авторском праве, согласно которой допускается воспроизведение отрывков из правомерно обнародованных произведений (цитирование) в оригинале и переводе в исследовательских, образовательных, полемических, критических или информационных целях в том объеме, который оправдан целью цитирования, в частности для образовательных, научных и иных социальных целей посредством использования их в интернете.

В этом контексте следует также привести положения п. 2 ст. 36 Закона об авторском праве о воз-

можности использования отрывков из литературных произведений посредством репродуцирования и иного воспроизведения в образовательных и исследовательских целях (п. 2 ст. 36 Закона об авторском праве).

Данные положения приведены в свете действия в Европейском союзе Директивы (ЕС) № 2019/790 Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС. Ст. 3, 4 разд. 2 данного документа определяют правила в отношении интеллектуального анализа текстов и данных, под которым понимается любой автоматизированный аналитический метод, направленный на анализ текстов и данных в цифровой форме с целью получения информации, включающей модели, тенденции и корреляции, но не ограничивающейся ими. Указанный интеллектуальный анализ разрешено проводить научно-исследовательским организациям и учреждениям культурного наследия.

Представляется, что названные положения могут быть восприняты и национальным законодателем, прежде всего путем расширения нормы п. 2 ст. 36 Закона об авторском праве иными способами свободного использования произведений, наряду с воспроизведением.

Технологии *big data* активно применяются и при функционировании систем *искусственного интеллекта*, получивших стремительное развитие в последние десятилетия. Термин «искусственный интеллект», введенный в оборот Дж. Маккарти в 1956 г. на специализированной научной конференции по вопросам науки и технологии создания «интеллектуальных» машин, имеет немало различных определений⁹, в которых вместе с тем можно выделить отличительные черты: он включает программные и (или) аппаратные средства, т. е. компьютерные программы и составляющие материальные устройства; обладает определенной степенью автономности, т. е. самостоятельности по отношению к решениям или действиям человека; способен к обучению и принятию решений, поскольку система искусственного интеллекта не статична, а может овладевать новыми умениями и знаниями.

Группы технологий искусственного интеллекта разнообразны и включают, например, обработку текстов на естественном языке, распознавание и синтез речи, компьютерное зрение, разработку интеллектуальных систем поддержки принятия решений, предиктивную аналитику (*legal tech*), беспилотный транспорт, медицинские роботы, технологии «Умный дом», «Умный город» и т. д.

⁸Open definition 2.1 [Electronic resource]. URL: <http://opendefinition.org/od/2.1/en/> (date of access: 30.09.2021).

⁹Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности... 420 с. ; Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2019. С. 15.



В процессе функционирования систем искусственного интеллекта ими могут создаваться объекты, обладающие признаками результатов интеллектуальной деятельности, что ставит перед правом интеллектуальной собственности ряд вопросов, в связи с актуальностью которых Всемирная организация интеллектуальной собственности в 2020 г. открыла отдел, посвященный проблемам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта. 21 мая 2020 г. был принят пересмотренный Концептуальный документ по вопросам, касающимся политики в области искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности. Указанный документ не вырабатывает каких-либо единых подходов к регулированию объектов, обладающих признаками результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, а лишь содержит перечень вопросов, подлежащих разрешению (в частности, о том, являются ли охраноспособными объекты, созданные системами искусственного интеллекта, кто будет считаться автором результата интеллектуальной деятельности, созданного системой искусственного интеллекта, кому будет принадлежать исключительное право на объекты, созданные системами искусственного интеллекта).

В доктрине выделяют определенные концепции решения вопроса о носителе прав на объекты, созданные системой искусственного интеллекта либо при ее участии и обладающие признаками объекта авторского права: от машиноцентрической концепции, предполагающей наделение системы искусственного интеллекта правами обладателя исключительного права, до антропоцентрической, где все права принадлежат человеку, и концепции нулевого авторства, т. е. отсутствия автора¹⁰.

Наиболее распространена точка зрения о том, что роботы не могут создавать принципиально новые творческие решения или произведения по примеру человеческого разума и интеллекта. Если же машиной создается уникальный результат, то это происходит либо благодаря копированию уже известных произведений, либо исполнению команд, заложенных в алгоритмах программно-аппаратного комплекса искусственного интеллекта, либо новой компиляции уже известных решений и произведений, которые прописаны в программных кодах или математически составляются нейросетью. Иными словами, искусственный интеллект не может осуществлять творческую деятельность и не может считаться автором созданного творческого произведения¹¹.

Таким образом, на сегодняшний день система искусственного интеллекта в национальных юрисдик-

циях не признается субъектом права. Вместе с тем необходимо решить вопрос о том, можно ли признавать автором какое-либо иное лицо (разработчика, оператора), будет ли это лицо являться обладателем исключительного права и как будет осуществляться правовая охрана такого произведения. При решении данного вопроса возможны следующие варианты:

- автором и обладателем исключительного права является разработчик системы;
- автором и обладателем исключительного права является владелец системы;
- автором и обладателем исключительного права является оператор системы;
- автором является разработчик, а обладателем исключительного права – владелец либо оператор системы;
- автором нельзя признать ни одного из субъектов.

Однозначного ответа на этот вопрос нет в судебной практике, которая по этим проблемам пока практически отсутствует. Вместе с тем согласно доминирующему подходу при возникновении подобных споров автором следует признавать разработчика систем искусственного интеллекта¹².

Ранее нами высказывалось мнение о необходимости правовой охраны результата подпадающей под признаки творческой деятельности, созданного системой искусственного интеллекта. При этом исключительное право на такое произведение может быть признано как за разработчиком такой системы, если в появлении результата не участвуют другие лица, так и за владельцем либо оператором системы, если они оказывают определяющее влияние на фиксацию результата. В каждом случае необходимо устанавливать четкую причинную связь между вкладом каждого из перечисленных субъектов в создание объекта и самим объектом [5, с. 61].

В то же время с развитием технологий искусственного интеллекта все более актуальной становится ситуация, когда такую причинную связь установить невозможно.

В п. 80 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается: «Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются».

Предполагается, что в среднесрочной перспективе (10–15 лет) возникнет необходимость

¹⁰ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности... С. 33.

¹¹ Карцкия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий... С. 160.

¹² Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта... С. 68.



закрепления в законодательстве особого вида объектов, которые обладают признаками произведений, но созданы системами искусственного интеллекта.

По мнению В. О. Калятина, в данном случае представляется логичным выделить соответствующее смежное право на созданный роботом объект по аналогии с правом на нетворческие базы данных, фонограммы и вещание, охраняемые в Российской Федерации [6, с. 25–26].

Ю. С. Харитоновна предлагает ввести право *sui generis* на цифровые результаты деятельности искусственного интеллекта [7, с. 82–83].

Вместе с тем на данном этапе развития технологий вводить особые нормы для результатов деятельности искусственного интеллекта, обладающих признаками объекта авторского права, представляется несколько преждевременным. Предварительным этапом решения вопросов охраноспособности таких объектов является формирование единой судебной практики.

Одними из перспективных *новых производственных технологий* являются аддитивные технологии – технологии послойного создания трехмерных объектов на основе их цифровых моделей, позволяющие изготавливать изделия сложных геометрических форм и профилей. Их также обозначают как *технологии трехмерной печати (3D-печати)*¹³.

3D-печать имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными технологиями: сравнительно низкие издержки на воспроизведение объекта, высокая скорость и точность воспроизведения оригинала, возможность производства объекта непосредственно потребителем.

Следует отметить, что правовой режим 3D-моделей может рассматриваться в различных вариантах: как цифровой файл изделия, изображение изделия в трехмерной модели в электронной форме, программное обеспечение 3D-моделирования или печати, конечное изделие, полученное способом 3D-моделирования или печати.

Что касается программного обеспечения по созданию 3D-модели, то его можно отнести к компьютерным программам¹⁴.

Более интересным представляется вопрос правового режима изображений изделия в трехмерной модели в электронной форме и конечного изделия, полученного путем 3D-печати.

Технология трехмерной печати базируется на моделях, существующих в виртуальной реальности. На основании такой модели при помощи 3D-принтера создаются объекты материального

мира. По определению, данному А. В. Гурко, трехмерная цифровая модель – это имитация средстами трехмерной графики реального или несуществующего объекта, включая собственно модель (виртуальный объем) объекта, все примененные к данному объекту настройки, материалы и текстурные карты, а также относящиеся непосредственно к имитируемому объекту иные подобъекты (источники света, системы частиц и т. п.). Подчеркивается, что это первый результат работы человека с трехмерными цифровыми объектами и изображениями, который может охраняться правом интеллектуальной собственности¹⁵.

При этом автор выделяет трехмерный цифровой объект – любой объект, существующий в электронно-цифровой системе трехмерных координат, который может быть использован при помощи специальных программных и аппаратных средств. Охраняемый трехмерный цифровой объект – это трехмерный цифровой объект, в котором воплощен охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации¹⁶.

Само же воплощение 3D-модели в реальности при помощи технологии 3D-печати не представляет собой самостоятельный объект. По мнению автора, способ использования произведения в данном случае – воспроизведение¹⁷. Отмечаем, что согласно ст. 4 Закона об авторском праве воспроизведением признается изготовление, в том числе тиражирование, одного или более экземпляров объекта авторского права или смежных прав в любой объективной форме (в том числе отличной от формы, в которой существует оригинал), включая постоянное или временное хранение в цифровой или иной объективной форме в электронном средстве или на другом материальном носителе. При этом согласно п. 2 ст. 6 упомянутого закона авторское право распространяется на произведения, существующие в какой-либо форме, в том числе объемно-пространственной, которой может быть также и модель. Таким образом, законодательство Республики Беларусь позволяет считать трехмерную модель и созданный на ее основе трехмерный объект воспроизведением в форме модели или изделия соответственно.

Однако актуальным остается вопрос о том, к какому виду произведения отнести объект, если он является оригинальным, т. е. не представляет собой воспроизведение уже существующего объекта?

Несмотря на то что 3D-объект возникает в цифровой форме, его нельзя признать компьютерной программой. В соответствии со ст. 4 Закона об авторском праве компьютерная программа –

¹³Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение... С. 15.

¹⁴Текст отчета по 1 этапу разработки концепции [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/legal/improving-rule-making-and-st-manag/> (дата обращения: 19.02.2021).

¹⁵Гурко А. В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов... С. 35–36.

¹⁶Там же. С. 40.

¹⁷Там же. С. 47.



представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов.

На основании анализа российского законодательства А. В. Гурко делает вывод, что 3D-модель является особым видом произведения¹⁸. Е. Ю. Мартянова придерживается точки зрения, что 3D-модель является самостоятельным объектом интеллектуальных прав¹⁹.

На наш взгляд, представленные выше позиции неприменимы к национальному законодательству. В научных исследованиях высказывается мнение, что 3D-модель может признаваться промышленным образцом²⁰. О нарушении прав на промышленный образец при использовании технологии 3D-печати упоминает также А. Ю. Чурилов [8, с. 126]. Таким образом, поскольку 3D-модель отражает внешнее решение определенного изделия, представляется, что ее можно отнести к произведениям дизайна, выраженным в пространственно-объемной форме.

Широкое распространение во многих сферах деятельности получают и *технологии виртуальной и дополненной реальности*.

Технологии виртуальной реальности представляют собой технологии компьютерного моделирования трехмерного изображения или пространства, посредством которых человек взаимодействует с синтетической (виртуальной) средой с последующей сенсорной обратной связью.

Технологии дополненной реальности – технологии визуализации, основанные на добавлении информации или визуальных эффектов в физический мир посредством наложения графического и (или) звукового контента для улучшения пользовательского опыта и интерактивных возможностей²¹.

Различия между виртуальной и дополненной реальностью состоят в том, что с помощью виртуальной реальности конструируется новый искусственный мир, в то время как дополненная реальность позволяет вносить ряд искусственных элементов в восприятие реальности. Кроме того, отличительной особенностью технологии дополненной реальности является то, что она накладывает виртуальные объекты на окружающую среду. Виртуальная же реальность предлагает автономный искусственный мир [4, с. 90–91].

В сфере технологий виртуальной и дополненной реальности могут существовать множество объек-

тов авторского права, образующих сложную систему.

Так, с учетом возможности активного взаимодействия пользователя с виртуальной и дополненной реальностью можно выделить две группы объектов авторского права. В первую из них входят созданные творческим трудом авторов объекты, формирующие виртуальную или дополненную реальность. Вторую группу составляют объекты, полученные пользователями технологий виртуальной и дополненной реальности путем создания или приобретения. Вместе с тем объекты второй группы также имеют свои особенности, поскольку функциональные возможности платформы виртуальной или дополненной реальности могут значительно ограничивать свободу творчества [4, с. 92–93].

Таким образом, различный характер имеют как сами объекты, так и субъекты, творческим трудом которых они созданы.

Кроме того, технологии виртуальной и дополненной реальности позволяют совмещать оригинальные и уже существующие объекты. В данном случае речь идет о воспроизведении уже существующего произведения, что требует получения соответствующего разрешения автора или правообладателя.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости урегулирования прав на объекты виртуальной и дополненной реальности либо при помощи лицензионных соглашений между авторами, пользователями таких объектов и авторами произведений, которые в них используются, либо путем применения конструкции сложного объекта авторского права.

В литературе отмечается, что владельцы большинства платформ, применяющих технологии виртуальной или дополненной реальности, могут использовать созданные пользователями объекты благодаря лицензионным соглашениям, ограничивая тем самым исключительное право пользователя.

Виртуальная среда в большинстве случаев формируется благодаря компьютерным играм (например, игра *Pokemon go*, разработанная и изданная компанией *Niantic*). Ядро технологии виртуальной и дополненной реальности составляет программное обеспечение [4, с. 93].

Таким образом, для анализа возможности охраны объектов виртуальной и дополненной реальности при помощи сложных объектов авторского права исследуем правовой режим компьютерных игр. Чаще игры рассматриваются в качестве составного произведения, включающего программный код,

¹⁸Гурко А. В. Правовая охрана трехмерных цифровых объектов... С. 65.

¹⁹Мартянова Е. Ю. Интеллектуальная собственность и 3D-печать: 3D-модель как объект интеллектуальных прав // E-commerce и взаимосвяз. обл. (правовое регулирование) : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. 448 с.

²⁰Текст отчета по 1 этапу разработки концепции...

²¹Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение... С. 16.



сюжет, персонажей, диалоги, музыкальное, визуальное сопровождение.

Так, в судебной практике США сложилась позиция, согласно которой мультимедийные продукты относятся к аудиовизуальным произведениям²².

В Законе об авторском праве дается определение вышеуказанного понятия (произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения их звуком), создающих впечатление движения, и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств). К аудиовизуальным произведениям относятся кинофильмы, телефильмы, видеофильмы и другие кино- и телепроизведения независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

Таким образом, компьютерная игра не подпадает под понятие «аудиовизуальное произведение».

Одним из вариантов правовой охраны объектов виртуальной и дополненной реальности является возможность признания их мультимедийными произведениями.

Е. С. Котенко считает, что под мультимедийным продуктом понимается выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [9, с. 34].

Г. Н. Москалевич понимает мультимедийный продукт как объект интеллектуальной собствен-

сти, в котором содержатся несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в электронном (цифровом) варианте, функционирующий при помощи компьютерных программ и устройств в процессе взаимодействия с пользователем [3, с. 508].

Вместе с тем признать компьютерную игру мультимедийным произведением было бы не совсем верно, поскольку последнее не предполагает взаимодействие пользователя с содержанием этого произведения и вариативность в зависимости от его действий.

Разрешить данную проблему видится возможным с помощью введения понятия «сложный объект интеллектуальной собственности». В Законе об авторском праве данное понятие не содержится, в то время как в Гражданском кодексе Российской Федерации в ст. 1240 упоминается понятие «сложный объект», которое включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных). Вместе с тем недостатком данного определения является закрытый перечень объектов. Так, К. Д. Савицкая называет в качестве причины появления новых сложных объектов развитие информационных технологий. Следовательно, при формулировке дефиниции понятия «сложный объект» нужно определить его содержательные рамки, не ограничиваясь исчерпывающим перечнем [2, с. 37]. Таким образом, как сложный объект можно охранять объекты виртуальной и дополненной реальности. На основании изложенного, указанное понятие целесообразно включить в перечень объектов авторского права.

Заключение

Развитие цифровых технологий, появление новых реально существующих и виртуальных объектов приводит к возникновению все большего количества вопросов в сфере их правового регулирования. Проведенный анализ основных видов цифровых технологий относительно применения законодательства об авторском праве позволил сделать выводы следующего характера.

Кардинальный пересмотр национального законодательства об авторском праве не представляется в настоящий момент целесообразным, поскольку многие вопросы, связанные с применением цифровых технологий, могут быть решены на основе действующего законодательства путем анализа сущности таких технологий и выбора наиболее оптимального способа регулирования. В связи с этим

более важной задачей на текущем этапе видится разъяснение на уровне судебной практики, например путем издания постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, особенностей применения законодательства об авторском праве при возникновении споров в области цифровых технологий. Это поможет формированию единой судебной практики в данных вопросах.

В то же время тенденции развития законодательства об авторском праве должны быть направлены прежде всего на увеличение количества случаев свободного использования произведений и упрощение получения разрешений от правообладателя, а также на возможность предоставления единого правового режима сложным объектам интеллектуальной собственности.

²²Midway Mfg. Co. v. Dirkschneider, 543 F. Su. Pp. 466 (D. Neb. 1981) [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/543/466/1460981/> (date of access: 19.02.2021).



Введение принципиально новых объектов авторского права представляется задачей среднесрочной перспективы. Вместе с тем с учетом стремительного

роста научно-технического прогресса указанные задачи могут приобрести максимальную степень актуальности уже в ближайшее время.

Библиографические ссылки

1. Иванова ДВ. Большие данные и право интеллектуальной собственности. *Право интеллектуальной собственности*. 2019;4:21–24.
2. Савицкая КД. Признаки сложного объекта. В: Быков АА, Морозевич ОА, Бондарь АВ, Гаркавая ВГ, Голомазова ЕС, Зарецкий ВО и др., редакторы. *Экономика глазами молодых: сборник статей XII Международного экономического форума молодых ученых; 11–12 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГАТУ; 2019. с. 35–41.
3. Москалевич ГН. Понятие и правовая сущность мультимедийных продуктов как охраняемых объектов интеллектуальной собственности. В: Шимов ВН, редактор. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета: юбилейный сборник. Выпуск 6*. Минск: БГЭУ; 2013. с. 503–509.
4. Гринь ЕС, Королева АГ. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;6:90–97. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.090-097.
5. Ядревский ОО. Гражданско-правовые аспекты функционирования искусственного интеллекта. *Юстиция Беларуси*. 2021;8:57–61.
6. Калятин ВО. Объекты авторского права, созданные с использованием компьютера. *Патенты и лицензии*. 2011;5:22–26.
7. Харитонов ЮС. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта. В: Вайпан ВА, Северин ВА, Куренной АМ, Костян ИА, Харитонов ЮС, Козлова НВ и др. *Современные информационные технологии и право. Книга 15*. Москва: Статут; 2019. с. 68–83.
8. Чурилов АЮ. Интеллектуальная собственность в эпоху трехмерной печати. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;15(3):121–127. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.121-127.
9. Котенко ЕС. *Авторские права на мультимедийный продукт*. Москва: Проспект; 2013. 185 с.

References

1. Ivanova DV. Big data and intellectual property law. *Pravo intelektual'noi sobstvennosti*. 2019;4:21–24. Russian.
2. Savitskaya KD. Features of a complex object. In: Bykov AA, Morozovich OA, Bondar' AV, Garkavaya VG, Golomazova ES, Zaretskii VO, et al., editors. *Ekonomika glazami molodykh: sbornik statei XII Mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma molodykh uchenykh; 11–12 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Economy through the eyes of the young: collection of articles of the 12th International economic forum of young scientists; 2019 October 11–12; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Agrarian Technical University; 2019. p. 35–41. Russian.
3. Moskalovich GN. [Concept and legal essence of multimedia products as protected objects of intellectual property]. In: Shimov VN, editor. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta: yubileinyi sbornik. Vypusk 6* [Scientific works of the Belarus State Economic University: jubilee collection. Issue 6]. Minsk: Belarus State Economic University; 2013. p. 503–509. Russian.
4. Grin ES, Koroleva AG. Formation of basic models of protection of technologies of virtual and augmented reality in the context of intellectual property rights. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019;6:90–97. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.090-097.
5. Yadrevsky OO. Civil law aspects of the functioning of artificial intelligence. *Yustitsiya Belarusi*. 2021;8:57–61. Russian.
6. Kaljatin VO. The objects of copyright created with use of computer. *Patenty i litsenzii*. 2011;5:22–26. Russian.
7. Kharitonova YuS. [The legal regime of the results of the activity of artificial intelligence]. In: Vaipan VA, Severin VA, Kurennoi AM, Kostyan IA, Kharitonova YuS, Kozlova NV, et al. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i pravo. Kniga 15* [Modern information technologies and law. Book 15]. Moscow: Statut; 2019. p. 68–83. Russian.
8. Churilov AYU. Intellectual property in the age of 3D printing. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2020;15(3):121–127. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.121-127.
9. Kotenko ES. *Avtorskie prava na mul'timediinyi produkt* [Copyright for the multimedia product]. Moscow: Prospekt; 2013. 185 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 05.10.2021.
Recieved by the editorial board 05.10.2021.



УДК 342.951

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ В СФЕРЕ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н. И. ПЛАТОНОВА¹⁾

¹⁾Московский государственный институт международных отношений
при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия

Изучается цифровая трансформация здравоохранения в Российской Федерации. Анализ результатов исследования цифровой зрелости, а также современное состояние данной отрасли показали, что существует риск значительного сокращения доступности медицинской помощи населению. Способствовать разрешению данных проблем могло бы более широкое применение телемедицинских технологий. Однако действующее законодательство не позволяет использовать потенциал телемедицины в должном объеме. В связи с этим видится интересным рассмотрение возможности введения экспериментального правового режима в сфере телемедицинских технологий, а также сопутствующих рисков установления таких режимов. По мнению автора, крайне важно, чтобы экспериментальный правовой режим в области телемедицины, который планируется установить к концу текущего года, основывался не только на принципах, указанных в соответствующем законе, но и на принципах разумности, обоснованности и необходимости, а также соблюдал приоритет прав и законных интересов пациента.

Ключевые слова: здравоохранение; цифровизация; цифровая зрелость; экспериментальные правовые режимы; телемедицинские технологии; медицинская помощь.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

TO THE ISSUE OF THE PILOT LEGAL REGIME ON TELEMEDICINE TECHNOLOGIES

N. I. PLATONOVA^a

^aMGIMO University, 76 Vernadskogo Avenue, Moscow 119454, Russia

The article is devoted to the study of the Russian health care system's digitalisation. The results of the digital maturity research of the Russian regions, as well as the analyses of a current problems of the health care system shows the risk of reduced access to health care. The wide use of telemedicine technologies could help to solve these problems partly. Current legislation, however, did not allow for adequate use of telemedicine. In that connection, it would be interesting to consider the possibility of introducing a pilot legal regime for telemedicine technologies, as well as the attendant risks of such regimes. It is important that the experimental legal regime for telemedicine to be established by the end of this year be based not only on the principles specified in the relevant law, but also on the principle of reasonableness, and necessity, and the priority of the patient's rights and legitimate interests.

Keywords: health care system; digitalisation; digital maturity; pilot legal regime; telemedicine technologies; medical assistance.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of Russian Foundation for Fundamental Research in a frame of scientific project № 20-511-00009.

Образец цитирования:

Платонова НИ. К вопросу об экспериментальном правовом режиме в сфере телемедицинских технологий. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:32–37.

For citation:

Platonova NI. To the issue of the pilot legal regime on telemedicine technologies. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:32–37. Russian.

Автор:

Наталья Игоревна Платонова – кандидат юридических наук; доцент кафедры правовых основ управления.

Author:

Natalya I. Platonova, PhD (law); associated professor at the department of legal foundations for public administration. platonovani@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2603-3025>





Введение

Цифровая трансформация затрагивает сегодня все сферы жизни общества, в том числе здравоохранение. Несмотря на то что данный процесс начался давно, лишь с началом пандемии стало возможным говорить о начале системного решения проблем цифровизации здравоохранения, к которым относятся как создание единого цифрового контура и условий для быстрого и беспрепятственного обмена информацией между государственными уполномоченными органами, медицинскими организациями, врачами и пациентами, так и внедрение новых технологий, методов и способов лечения различных заболеваний, развитие телемедицинских технологий. Кроме того, важным направлением является цифровизация медицинского образования, а также деятельность по подготовке специалистов, обладающих необходимыми цифровыми навыками и компетенциями. Эффективная система здравоохранения и охраны здоровья граждан является крайне важным элементом для обеспечения национальной безопас-

ности, особенно в современных сложных условиях. Задача государства состоит в создании условий, при которых медицинская помощь, оказываемая лицам, находящимся на территории России, была бы доступна и качественна, а также чтобы обеспечивалась преемственность такой помощи. Важно понимать, что вынужденно вводимые в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции ограничения, а также необходимость использования значительных ресурсов (в том числе и человеческих) для борьбы с ней, привели к снижению уровня доступности медицинских услуг. В данных условиях телемедицинские технологии могут способствовать минимизации рисков. Однако правовое регулирование соответствующих общественных отношений не позволяет использовать весь потенциал упомянутых технологий. В связи с вышесказанным представляется интересным рассмотреть перспективы развития телемедицинских технологий в условиях создания экспериментального правового режима.

Результаты и их обсуждение

Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» одним из приоритетных направлений развития страны названа цифровая трансформация, связанная с достижением цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения. При исследовании уровня цифровой зрелости изучаются такие критерии, как развитие инфраструктуры, взаимодействие медицинских организаций с подсистемами Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), внедрение централизованных подсистем геоинформационной системы в субъекте РФ, межведомственное электронное взаимодействие и др.

Проведенный анализ цифровой зрелости регионов России по результатам 2020 г. показал наличие значительного разрыва между лидерами и отстающими регионами. В число ведущих регионов вошли Тульская, Тамбовская, Ленинградская области с показателями 94,5–97,4 %, Омская и Ростовская области, Еврейская автономная область имеют самые низкие показатели 20,6–26,6 %. Для преодоления столь значительного разрыва предполагается разработать индивидуальные треки достижения показателей цифровой зрелости до 2030 г. для каждого региона. Учет опыта соседей, корректировка прогнозных показателей с учетом принципа разумности и достижимости, а также особенностей региона могут способствовать активизации работы в направ-

лении цифровой трансформации здравоохранения. Положительное влияние на преодоление данной проблемы может оказывать разработка единых требований к региональным системам и стандарта информационного взаимодействия. Создание единых требований и рекомендаций, стандарта в базовой функциональности упростит деятельность руководителей регионов, а, кроме того, позволит сократить издержки и ускорить процесс цифровой трансформации здравоохранения в целом¹. Кроме того, можно отметить, что сегодня медицинские организации используют в своей деятельности медицинские информационные системы (далее – МИС), однако архитектура, набор функций и возможностей у таких систем различны. В данном случае стандартизация МИС, разработка определенных обязательных требований к ним позволили бы повысить уровень их интероперабельности. Сегодня становится крайне важным не только организовать возможность ведения электронного документооборота посредством единой системы в медицинских организациях, но и обеспечить реализацию принципа преемственности оказания медицинской помощи.

Сущность данного принципа заключается в том, что медицинская помощь должна быть доступна и непрерывна. Иными словами, важно достигнуть такого уровня цифровизации здравоохранения, когда пациент, независимо от места пребывания в пределах страны, может получить должную медицинскую помощь и имеет доступ к медицинской информации относительно своего здоровья.

¹Здоровье в цифре [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/14/cifrovye-resheniia-dolznyi-uchityvat-udobstvo-i-vracha-i-pacienta.html> (дата обращения: 15.10.2021).



Предлагается классифицировать шесть уровней преемственности медицинской помощи: от нулевого, где преемственность не осуществляется даже на уровне самой медицинской организации, до пятого, когда существует преемственность медицинской помощи между всеми соответствующими организациями страны. Свободный обмен данными между медицинскими организациями позволит не только оказывать помощь своевременно и качественно, но и более точно ставить диагноз и обеспечивать оптимальное лечение, а также сократить объем затрачиваемых государством ресурсов. Достижение высокого уровня такой преемственности названо в качестве целевого в Федеральном проекте «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» [1, с. 8].

Очевидно, главный вопрос, который возникает в данном контексте, – это обеспечение безопасности данных пациента, ведь медицинские сведения о человеке наиболее ценны. Медицинские организации должны принять все возможные меры по сохранению конфиденциальности такой информации. И здесь речь идет не только об обеспечении мер по минимизации рисков несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, защите оборудования от внешнего воздействия [2, с. 54], но и о повышении уровня компьютерной грамотности персонала медицинской организации. Так как зачастую причиной утечки информации является человеческий фактор, сотрудники самой организации умышленно или по неосторожности нарушают порядок работы с МИС, что может привести к утечке данных о пациентах.

Предпринимаемые шаги в области цифровой трансформации здравоохранения направлены на повышение качества предоставляемых услуг и их доступности. Учитывая тот факт, что в период введения режима повышенной готовности, а также применения иных мер, направленных на борьбу с пандемией COVID-19, согласно данным Росстата, общее число обращений граждан за медицинской помощью в 2020 г. выросло незначительно, можно констатировать сокращение объема оказываемых медицинских услуг пациентам не в связи с COVID-19. Действительно, в 2020 г. наблюдалось значительное уменьшение количества обращений граждан в медицинские организации за оказанием первичной медицинской помощи. Это не свидетельствует о снижении заболеваемости, повышении уровня здоровья населения. Одной из причин может быть названо нежелание пациентов посещать медицинские учреждения из-за опасения заражения новой коронавирусной инфекцией. Между тем очевидно, что несвоевременное обращение к врачу может привести к развитию болезни, а это потребует более интенсивного лечения, также, возможно, лечение будет уже неэффективным. Подобные

случаи приводят не только к человеческой гибели, но и к увеличению затрат со стороны государства. Именно профилактические мероприятия, ранняя диагностика способствуют становлению более здорового общества. Национальный проект «Здравоохранение» определяет в качестве ключевой цели обеспечение охвата граждан профилактическими медосмотрами не реже одного раза в год.

Учитывая вышесказанное, полагаем, что телемедицинские технологии в данном случае могут способствовать улучшению ситуации, повышению доступности медицинской помощи [3]. По мнению специалистов, до 20 % объема услуг первичной медицинской помощи может быть переведено в телемедицинский формат, что позволит сократить стоимость медицинского обслуживания до 12 % по сравнению с традиционным подходом. Это также даст возможность разгрузить первичное поликлиническое звено. Кроме того, за время пандемии и сам спрос на телемедицинские технологии достиг рекордных уровней. Так, ООО «Медси» – сеть частных клиник России, оказывающая телемедицинские услуги, – объявила о росте спроса на данный вид услуг в прошедшем 2020 г. на 300 %. Однако, с одной стороны, новые технологии интегрируются в индустрию здравоохранения, а с другой – не имеют должного правового регулирования. Действующее законодательство определяет достаточно ограниченные возможности использования таких технологий [4]. Согласно п. 22 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) под телемедицинскими технологиями понимаются информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента.

Исходя из представленного выше определения, можно выделить две сферы применения телемедицины:

1. *Взаимодействие работников здравоохранения между собой.* При этом законодатель использовал понятие «медицинские работники», тем самым определив, что взаимодействие может происходить и на уровне среднего медицинского персонала. Использование телемедицинских каналов связи позволяет врачам проконсультироваться у своих более опытных коллег или, возможно, у специалиста узкого профиля в тех случаях, когда у пациента нет возможности получить необходимую помощь, непосредственно обратившись к такому специалисту. Некоторые авторы предлагают к видам телемедицинских технологий также относить видео-



конференции и дистанционное обучение [5, с. 30]. Подобный подход, как показал период пандемии, вполне оправдан ввиду их массового применения в Российской Федерации и в мире. Расширение доступа к обучающим программам, конференциям, семинарам способствует повышению уровня квалификации медицинских работников.

2. *Взаимодействие медицинских работников с пациентами.* Именно данному направлению традиционно уделяется наибольшее внимание исследователей. Действующее законодательство, регулирующие соответствующие правоотношения достаточно жестко (это вполне оправдано), принимая во внимание ценность объекта таких правоотношений, является определенного рода барьером на пути развития современных технологий, расширения сфер их применения. В попытке найти некий баланс интересов всех сторон законодателем был разработан Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере инноваций в Российской Федерации», позволяющий некоторым организациям на определенной территории и на определенный срок соблюдать действующее законодательство с определенными особенностями, некоторыми изъятиями. Разработка проектов экспериментальных правовых режимов (далее – ЭПР) должна строиться на определенных принципах. Прежде всего необходимо обеспечить соблюдение прав человека, безопасности личности, общества и государства. Речь может идти о том, что при разработке проекта ЭПР приоритет должен отдаваться соблюдению прав пациента, подразумевающих получение качественной медицинской помощи. Также можно упомянуть об информационной безопасности, сохранении врачебной тайны. Еще одним принципом ЭПР являются открытость и прозрачность такого режима, предусматривающего опубликование результатов, в том числе промежуточных, такого эксперимента, а также создание условий для их широкого обсуждения. На основании проведенного эксперимента может быть принято решение о внесении изменений в действующее законодательство, если полученный положительный результат будет иметь приоритет над рисками изменения подхода к регулированию соответствующих отношений.

Важными принципами также являются равноправие претендентов и их добровольное участие в ЭПР. Во избежание злоупотреблений особенностями ЭПР, необходимо четко определять сроки его действия, круг лиц-участников, а также территорию, на которой соответствующий ЭПР будет действовать.

И, наконец, стоит отметить такой принцип, как минимизация отступлений от общего регулирования. Исключения из общего порядка регулирования должны быть разумными, обоснованными и необходимыми, поскольку сегодня существует некоторое

опасение о том, что подобные режимы могут использоваться для создания определенным группам организаций режима наибольшей благоприятности.

Телемедицина станет одной из пяти сфер, где будет использоваться экспериментальный правовой режим. Субъектами ЭПР станут АО «Группа компаний “МЕДСИ”», ООО «Медицинская компания “Доктор рядом”», ООО «Инновационная медицина». В настоящий момент проект ЭПР, разработанный Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с указанными компаниями, находится на согласовании в Министерстве здравоохранения Российской Федерации. Ожидается, что ЭПР будет запущен до конца 2021 г.

Рассмотрим некоторые особенности правового регулирования порядка использования телемедицинских технологий. Сегодня Федеральным законом № 323-ФЗ предусматривается возможность проведения консультаций и медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента посредством телемедицинских технологий, однако исключается постановка первичного диагноза дистанционным методом. Таким образом, лечащий врач может осуществлять дистанционную коррекцию ранее назначенного лечения при условии постановки диагноза и назначения лечения на очном приеме (осмотре, консультации). Сама консультация пациента или его законного представителя медицинским работником с применением телемедицинских технологий осуществляются в целях профилактики, сбора, анализа жалоб и данных анамнеза, оценки эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента, также принятия решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации). Бесспорно, постановка диагноза является наиболее важной стадией медицинской помощи, осмотр пациента на очном приеме гораздо более информативен. И, действительно, в ряде случаев постановка диагноза онлайн невозможна. Однако иногда подобные требования не позволяют должным образом задействовать потенциал телемедицинских технологий в здравоохранении. В рамках ЭПР в области телемедицины предполагается допустить постановку первичного диагноза на «телемедицинском» приеме у врача. Возможно, целесообразно определить перечень болезней, которые допускается (при определенных условиях) диагностировать первично путем применения цифровых технологий.

Важно отметить, что дистанционная постановка диагноза должна стать правом, а не обязанностью врача, у него также должно сохраняться право настаивать на необходимости проведения консультации в очном формате. Данный момент неразрывно связан с вопросом ответственности медицинского работника. В случае причинения вреда жизни или здоровью пациента, в том числе при постановке



ошибочного диагноза, ответственность будет нести субъект экспериментального режима, даже в том случае, если действия такого субъекта были правомерны. Таким образом, вероятно, что одним из пунктов проекта по ЭПР в сфере телемедицины также будет предусматриваться обязательное страхование гражданско-правовой ответственности.

Еще одним «изъятием» из общего режима правового регулирования телемедицинской деятельности может стать предоставление участникам эксперимента возможности корректировать лечение, вести наблюдение за пациентом, даже если диагноз был поставлен иным врачом.

Стоит обратить внимание и на то, что согласно ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ на территории Российской Федерации допущены к обращению только те медицинские изделия, которые прошли регистрацию в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации или международными договорами и актами, составляющими право Евразийского экономического союза. Государственную регистрацию таких изделий осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. Проверка осуществляется в форме технических и клинических испытаний, токсикологических исследований, экспертизы качества, эффективности и безопасности медицинских изделий, а также испытания в целях утверждения типа средств измерений. Однако данный порядок может не применяться в отношении медицинских изделий, используемых в рамках ЭПР. Подобная оговорка введена в действие Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”». С одной стороны, подобные особенности правового регулирования направлены на более быстрое и беспрепятственное внедрение и использование медицинских изделий, что и составляет сущность ЭПР, с другой – отсутствие процедуры регистрации не гарантирует безопасность применения таких изделий, а это может привести к нанесению вреда жизни и здоровью пациентов. Здесь важен поиск баланса интересов личности, общества и государства, соблюдение принципов разумности, обоснованности и необходимости включения таких «изъятий» в соответствующий ЭПР.

Еще одним вопросом, на который следует обратить внимание, является финансирование телеме-

дицины. Медицинские услуги, оказываемые путем применения телемедицинских технологий в рамках ЭПР, будут предоставляться исключительно на коммерческой основе, а не за счет средств обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) или иных бюджетных средств. Оказание подобной помощи организациями, не являющимися субъектами ЭПР, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 2299 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» возможно за счет средств ОМС. Однако подобная возможность должна быть предусмотрена в региональных территориальных программах ОМС (сегодня она есть лишь в немногих регионах). В качестве примера приведем Республику Татарстан, Нижегородскую и Ивановскую области и др.

Немаловажным вопросом остается и порядок оказания телеконсультаций, порядок получения лицензии на осуществление подобной деятельности. Дело в том, что еще в 2018 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации в своем письме от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 указало, что телемедицина не является отдельным видом медицинской деятельности. Это лишь технология, позволяющая осуществлять такую деятельность в особом формате. Следовательно, медицинскую помощь, даже с использованием телемедицины, надлежит оказывать в соответствии с определенными документами. Для получения лицензии на осуществление медицинской деятельности в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» соискатель должен обладать (на праве собственности или ином законном праве) помещением, зданием, сооружением, отвечающим всем санитарным правилам, где и будет осуществляться медицинская деятельность. Однако же для фактического оказания телемедицинских услуг соблюдение достаточно жестких санитарных норм не требуется, также нет необходимости в проведении консультаций непосредственно на рабочем месте. Вследствие этого в рамках ЭПР будет предусмотрено право врача оказывать услуги из любой геолокации.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что пандемия и стремительное развитие технологий сделали цифровизацию здравоохранения неизбежной. Однако эти процессы долгое время носили неси-

стемный характер, что сегодня может рассматриваться как определенный барьер для более быстрого и эффективного продвижения на пути цифровой трансформации отрасли. Необходимость оказания



медицинских услуг, ограниченность ресурсов заставили специалистов и пациентов иначе взглянуть на телемедицинские технологии, при помощи которых пациент может вовремя получить консультацию врача и начать лечение. Экономия времени крайне важна для борьбы с некоторыми заболеваниями. Более того за последние два года наблюдается значительный рост спроса со стороны населения на получение соответствующих консультаций. Тем не менее правовое регулирование таких общественных отношений не лишено недостатков. ЭПР направлены на преодоление законодательных

ограничений, которые сдерживают развитие и внедрение современных технологий в отрасль. Между тем представляется важным при разработке проектов ЭПР в сфере телемедицины основываться не только на принципах, перечисленных в соответствующем законе, но и принципах разумности, обоснованности и необходимости, а также приоритете прав и законных интересов пациентов. По результатам проведенного эксперимента будет осуществлен детальный анализ и принято решение о целесообразности внесения изменений в федеральное законодательство.

Библиографические ссылки

1. Пугачев ПС. «Преемственность оказания медицинской помощи – один из главных показателей цифровой трансформации на всех уровнях здравоохранения». *Вестник Росздравнадзора*. 2020;3:6–12.
2. Девянин ПН. *Модели безопасности компьютерных систем*. Москва: Издательский центр «Академия»; 2005. 144 с.
3. Владзимирский АВ, Морозов СП, Сименюра СС. Телемедицина и COVID-19: оценка качества телемедицинских консультаций, инициированных пациентами с симптомами ОРВИ. *Врач и информационные технологии*. 2020;2:52–63. DOI: 10.37690/1811-0193-2020-2-52-63.
4. Столяр ВЛ. Телемедицинские технологии в клинической практике и медицинском образовании. *Вестник Росздравнадзора*. 2020;3:53–61. DOI: 10.35576/2070-7940-2020-3-53-61.
5. Демина НВ, Сабанова ЛВ, Сабанова ВА. Видеоконференции и дистанционное обучение как основные виды телемедицинских услуг. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»* [Интернет]. 2019 [процитировано 15 октября 2021 г.];2:28–33. Доступно по: <http://e-koncept.ru/2019/196014.htm>.

References

1. Pugachev PS. «Continuity of medical care is one of the main indicators of digital transformation at all levels of health care». *Vestnik Roszdravnadzora*. 2020;3:6–12. Russian.
2. Devyanin PN. *Modeli bezopasnosti komp'yuternykh sistem* [Computer system security models]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya»; 2005. 144 p. Russian.
3. Vladzimirskiy AV, Morozov SP, Seminura SS. Telemedicine and COVID-19: quality of patient-initiated teleconsultations in case of acute respiratory disease. *Vrach i informatsionnye tekhnologii*. 2020;2:52–63. Russian. DOI: 10.37690/1811-0193-2020-2-52-63.
4. Stolyar VL. Telemedicine technology in clinical practice and health education. *Vestnik Roszdravnadzora*. 2020;3:53–61. Russian. DOI: 10.35576/2070-7940-2020-3-53-61.
5. Demina NV, Sabanova LV, Sabanova VA. Videoconferencing and distance learning as the main types of telemedicine services. *Scientific-methodological electronic journal «Koncept»* [Internet]. 2019 [cited 2021 October 15];2:28–33. Available from: <http://e-koncept.ru/2019/196014.htm>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2021.
Recieved by the editorial board 18.11.2021.



УДК 341.48/.49

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ АГРЕССИИ

Д. В. ЛОБАЧ¹⁾

¹⁾Дальневосточный юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
ул. Суханова, 8, 690091, г. Владивосток, Россия

Проводится исследование ключевых проблем, связанных с правовой регламентацией ответственности в современном международном праве. Анализируются семь ключевых проблем, которые в совокупности редуцируют правоохранительный потенциал норм, определяющих ответственность за совершение преступления агрессии. В частности, к таким проблемам относятся отсутствие унифицированной дефиниции понятия «государство» в составе преступления агрессии; множество подходов к определению государственного суверенитета как объекта преступного посягательства; сложности правомерного применения вооруженной силы в условиях реализации государством своего права на самооборону; проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях гуманитарной интервенции; отсутствие в практике международных отношений и в самом международном праве универсальных критериев, позволяющих определить достаточную степень нарушения международного мира для квалификации деяния в качестве преступления агрессии; расширенное понимание вооруженной силы в качестве акта агрессии; смежный характер некоторых форм агрессии с правомерными действиями, связанными с обеспечением национальной безопасности.

Ключевые слова: международное преступление; преступление агрессии; международная уголовная ответственность; самооборона; кибербезопасность; киберугрозы.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

PROBLEM ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR THE CRIME OF AGGRESSION

D. V. LOBACH^a

^aFar Eastern Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
8 Sukhanova Street, Vladivostok 690091, Russia

The article examines the key problems associated with the legal regulation of liability in modern international law. The author of the article analyses seven key problems, which in their totality reduce the law enforcement potential of the norms regulating responsibility for committing the crime of aggression. In particular, such problems include the lack of a unified definition of state as part of the crime of aggression; a plurality of approaches to the definition of state sovereignty as an object of criminal encroachment; the complexity of the lawful use of armed force in the context of the state's realisation of its right to self-defense; the problem of the lawful use of armed force in the context of humanitarian intervention; the absence in the practice of international relations and in international law itself of universal criteria to determine the sufficiency of a violation of international peace to qualify an act as a crime of aggression; the problem of an expanded understanding of armed force as an act of aggression; the contiguous nature of some forms of aggression with lawful actions related to ensuring national security.

Образец цитирования:

Лобач ДВ. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:38–44.

For citation:

Lobach DV. Problem aspects of legal regulation of responsibility for the crime of aggression. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:38–44. Russian.

Автор:

Дмитрий Владимирович Лобач – кандидат юридических наук; доцент кафедры теории и истории государства и права.

Author:

Dmitry V. Lobach, PhD (law), associate professor at the department of theory and history of state and law.
dimaved85@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7229-439X>





Keywords: international crime; crime of aggression; international criminal responsibility; self-defense; cyber security; cyber threats.

Acknowledgements. The research has been conducted with financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. 20-511-00009.

Введение

Всю историю человеческой цивилизации сопровождают различного рода войны и вооруженные конфликты, ставшие печальными спутниками развития межгосударственных отношений. И только окончание Второй мировой войны ознаменовало насущную потребность в политико-правовом запрещении и осуждении агрессивной войны как преступления, вызывающего в силу наивысшей общественной опасности обеспокоенность у всего международного сообщества.

Впервые политико-правовое осуждение агрессивной войны было закреплено в Договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 г., ставшего известным как Пакт Бриана – Келлога. Документ был подписан в Париже представителями США, Бельгии, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Ирландии, Индии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии, Японии. В скором времени к нему присоединилось и советское правительство. В договоре ничего не говорилось об агрессивной войне в контексте современной нормативной интерпретации, но было закреплено положение о недопустимости обращения к войне как к орудию национальной политики для урегулирования международных споров.

В 1933 г. была заключена Конвенция об определении агрессии, в которой было предложена политико-правовая дефиниция понятия «агрессия» через фиксацию четырех ситуаций противоправного применения вооруженной силы одним государством против другого и одной ситуации (акт объявления войны), не связанной с применением вооруженной силы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных документах агрессия осуждается только как международно-правовое явление, но при этом не рассматривается как криминальное деяние, выступающее в качестве юридического факта, который порождает уголовно-правовые отношения в фокусе реализации международной уголовной ответственности.

Нормативно-правовая регламентация ответственности за агрессивную войну впервые имела место при проведении Нюрнбергского и Токийского процессов в отношении главных военных преступников Германии и Японии соответственно. При этом была криминализована не сама агрессивная война, а формы ее внешнего выражения – планирование, подготовка, развязывание и ведение (п. «а» ст. 6 Устава Международного военного трибунала для

суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, п. «а» ст. 5 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока). В указанных документах отсутствует нормативное определение агрессивной войны. Криминализация конкретных ее форм и привлечение физических лиц к ответственности основывается на всеобщем признании агрессивной войны, развязанной и проводимой странами «оси» (Германия, Италия, Япония), как исторического неопровержимого события.

Возникшие прецеденты, связанные с осуждением главных военных преступников стран «оси», стали предтечей для дальнейшего развития международного уголовного права в области обеспечения международного мира и безопасности человечества. Первое легальное определение преступления агрессии зафиксировано в ст. 1 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г. (далее – резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314), под которой понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, как это установлено в данном определении. В ст. 3 перечислены 7 основных актов агрессии, при этом в ст. 4 отмечается, что данный перечень не является исчерпывающим и Совет Безопасности в рамках своих дискреционных полномочий может признать в качестве агрессии и другие акты, которые противоречат положениям Устава ООН. В дальнейшем легальная дефиниция агрессии, представленная в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, с некоторыми дополнениями была отражена в ст. 8b Римского статута Международного уголовного суда [1, р. 481–484; 2; 3, р. 222; 4, р. 227].

Между тем, несмотря на признание агрессивной войны международным преступлением, подпадающим под универсальную юрисдикцию Международного уголовного суда, в теории и практике международного права все еще остаются актуальные проблемы, требующие осмысления и разрешения в обозримом будущем. Не претендуя на их широкое освещение и предметное разрешение, остановимся на ключевых аспектах правовой регламентации ответственности за агрессивную войну в контексте перспективного правоприменения.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном междисциплинарном политико-правовом



исследовании регламентации международной уголовной ответственности за преступление агрессии в фокусе критического осмысления проблемных аспектов.

Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- исследовать в рамках междисциплинарного подхода (с позиции международного права и теории государства) понятие «государства» как субъект агрессии;
- изучить различные подходы к рассмотрению государственного суверенитета как объекта противоправного применения вооруженной силы со стороны государства-агрессора;

• проанализировать последствия преступления агрессии в виде нарушения международного мира как криминообразующего признака этого преступления;

• исследовать формы проявления преступления агрессии, а также понятие «применение вооруженной силы».

Имеются основания полагать, что результаты данного исследования будут интересны и полезны специалистам в сфере уголовного права в контексте возможного правоприменения и перспективной имплементации международных норм в национальное законодательство.

Материалы и методы исследования

В работе исследуются нормы международного уголовного права, регламентирующие ответственность и политико-правовое осуждение агрессии как исторически сложившегося явления, посягающего на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость другого государства, которое закономерным образом нарушает международный мир как всеобщее (общечеловеческое) благо. Концептуально-правовые аспекты регламентации ответственности за преступление агрессии, а также отдельные позиции относительно конститутивных моментов, присущих этому явлению, находят свое отражение в трудах таких авторов, как М. С. Бассиони, Д. Бэлл, Г. Верле, С. В. Глотов, Ч. Грэй, Л. В. Иногамова-Хегай, А. Г. Кибальник, Р. А. Кантур, С. Саяпин, С. Г. Тимошков, И. З. Фархутдинов и др.

В работе используются общенаучные и специальные методы исследования. Среди общенаучных методов были задействованы структурный анализ (мысленное разделение явления (состав преступления агрессии) на отдельные элементы с последующим изучением их качественных свойств), синтез (формулирование после анализа общего понимания ответственности за преступление агрессии с учетом выявленных проблемных аспектов, требующих дальнейшего изучения и разрешения) и метод сравнения (преступление агрессии сравнивается с гуманитарной интервенцией и превентивной самообороной). Специальные методы (сравнительно-правовой и формально-юридический) используются для выявления правового содержания преступления агрессии как явления правовой действительности.

Результаты и их обсуждение

Исследование отечественной и зарубежной учебной и научной литературы, а также специальных норм международного уголовного права в срезе осмысления динамики международных отношений, исторического процесса и современных реалий, иллюстрирующих новые вызовы и угрозы для международного правопорядка, позволяет выявить семь ключевых проблем, связанных с регламентацией ответственности за преступление агрессии на международном уровне.

Проблема определения понятия «государство» в составе преступления агрессии. Из представленного выше определения следует, что обязательным условием агрессивной войны является наличие государства как субъекта международного деликта и государства, выступающего в качестве потерпевшей стороны. По этой причине отношения между государством-агрессором (сторона нападения) и государством-жертвой (обороняющаяся сторона) возникают в результате инициирования и проведения агрессивной войны. Таким образом, применение вооруженных сил против иных него-

сударственных публично-правовых образований, демографических общностей, идентифицируемых по какому-либо релевантному признаку, организаций или групп, позиционирующих себя в качестве национально-освободительных движений, не является агрессией в соответствии с положениями действующего международного права. Вместе с тем остается неразрешенным вопрос о понятии «государство», который является основным для уяснения правового смысла нормы об агрессии и адекватного ее применения в перспективе. Дело в том, что в юридической сфере наблюдаются межотраслевые противоречия в определении данного понятия. В частности, речь идет о столкновении различных позиций, сложившихся в теории государства и науке международного права. С общетеоретической стороны государство представляет собой универсальную суверенную политико-территориальную организацию публичной власти, обладающую аппаратом управления и принуждения, веления которого обязательны для всего населения на подвластной ему территории. С позиции науки международного



права определение государства дополняется сложной дилеммой о признании его со стороны международного сообщества в качестве субъекта международного права. Сложность данной ситуации объясняется прежде всего тем, что в теории международного права существуют две концепции (декларативная и конститутивная), которые по-разному объясняют правовую природу и последствия признания государства в качестве субъекта международного права [5, с. 236–240]. В частности, декларативная концепция не сводит факт существования государства к необходимости дипломатического признания со стороны других государств. Заявленная проблема особенно остро актуализируется в свете интенсивного процесса дробления больших государств на более мелкие и зарождения новых публично-территориальных образований, государственность которых признается не всеми странами.

Проблема определения государственного суверенитета как объекта преступного посяательства. Из легального определения преступления, закрепленного в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, видно, что агрессия представляет собой противоправное применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности и политической независимости другого государства. Если относительно понимания территориальной целостности и политической независимости другого государства особых сложностей не возникает, то нерешенным остается вопрос о суверенитете, поскольку в теории международного права существуют разные подходы к пониманию этого признака. В частности, в науке обосновываются различные подходы к пониманию суверенитета в контексте теории остаточного суверенитета, концепции ограниченного суверенитета, нормативной теории суверенитета, правовой теории суверенитета и др. [6–9]. Такое многообразие подходов в определенной мере осложняет квалификацию деяний, связанных с противоправным применением вооруженной силы одним государством против территориальной целостности другого, так как возникают неопределенность в объекте преступного посяательства и проблема адекватной оценки причиненного вреда.

Проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях реализации государством своего права на самооборону. Ст. 51 Устава ООН закрепляет право каждого государства – члена ООН на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения. При этом применение вооруженной силы одним государством против другого, во-первых, должно быть реакцией на уже состоявшуюся агрессию и, во-вторых, должно быть адекватным и своевременным. Вместе с тем в теории международного права и практике международных отношений не утрачивает своей

актуальности вопрос о возможности превентивной самообороны, т. е. применения вооруженной силы одним государством в отношении другого государства в целях предупреждения возможной агрессии в условиях высокой вероятности [10; 11, р. 235]. Показательным в этом плане примером является нанесение Израилем в 1981 г. превентивного удара по атомному реактору Ирака. Хотя инцидент и не был квалифицирован Советом Безопасности ООН как акт агрессии, однако сама ситуация продемонстрировала условность границ между актом агрессии и самообороной от вероятной агрессии. Действительно, расширительное толкование нормы ст. 51 Устава ООН, придающее превентивной обороне легитимное основание, создает в определенной степени дуализм в оценке возможных последствий. С одной стороны, применение вооруженных сил в условиях превентивной самообороны может стать своеобразным прикрытием и оправданием агрессивных действий. С другой стороны, надо понимать, что современные виды вооружения позволяют нанести сокрушительный удар по военной инфраструктуре другого государства, что сделает невозможным применение ответных мер в рамках реализации права на самооборону.

Проблема правомерного применения вооруженной силы в условиях гуманитарной интервенции. Феномен гуманитарной интервенции, будучи широко известным в теории международного права и практике международных отношений, представляет собой применение вооруженной силы одним государством против другого на его территории без его согласия в целях предотвращения гуманитарной катастрофы и (или) политики геноцида, практики этнических чисток и последствий гражданской войны. В сущности, гуманитарная интервенция выражает достижение (или стремление к достижению) соответствующих целей одним государством посредством применения вооруженных сил на территории другого государства [12, р. 365–367]. С формально-юридической стороны, если исходить из легального определения агрессии, представленного в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314, такие действия могут быть расценены как агрессия только при условии ограничения суверенитета, территориальной целостности и политической независимости того государства, где наблюдается гуманитарная катастрофа, и установлении Советом Безопасности ООН факта нарушения международного мира. Тем не менее, даже если факт нарушения международного мира не констатирован, остается нерешенным вопрос об установлении приоритета между государственным суверенитетом и достижением гуманитарных целей. Императивное провозглашение незыблемости государственного суверенитета, а, как следствие, и территориальной целостности, и политической



независимости порождают безнравственное бездействие при гуманитарной катастрофе в тех случаях, когда такая катастрофа могла бы быть остановлена при своевременном и адекватном применении вооруженных сил одним государством в отношении другого. Напротив, провозглашение приоритета гуманитарных целей может открыть простор для злоупотреблений со стороны отдельных государств, исходящих из конъюнктурных идеологических и геополитических факторов. *De facto* гуманитарная интервенция может стать проформой для вмешательства во внутренние дела другого государства без санкции Совета Безопасности ООН. При этом нельзя исключать ситуацию, когда противоправное применение в гуманитарных целях одним государством своих вооруженных сил в отношении другого хотя и будет ограничивать государственный суверенитет и политическую независимость последнего, но не будет квалифицироваться как преступление агрессии ввиду отсутствия должного уровня международной опасности, определяемого степенью нарушения Устава ООН.

Проблема определения достаточности нарушения международного мира для квалификации деяния в качестве преступления агрессии. В данном случае все сводится к дискреционным полномочиям Совета Безопасности ООН по установлению факта угрозы миру, нарушения мира и акта агрессии, что закреплено в ст. 39 Устава ООН. Кроме того, в ст. 2 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 регламентировано, что Совет Безопасности ООН может прийти к выводу о недостаточно серьезном применении вооруженных сил. Как следствие, признание (юридическая констатация) акта агрессии не будет оправданным. С юридической точки зрения здесь идет речь о дифференциации степени общественной опасности противоправного применения вооруженных сил. Противоправные деяния, связанные с применением вооруженных сил одним государством против другого, только тогда будут признаны (квалифицированы) в качестве преступления агрессии, когда такое применение привело к существенному нарушению межгосударственных отношений мирного сосуществования, а не после того, как Совет Безопасности ООН констатировал факт агрессии. Вместе с тем в современном международном праве все еще не выработаны критерии, позволяющие определить степень серьезности нарушения международного мира. Именно эти критерии должны способствовать разрешению вопроса о разграничении, например, приграничного конфликта от полномасштабного вооруженного конфликта. Ситуация обостряется еще и тем, что признание факта агрессии может ставиться в зависимость от спекулятивных факторов, инспирируемых отдельными членами Совета Безопасности ООН, в то время как неудобные (не отвечающие интересам отдельных

государств) инициативы могут и вовсе блокироваться постоянными членами данного органа. Следует отметить, что в определенных ситуациях правовое признание акта агрессии Советом Безопасности ООН и вовсе может не состояться. Речь идет о ситуации, когда постоянный член Совета Безопасности ООН сам проявляет агрессию и поэтому становится субъектом обвинения. Однако привлечь такое государство к международной ответственности представляется непосильной задачей, так как оно может саботировать признание акта агрессии через реализацию своего права вето [13, с. 306; 14].

Проблема расширенного понимания вооруженной силы в качестве акта агрессии. В ч. 1 ст. 8b Римского статута Международного уголовного суда закреплена легальная дефиниция понятия «преступление агрессии». В частности, его объективная сторона выражается в планировании, подготовке, иницировании или осуществлении лицом, которое в состоянии фактически руководить или контролировать политические или военные действия государства, акта агрессии, в силу своего характера, серьезности и масштабов являющиеся грубым нарушением Устава ООН. В ч. 2 этой же статьи дается определение понятия «акт агрессии» и перечисляются семь форм применения вооруженной силы, которые должны квалифицироваться в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3314 в качестве акта агрессии. Вместе с тем в данной резолюции указываются только формы применения вооруженной силы одним государством против другого, но само понятие «вооруженная сила» не раскрывается. В сущности, применение вооруженной силы охватывает традиционные виды вооружения и методы ведения боевых действий. Вместе с тем современные процессы и тренды научно-технического прогресса обуславливают развитие, внедрение и широкое применение информационно-коммуникационных технологий в различных сферах социальных отношений, что порождает необходимость обеспечения защиты от различного рода киберугроз. Таким образом, остро встает вопрос о возможности совершения акта агрессии посредством использования кибероружия в целях дезорганизации работы объектов критически важной инфраструктуры, что может подорвать стабильность в обществе и привести к деструктивным процессам в политической сфере. О важности признания кибератак в качестве возможного акта агрессии свидетельствуют современные реалии, связанные с обострением международных отношений в связи с участвовавшими случаями кибератак и принятием на национальном уровне в отдельных государствах специальных доктрин кибербезопасности [15]. Кроме того, в самих военных доктринах и стратегиях все чаще уделяется внимание киберугрозам и кибербезопасности, которая становится неотъемлемой частью национальной



безопасности в целом. В условиях четвертой промышленной революции наблюдается активное применение информационных технологий в агрессивных целях. О том, что последние могут использоваться в качестве средств подавления объектов критически важной инфраструктуры, свидетельствуют новые виды военных подразделений (войск), главной задачей которых является проведение операций в киберпространстве, защита систем управления от кибератак и управление компьютерными сетями. Между тем, даже если признать кибератаки актом применения вооруженной силы, открытым остается вопрос о критериях оценки общественной опасности таких атак с позиции реальных или ожидаемых последствий, связанных с обострением международных отношений. Кроме того, актуализируется необходимость четко понимать и соблюдать суверенитет в информационном пространстве (информационный суверенитет), который становится неотъемлемым атрибутом национальной безопасности.

Проблема ограничения криминальных форм агрессии от правомерных действий, связанных с обеспечением национальной безопасности.

Данная проблема связана с определенными сложностями в понимании процесса планирования и подготовки агрессивной войны по сравнению с проводимыми на регулярной основе плановыми мероприятиями, связанными с совершенствованием организации вооруженных сил и проведением военных учений. В целом в учебной и научной литературе сложилось мнение, что планирование агрессивной войны представляет собой целенаправленную интеллектуально-волевою деятельность по составлению стратегических планов военного, административно-организационного и материально-технического характера, тактических планов по ведению вооруженных операций, а также мобилизационных планов и предложений по подготовке будущей войны в отношении конкретного противника [16, с. 766]. Подготовка агрессивной войны – это совершение конкретных действий, связанных с реализацией определенных планов по ее развязыванию и ведению. Такая подготовка охватывает различного рода действия организационного, тактического, мобилизационного, оперативного, разведыватель-

ного и иного характера (в частности, передислокацию военных подразделений, наращивание производства военной техники и усиленное обеспечение армейских потребностей, создание новых военных подразделений, проведение разведывательных операций, активизацию военной пропаганды и др.).

В принципе, действия, составляющие подготовку к агрессивной войне, только тогда можно квалифицировать как форму проявления агрессии, когда они связаны с реализацией соответствующих планов по развязыванию и ведению агрессивной войны. Вместе с тем нельзя забывать, что многие государства в своих военных доктринах прописали не только оборонительные, но и наступательные (по сути, агрессивные) аспекты национальной военной политики, а качественное и количественное увеличение вооруженных сил зачастую не связано с необходимостью обеспечения интересов национальной безопасности и противодействия реальным военным угрозам. Кроме того, военная парадигма (официальная военная мысль, преобладающая в конкретном обществе), отраженная в военных доктринах и военном стратегическом планировании, часто и вовсе не исключает различные варианты планирования нанесения ударов по предполагаемому противнику в условиях гонки вооружения.

Таким образом, следует отметить, что, хотя ответственность за преступление агрессии и получила международно-правовое закрепление, тем не менее остается ряд проблем, требующих разрешения в обозримом будущем. Указанные проблемы демонстрируют сложность агрессии как политико-правового феномена и обуславливают потребность в их теоретико-методологическом осмыслении, что может способствовать совершенствованию правоохранительного потенциала международно-правового механизма по обеспечению международного мира и безопасности человечества, а также оптимизации возможной правоприменительной практики и повышению качества имплементации норм об агрессии в национальное законодательство. Представляется, что по мере развития новых видов вооружения, а также форм и методов ведения войны объективная сторона акта агрессии будет претерпевать изменения.

Библиографические ссылки

1. Werle G. *Principles of international criminal law*. 2nd edition. Hague: T. M. C. Asser Press; 2009. 660 p.
2. Саяпин С. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы. *Международное правосудие*. 2012;1(2):87–97.
3. Sayapin S. *The crime of aggression in international criminal law: Historical development, comparative analysis and present state*. Hague: T. M. C. Asser Press; 2014. 334 p. DOI: 10.1007/978-90-6704-927-6.
4. Bassiouni MC, Ferencz BB. Chapter 3. The crime against peace and aggression. In: Bassiouni MC, editor. *International criminal law, volume 1: Sources, subjects and contents*. 3rd edition. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2008. p. 207–242. DOI: 10.1163/ej.9789004165328.i-1086.16.
5. Ильяшевич МВ, Хахина АА. К вопросу о международно-правовом признании государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014;1:236–244.



6. Морозова АС, Карасев АТ. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета. *История государства и права*. 2014;20:45–50.
7. Красинский ВВ. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы. *Современное право*. 2015;7:5–10.
8. Бредихин АЛ. *Суверенитет как политико-правовой феномен*. Москва: Инфра-М; 2012. 128 с.
9. Осветимская ИИ. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017;2:150–167.
10. Фархутдинов ИЗ. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление. *Московский журнал международного права*. 2016;4:97–124. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-97-124.
11. Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press; 2008. 334 p. (Foundations of Public International Law). DOI: 10.1093/law/9780199239153.001.0001.
12. Krylov N. Humanitarian intervention: Pros and cons. *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal*. 1995;17(2):365–407.
13. Кибальник АГ. Преступление агрессии: обманутые ожидания Международного уголовного права. *Всероссийский криминологический журнал*. 2019;13(2):300–310. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.
14. Глотова СВ. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском Уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда. *Московский журнал международного права*. 2017;2:87–96. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-87-96.
15. Казарин ОВ, Тарасов АА. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств. *История и архивы*. 2013;14:58–74.
16. Иногамова-Хегай ЛВ, Рарог АИ, Чучаев АИ. *Уголовное право. Особенная часть*. 2-е издание. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; 2008. 800 с. Совместно с издательством «ИНФРА-М».

References

1. Werle G. *Principles of international criminal law*. 2nd edition. Hague: T. M. C. Asser Press; 2009. 660 p.
2. Sayapin S. The definition of the crime of aggression and national systems of criminal justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2012;1(2):87–97. Russian.
3. Sayapin S. *The crime of aggression in international criminal law: Historical development, comparative analysis and present state*. Hague: T. M. C. Asser Press; 2014. 334 p. DOI: 10.1007/978-90-6704-927-6.
4. Bassiouni MC, Ferencz BB. Chapter 3. The crime against peace and aggression. In: Bassiouni MC, editor. *International criminal law, volume 1: sources, subjects and contents*. 3rd edition. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2008. p. 207–242. DOI: 10.1163/ej.9789004165328.i-1086.16.
5. Ilyashevich MV, Khakhina AA. On the international legal recognition of states. *RUDN Journal of Law*. 2014;1:236–244. Russian.
6. Morozova AS, Karasev AT. Certain approaches to understanding of state sovereignty. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2014;20:45–50. Russian.
7. Krasinski VV. State sovereignty: epistemological dimension of problem. *Sovremennoe pravo*. 2015;7:5–10. Russian.
8. Bredikhin AL. *Suverenitet kak politiko-pravovoi fenomen* [Sovereignty as a political and legal phenomenon]. Moscow: Infra-M; 2012. 128 p. Russian.
9. Osvetinskaya II. State sovereignty: content and transformation in the era of globalization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2017;2:150–167. Russian.
10. Farkhutdinov IZ. Preventive self-defense in international law: use and abuse. *Moscow Journal of International Law*. 2016;4:97–124. Russian. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-97-124.
11. Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press; 2008. 334 p. (Foundations of Public International Law). DOI: 10.1093/law/9780199239153.001.0001.
12. Krylov N. Humanitarian intervention: Pros and cons. *Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Journal*. 1995;17(2):365–407.
13. Kibalnik AG. Crime of aggression: deceptive expectations of international criminal law. *Russian Journal of Criminology*. 2019;13(2):300–310. Russian. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310.
14. Glotova SV. Crime of aggression: some legal problems of definition in the Nuremberg Charter and the Rome Statute of the International Criminal Court. *Moscow Journal of International Law*. 2017;2:87–96. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-87-96. Russian.
15. Kazarin OV, Tarasov AA. Modern concepts of cybersecurity of leading foreign countries. *History and archives*. 2013;14:58–74. Russian.
16. Inogamova-Khegai LV, Rarog AI, Chuchaev AI. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. 2nd edition. Moscow: Law firm «KONTRAKT»; 2008. 800 p. Co-published by the «INFRA-M». Russian.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021.
Received by the editorial board 18.11.2021.



К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРОФЕССИЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

К. В. СИНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы практического применения технологий искусственного интеллекта в юридической деятельности. С учетом возрастающего с каждым годом влияния технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу, автор анализирует риски, связанные с потенциальной возможностью ослабления позиций юристов на рынке юридических услуг. Кроме того, акцентируется внимание на том, что внедрение искусственного интеллекта в область юриспруденции предъявляет новые требования к профессиональным компетенциям юриста в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация; сквозные цифровые технологии; искусственный интеллект; право; предиктивная аналитика; роботы-юристы; *legal tech*; юридическое образование.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-080.

ON THE MATTER OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPACT ON LEGAL PROFESSION AT DIGITAL ERA

K. V. SINKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the matters of practical application of artificial intelligence technology in legal activity. Having in mind that the effect of artificial intelligence technology on the field of law is getting higher from year to year, the author analyses the risks connected with possibility that the position of lawyers on the law service market will become weakened. Moreover, the article emphasises that implementation of artificial intelligence into the field of law places new demands on professional competencies of a lawyer in the context of digitalisation.

Keywords: digitalisation; end-to-end digital technologies; artificial intelligence; law; predictive analytics; robotic lawyers; legal tech; legal education.

Acknowledgements. The research has been conducted with financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the frame of scientific project No. Г20Р-080.

Введение

В современных условиях формирование цифровой экономики признается большинством государств мира важнейшим фактором, способствующим

экономическому росту, повышению благосостояния страны и конкурентоспособности национальной экономики.

Образец цитирования:

Синкевич КВ. К вопросу о влиянии искусственного интеллекта на юридическую профессию в цифровую эпоху. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3:45–54.

For citation:

Sinkevich KV. On the matter of the artificial intelligence impact on legal profession at digital era. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:45–54. Russian.

Автор:

Кристина Викторовна Синкевич – старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета.

Author:

Kristina V. Sinkevich, senior lecturer at the department of civil law, faculty of law.
sinkevich_kv@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2807-1391>



Учитывая положительные экономические и социальные эффекты цифровизации (увеличение производительности в различных отраслях экономики, в том числе за счет автоматизации технологических процессов, повышение инвестиционной привлекательности, создание новых высокотехнологичных отраслей и др.), можно считать курс на развитие цифровой экономики одним из важнейших национальных приоритетов подавляющего числа государств, в том числе Беларуси и России.

В настоящее время основными стратегическими документами, определяющими вектор цифровой трансформации экономики в Республике Беларусь, являются Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы¹ и государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы². В соответствии с последним из обозначенных документов основной целью цифрового развития является обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества.

В Российской Федерации среди важнейших программных документов, определяющих государственную политику в обозначенной сфере, следует назвать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы³ и программу «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴.

В документах стратегического планирования многих стран, как правило, обозначены наиболее передовые (сквозные, критические, перспективные) технологии цифровой экономики, призванные навсегда изменить облик современной социально-экономической структуры общества, социальных институтов, промышленной базы [1, с. 95].

Так, например, в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» выделены девять сквозных цифровых технологий: большие данные, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорики, нейротехнологии и искусственный интеллект, новые производственные технологии, промышленный интернет, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами влияния сквозных цифровых технологий

на социально-экономическое развитие, последние представляют собой технологии, применяемые для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде, в основе функционирования которых лежат программные и аппаратные средства и системы, востребованные во всех секторах экономики и создающие новые рынки и изменяющие бизнес-процессы [2, с. 14].

Таким образом, основой цифровой трансформации экономики выступает внедрение сквозных цифровых технологий в производство, сферу услуг и другие области жизнедеятельности общества в целях обеспечения социально-экономического развития и прогресса.

Особое место среди сквозных цифровых технологий занимает искусственный интеллект (англ. *artificial intelligence, AI*). Исследователи полагают, что по преобразующему воздействию на общество искусственный интеллект сравним с электричеством, которое в свое время полностью изменило производство, выведя экономику на принципиально новый уровень развития, и поменяло технологический уклад в мире⁵.

Следует отметить, что в настоящее время искусственный интеллект является объектом исследований ученых из различных областей науки (информатика, нейробиология, кибернетика, философия, психология и др.).

Применительно к юридической сфере научные исследования касаются, в частности, проблем практического применения технологий искусственного интеллекта в юридической деятельности и влияния указанных технологий на формирование профессиональных компетенций юриста в цифровую эпоху.

Так, в русскоязычной юридической литературе к исследованию обозначенных вопросов обращались М. А. Рожкова [3], А. А. Соколова [4], О. И. Мирошников [5], А. Р. Хасанов [6] и др. Среди зарубежных исследователей следует назвать Дж. О. МакГинниса и Р. Дж. Пирса [7].

При этом исследование проблем применения технологических новаций в юридической сфере сопряжено с постановкой ряда дискуссионных вопросов, связанных с оценкой рисков их внедрения: приведет ли этот процесс к конкуренции на рынке труда и замене некоторых категорий юридических профессий роботами, как с позиции высшей школы реагировать на происходящие компьютерные

¹Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody> (дата обращения: 26.08.2021).

²Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066&p1=1> (дата обращения: 26.08.2021).

³Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 26.08.2021).

⁴Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 26.08.2021).

⁵Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.unn.ru/students/src/Prav_reg_I_I.pdf (дата обращения: 26.08.2021).



инновации, каков портрет юриста эпохи искусственного интеллекта и др. [4, с. 350, 355]?

Таким образом, следует признать, что в цифровую эпоху влияние технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу весьма многоаспектно. В рамках настоящей статьи представ-

ляется необходимым сосредоточиться на вопросах их практического применения в юридической деятельности, существующих рисках для профессии, а также на влиянии указанных технологий на формирование профессиональных компетенций юриста.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступают общенаучные (анализ, сравнение, системный анализ и др.), а также принятые в правовой науке (метод комплексного анализа, формаль-

но-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Теоретическую основу исследования составили научные труды вышеуказанных авторов.

Результаты и их обсуждение

Следует отметить, что единого определения понятия «искусственный интеллект» в законодательстве зарубежных стран и среди исследователей не сформулировано.

В научной литературе под названным термином предлагается понимать «способность интеллектуальных систем выполнять творческие функции, обычно присущие человеку»⁶.

Европейской комиссией в сообщении «Искусственный интеллект для Европы» от 25 апреля 2018 г. предложено следующее определение исследуемого понятия: «Под искусственным интеллектом понимаются системы, которые демонстрируют разумное поведение, способны анализировать окружающую обстановку и осуществлять действия – с некоторой степенью автономности – для выполнения определенных задач»⁷ (здесь и далее перевод наш. – К. С.).

Независимой экспертной группой (*High-level expert group on artificial intelligence*), созданной Европейской комиссией в июне 2018 г., подготовлен документ «Определение искусственного интеллекта: основные возможности и ограничения»⁸. Согласно указанному документу системы, основанные на искусственном интеллекте, представляют собой системы программного обеспечения (и, вероятно, также оборудования), разрабатываемые людьми, при постановке комплексной задачи функционирующие в физическом или цифровом измерении, при изучении окружающей обстановки посредством сбора данных интерпретирующие собранные структурированные или неструктурированные данные и принимающие решения о наилучших действиях, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели.

В Российской Федерации нормативное определение исследуемого понятия содержится в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁹, которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В соответствии с указанным нормативным правовым актом искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Таким образом, анализ приведенных дефиниций позволяет сделать вывод, что общим признаком, на котором в них сделан акцент, является способность систем искусственного интеллекта имитировать когнитивные (познавательные) функции человеческого мозга и на основании полученных данных самостоятельно принимать решения.

Следует отметить, что в Российской Федерации в целях реализации федерального проекта «Цифровые технологии», включенного в паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», разработана дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»¹⁰. В соответствии с указанным документом в группу технологий искусственного интеллекта включаются такие субтехнологии, как компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, рекомендательные системы

⁶ Филипова И. А. Правовое регулирование...

⁷ Artificial intelligence for Europe // European Commission [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=51625 (date of access: 26.08.2021).

⁸ A definitions of AI: main capabilities and disciplines [Electronic resource]. URL: <https://www.aepd.es/sites/default/files/2019-12/ai-definition.pdf> (date of access: 26.08.2021).

⁹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 26.08.2021).

¹⁰ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf> (дата обращения: 26.08.2021).



и интеллектуальные системы поддержки принятия решений и др.¹¹

Исследователи выделяют три вида искусственного интеллекта по степени усложнения:

1) ограниченный, или узкий (слабый), искусственный интеллект (*artificial narrow intelligence*), созданный для решения конкретной задачи или относительно небольшого круга задач;

2) сильный искусственный интеллект (*artificial general intelligence*), находящийся на одном уровне с человеческим интеллектом и способный решать широкий круг задач;

3) искусственный сверхинтеллект (*artificial superintelligence*), превосходящий уровень отдельно взятого человека или всего человечества¹².

Доцент кафедры интегративной биологии, информатики и инженерии университета штата Мичиган А. Хинтце выделяет четыре типа искусственного интеллекта¹³:

1) реактивные машины, которые не способны формировать воспоминания, а также использовать прошлый опыт для принятия текущих решений (примером этого типа машин является *Deep blue* – суперкомпьютер IBM для игры в шахматы, который победил международного гроссмейстера Гарри Каспарова в конце 1990-х гг.);

2) системы с ограниченной памятью, например беспилотные автомобили, которые учитывают такую информацию, как скорость и направление других автомобилей, и дополняют ее запрограммированное ранее видение мира (разметка полос, светофоры и др.);

3) разумные системы, представляющие собой машины следующего, более продвинутого класса, формирующие представления не только о мире, но и о других сущностях¹⁴;

4) системы с искусственным самосознанием, которые могут формировать представления о себе.

Исследователь подчеркивает, что создание систем четвертого типа – заключительный этап разработки искусственного интеллекта.

Два последних из перечисленных типов относятся к так называемому сильному искусственному интеллекту, который пока не создан. В литературе

акцентируется внимание, что «человеческий интеллект позволяет мыслить абстрактно, выдвигать творческие идеи, работу этих когнитивных механизмов сложно понять и, соответственно, воспроизвести. <...> Сильный искусственный интеллект должен обладать сознанием, выносить суждения в условиях неопределенности, интегрировать полученные знания в процесс принятия решений и предлагать новаторские идеи»¹⁵.

Следует отметить, что формы, в которых возможно наличие искусственного интеллекта, разнообразны. Так, в сообщении Европейской комиссии «Искусственный интеллект для Европы» подчеркивается, что системы, основанные на искусственном интеллекте, могут полностью базироваться на программном обеспечении и функционировать в виртуальном мире (например, интеллектуальные голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лица) или быть встроенными в аппаратные устройства (например, развитые роботы, автомобили с автономным управлением, дроны и др.).

Учитывая положительные социально-экономические эффекты применения технологий искусственного интеллекта (освобождение человека от монотонной работы, автоматизацию опасных видов работ и др.), их разработка и внедрение являются одной из приоритетных задач для многих государств, о чем свидетельствуют предпринимаемые в этом направлении меры как на законодательном, так и на исполнительном уровнях.

Например, в соответствии с Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года приоритетной целью регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта и робототехники на данном этапе их развития является стимулирование разработки, внедрения и использования этих технологий, создания систем искусственного интеллекта и робототехники в доверенном и безопасном исполнении, которое будет способствовать достижению высоких темпов экономического роста, повышению благосостояния и качества

¹¹Технологии компьютерного зрения позволяют находить, отслеживать и классифицировать объекты, а также синтезировать видеоизображения. Технологии обработки естественного языка направлены на понимание языка и генерацию текста, несущего смысл, а также на общение на естественном языке при взаимодействии компьютера и человека. Технологии распознавания и синтеза речи позволяют осуществлять перевод речевого запроса в текстовый вид, в том числе анализировать тембр и тональность голоса, распознавать эмоции, а также синтезировать речь. Рекомендательные и интеллектуальные системы поддержки принятия решений обеспечивают выполнение процесса без участия человека, поддержку в выборе решений, а также определение объектов, которые будут интересны пользователю.

¹²Филипова И. А. Правовое регулирование...

¹³Hintze A. Understanding the four types of AI, from reactive robots to self-aware beings [Electronic resource]. URL: <https://theconversation.com/understanding-the-four-types-of-ai-from-reactive-robots-to-self-aware-beings-67616> (date of access: 26.08.2021).

¹⁴В психологии такая способность приписывать психические состояния себе и другим, а также использовать их для объяснения, предсказания и управления поведением других людей называется теорией разума. См.: Агавелян О. К., Русинова С. Г. Исследование теории разума в зарубежной психологии развития // Сиб. пед. журн. 2014. № 2. С. 15–18.

¹⁵Филипова И. А. Правовое регулирование...



жизни граждан, обеспечению национальной безопасности и правопорядка, достижению устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области искусственного интеллекта¹⁶.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в Российской Федерации должна быть создана комплексная система регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. Основными направлениями создания этой системы являются обеспечение благоприятных правовых условий, в том числе посредством создания экспериментального правового режима, для доступа к данным, создание правовых условий и установление процедур упрощенного тестирования и внедрения технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, стимулирование привлечения инвестиций и др.¹⁷

Следует отметить, что технологии искусственного интеллекта востребованы в самых различных сферах: промышленность, транспорт, медицина, образование и т. д. Кроме того, в настоящее время указанные технологии активно начинают применяться в юридической практике.

По мнению И. Цветковой, инновационные технологии в сфере юриспруденции развиваются по следующим основным направлениям: автоматизация типовых юридических услуг, рост юридических онлайн-сервисов для клиентов, переход системы правосудия в онлайн, а также создание решений на основе искусственного интеллекта¹⁸.

Исследуя вопрос о влиянии искусственного интеллекта на юридическую сферу, Р. Тэйвз подчеркивает, что искусственный интеллект в большей степени, чем какая-либо другая технология, изменит юридическую практику¹⁹. Эксперт *Forbes* в статье «Искусственный интеллект изменит область права» акцентирует внимание на том, что «закон во многих отношениях особенно способствует применению искусственного интеллекта и машинного обучения. Машинное обучение и право действуют

в соответствии с поразительно схожими принципами: они оба обращаются к историческим примерам, чтобы вывести правила, применимые к новым ситуациям». Среди наиболее перспективных областей использования искусственного интеллекта в юридической сфере Р. Тэйвз называет контрактную аналитику, прогнозирование результатов судебных разбирательств и проведение правовых исследований (в частности, по поиску прецедентов с использованием компьютерных программ).

Например, компаниями *LawGeex*, *Klarity*, *ClearLaw* и *LexCheck* разрабатываются системы искусственного интеллекта, способные анализировать предлагаемые контрагентами контракты с помощью технологии обработки естественного языка (*NLP*) и определять, какие части контракта требуют корректировки. Кроме того, на основе упомянутых технологий создаются решения, которые извлекают и контекстуализируют ключевую информацию по всей совокупности контрактов компании, что упрощает понимание заинтересованными сторонами характера ее деловых обязательств. Среди технологических компаний, создающих подобные сервисы, – *Kira Systems* и *Seal Software*²⁰.

Российскими исследователями также поддерживается точка зрения о том, что наиболее глобальными сферами автоматизации юридических процессов являются судопроизводство и регулирование договорных отношений [5, с. 360].

Следует отметить, что в юридической практике, особенно в странах прецедентного права, достаточно широко распространено использование инструментов предиктивной аналитики, которые применяют высокоразвитые алгоритмы для прогнозирования того, что может случиться в будущем. Часто эти инструменты используют искусственный интеллект и технологию машинного обучения, предполагающие самостоятельное выполнение компьютером поставленных перед ним задач по поиску закономерностей и решений на основе предложенных данных [6, с. 109]. Так, например, в 2016 г. учеными из Великобритании и США был создан алгоритм, прогнозирующий решения Страсбургского суда

¹⁶Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 26.08.2021).

¹⁷Так, в целях реализации обозначенных направлений в Российской Федерации принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Указанный нормативный правовой акт направлен на введение так называемых регуляторных песочниц в целях развития инновационных технологий, не урегулированных на сегодняшний день законодательством. Следует также отметить принятие Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Экспериментальный правовой режим устанавливается на пять лет, чтобы создать необходимые условия для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также в последующем, возможно, использовать результаты применения искусственного интеллекта.

¹⁸Цветкова И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech/> (дата обращения: 26.08.2021).

¹⁹Toews P. AI will transform the field of law [Electronic resources]. URL: <https://www.forbes.com/sites/robtoews/2019/12/19/ai-will-transform-the-field-of-law/?sh=1466a4ac7f01> (date of access: 26.08.2021).

²⁰Ibid.



с вероятностью до 79 %²¹. По заявлению представителей компании *Blue J legal*, занимающейся разработкой механизмов прогнозирования юридических вопросов на базе искусственного интеллекта применительно к налоговому праву, искусственный интеллект может предсказывать исход дела с точностью до 90 %²².

Например, в Российской Федерации функционирует сервис *Casebook*, предназначенный для отслеживания и контроля судебных дел и компаний. Сервис предоставляет возможность в реальном времени получить сведения о судебных делах, их движении по инстанциям, участниках, судьях и суммах требований. А с помощью технологий *machine learning* рассчитывается вероятность исхода и продолжительность дела²³.

Для стран прецедентного права важнейшим элементом юридической практики стали разработки, позволяющие осуществлять поиск и подбор прецедентов для выстраивания стратегии ведения дел с помощью машинного интеллекта. При этом аппаратное и программное обеспечение непрерывно совершенствуются, в результате чего такой поиск становится все более эффективным как с точки зрения точности, так и с точки зрения оценки применимости конкретного прецедента. В качестве примера исследователями приводится робот «Ватсон», использование которого в юридической деятельности свидетельствует о важном новшестве: переходе от поиска информации по ключевым словам к смысловому поиску. Таким образом, если раньше точность и полнота поиска зависели от правильно подобранных ключевых слов (например, при запросе с ключевым словом «облигации» поиск не всегда приводит к делам по долговым обязательствам), то с развитием семантического поиска специалисты смогут формулировать запросы машине на естественном языке, причем компьютер будет отвечать на нем же, не снижая релевантности информации. Кроме того, машинный интеллект способен выносить суждения о значимости прецедента, основываясь на количестве исков, которые на него опирались [7, р. 1236–1237].

Следует отметить, что в настоящее время созданы интеллектуальные системы, позволяющие автоматизировать процесс подготовки юридических документов. Например, сервис «Робот-юрист», предоставляемый ООО «Компания Сетап», специализируется на оказании помощи в подготовке претензий,

жалоб, исковых заявлений и других юридических документов по вопросам защиты прав потребителей в автоматическом режиме или с привлечением эксперта-юриста²⁴.

Еще одна область юридической деятельности, в которой может быть задействован искусственный интеллект, – проверка правоспособности контрагентов. Так, в сентябре 2020 г. правовой департамент ПАО «Сбербанк России» запатентовал робота-юриста – систему проверки правоспособности юридических лиц на базе искусственного интеллекта. Первым этапом экспертизы контрагента является первичная обработка предоставленных документов (сканирование и перевод из скан-копий в машиночитаемый формат). Следующий этап – выделение из текста юридически значимой информации (например, данных о кворумах и голосованиях на собраниях акционеров, сведений о генеральном директоре и т. п.). Выделение из текста такого рода информации производится с помощью алгоритмов машинного обучения, которые находят в тексте имена, адреса, число голосов, наименование юридического лица и связывают эти фрагменты информации друг с другом. Например, робот способен «прочитать» протокол собрания акционеров и понять, кому какая доля акций принадлежит и набирается ли кворум для каждого вопроса, вынесенного на голосование. Завершающий этап работы робота-юриста – формирование юридического заключения на основе заложенных в него знаний правовой базы, юридической практики и внутренних нормативных документов. Согласно информации, представленной на сайте ПАО «Сбербанк России», в течение 2020 г. с помощью робота-юриста было подготовлено свыше 2,5 млн юридических заключений²⁵.

Следует отметить, что в настоящее время сформирована самостоятельная отрасль бизнеса – *LegalTech* (сокр. от англ. *legal technology*), специализирующаяся на технологических решениях, создаваемых для профессиональных юристов и юридического бизнеса с целью повысить эффективность оказания юридических услуг или юридического сопровождения бизнеса [3, с. 3–4].

В России вопросами разработки проектов в сфере *LegalTech* занимается, в частности, ООО «Правовед.ру Лаб»²⁶. Компания специализируется на создании юридических интернет-сервисов, позволяющих осуществлять взаимодействие между клиентами, нуждающимися в профессиональной юридической

²¹Цветкова И. Искусственный интеллект в суде...

²²Toews P. AI will transform...

²³Система для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов [Электронный ресурс]. URL: <https://casebook.ru/> (дата обращения: 26.08.2021).

²⁴Робот-юрист [Электронный ресурс]. URL: <https://robot-urist.ru/> (дата обращения: 26.08.2021).

²⁵Кондрашов И. Робот-юрист: как сэкономить рабочее время квалифицированных сотрудников? [Электронный ресурс]. URL: <https://sber.pro/publication/robot-iurist-kak-sekonomit-rabochee-vremia-kvalifitsirovannykh-sotrudnikov> (дата обращения: 26.08.2021).

²⁶О команде «Правовед» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoved.ru/about/> (дата обращения: 26.08.2021).



помощи, и юристами, консультирующими по типовым вопросам. Одним из наиболее интересных проектов является разработка технологии «Робот-юрист», позволяющей давать консультации по вопросам защиты прав потребителей и семейному праву (взыскание алиментов, установление отцовства, лишение родительских прав и др.) без участия юриста²⁷.

Таким образом, в сфере юридического консультирования – традиционного предмета деятельности специалистов – также возможно применение технологий искусственного интеллекта.

По мнению И. Цветковой, в настоящее время происходит настоящая *LegalTech* революция, которая сделает юридические услуги доступнее и коренным образом изменит работу юристов²⁸. При этом исследователями прогнозируется целая эпоха беспрецедентных инноваций в юридической сфере, поскольку компании будут конкурировать в предоставлении все новых вариантов юридических услуг различными способами [7, р. 1233].

Приведенные примеры свидетельствуют, что информационные технологии уже сегодня способны заменить человека в различных областях юридической деятельности – от составления документов до прогнозирования исхода судебного разбирательства. При этом названные технологии непрерывно развиваются и совершенствуются, в результате чего исследователями описываются области, в которых искусственный интеллект будет предоставлять услуги, оказываемые пока лишь юристами: раскрытие обстоятельств дела, исследование правомочности, подготовка материалов дела и др. [7, с. 1232–1233].

Следует отметить, что изучение возможностей искусственного интеллекта применительно к юридической сфере продолжается, в частности, делаются попытки создать машиночитаемое право, когда его нормы, переведенные в программный код, автоматически исполняются с помощью соответствующего программного обеспечения²⁹. Например, в настоящее время в Российской Федерации ведется работа над концепцией развития технологий машиночитаемого права³⁰.

Подчеркнем, что влияние технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу с каждым годом усиливается. С одной стороны, указанные технологии предоставляют множество возможностей с точки зрения как повышения доступности юридических услуг, так и изменений в работе юристов в части автоматизации некоторых «рутинных»

аспектов деятельности. С другой – правоведами высказываются обоснованные опасения, связанные с потенциальной возможностью ослабления позиций юристов на рынке соответствующих услуг с учетом того, что многие функции смогут осуществлять интеллектуальные машины. Так, британскими специалистами прогнозируется, что автоматизация юридических услуг повлияет в долгосрочной перспективе на количество рабочих мест в данном секторе: к 2038 г. общая занятость в нем может быть на 20 % меньше³¹.

Анализируя указанные риски для будущего юридической профессии, исследователи акцентируют внимание на необходимости различать виды правовой деятельности, которые в силу своей технической вспомогательной природы поддаются автоматизации и компьютеризации, и интеллектуально насыщенные, когнитивные, требующие интерпретации, аналитики, принятия решений, а также иные мыслительные навыки и компетенции в сфере правовой жизни, неподвластные искусственному интеллекту в ближайшем будущем, но допускающие его активное «соучастие» с интеллектом естественным [4, с. 355].

Так, Дж. О. МакГиннис и Р. Дж. Пирс полагают, что адвокаты сохраняют свою нишу, «ведь в обозримом будущем компьютеры не смогут произносить речи в суде» [7, р. 1233]. Кроме того, по мнению авторов, относительно мало новые технологии затронут деятельность юристов, специализирующихся в часто изменяющихся областях права. Причина в том, что машины лучше всего работают в стандартизированных и редко меняющихся условиях. Что же касается представителей профессии, занимающихся составлением стандартных завещаний и контрактов, проверкой документации, то компьютеры смогут выполнять большую часть их задач, поэтому развитие технологий, выгодное клиентам, будет неоднозначным для специалистов.

LegalTech вполне может стать следующей ступенью развития практической юриспруденции в целом, но в то же время исследователи предостерегают от попытки увидеть в данной системе потенциальную замену юристу-человеку. В правовой сфере даже сильный искусственный интеллект сможет выполнять лишь технологическую функцию, призванную упростить рабочий процесс [5, с. 359].

Кроме того, подчеркнем, что немаловажную роль в профессиональной юридической деятельности играют коммуникативные и межличностные

²⁷ Федор Нейронов [Электронный ресурс]. URL: <https://fedor.ai/> (дата обращения: 26.08.2021).

²⁸ Цветкова И. Искусственный интеллект в суде...

²⁹ Филипова И. А. Правовое регулирование...

³⁰ Концепция развития технологий машиночитаемого права [Электронный ресурс]. URL: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021_Концепция_МЧП_Внесение_после_РГ.pdf (дата обращения: 26.08.2021).

³¹ Mendoza N. F. Lawyers of the world: robots aren't replacing you – yet [Electronic resource]. URL: <https://www.techrepublic.com/article/lawyers-of-the-world-robots-arent-replacing-you-yet/> (date of access: 26.08.2021).



аспекты. Так, исследователями справедливо акцентируется внимание на том, что «человеческое взаимодействие между адвокатом и клиентом, адвокатом и адвокатом противной стороны, а также между адвокатом и судьей – сложная задача, которую нельзя упростить до двоичного кода»³².

Таким образом, современный уровень развития технологий искусственного интеллекта применительно к юридической сфере свидетельствует о возможностях его эффективного «сотрудничества» с естественным интеллектом. При этом полная замена юристов интеллектуальными машинами в ближайшей перспективе весьма сомнительна. Вместе с тем активное внедрение искусственного интеллекта в область юриспруденции предъявляет новые требования к профессиональным компетенциям представителей профессии, так как «от юристов потребуются развивать все больше навыков, чтобы использовать новейшие технологии и поддерживать конкурентное преимущество»³³.

В связи с этим полагаем важным определиться с тем, как с позиции учреждений высшего образования реагировать на происходящие изменения. С учетом того, что именно сквозные цифровые технологии призваны навсегда изменить облик современной социально-экономической структуры общества, институтов и промышленной базы, подготовка специалистов, в том числе юридических специальностей, обладающих необходимыми компетенциями для эффективной деятельности в условиях цифровизации, является как никогда актуальной [1, с. 96].

А. А. Соколова справедливо акцентирует внимание на том, что внедрение искусственного интеллекта в область юриспруденции задает новую парадигму концепции профессиональных компетенций юриста. При этом несоответствие модели профессионального обучения требованиям рынка может уменьшить возможности трудоустройства молодых специалистов. Автор подчеркивает, что настало время серьезно задуматься о траектории развития профессиональных компетенций в организации юридического образования. Набор традиционных для профессионального юриста навыков (критическое мышление, интерпретация правовых норм, использование института аналогии права при восполнении пробелов в законодательстве и др.)

должен быть дополнен навыками использования современных технологий *legal AI* [4, с. 356].

Следует отметить, что актуальность вопросов взаимодействия права и искусственного интеллекта обуславливает внедрение в образовательный процесс ведущих университетов мира учебных курсов, посвященных соответствующей проблематике. Так, например, в Стэнфордском университете преподается интерактивный курс «Regulating artificial intelligence»³⁴, в предисловии к которому авторы отмечают, что он имеет целью исследование определений и основополагающих концепций, связанных с искусственным интеллектом, вероятных направлений развития последнего и различных типов юридически значимых проблем, возникающих в данной области.

В Российской Федерации на юридическом факультете Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского преподается онлайн-курс «Правовое регулирование искусственного интеллекта»³⁵. Он посвящен вопросам правовой регламентации технологий искусственного интеллекта как на национальном, так и международном уровнях, а также перспективам отраслевого регулирования.

Кроме того, в Российской Федерации получила распространение образовательная платформа «Открытое образование»³⁶, которая была создана ассоциацией «Национальная платформа открытого образования», учрежденной ведущими университетами России.

Обращает на себя внимание содержательное наполнение образовательной платформы. Так, значительное количество курсов посвящены цифровизации в целом («Практики цифровой трансформации», «Цифровая трансформация бизнеса» и др.) и сквозным цифровым технологиям в частности («Введение в искусственный интеллект», «Большие данные с точки зрения права: введение в проблематику», «Введение в интернет вещей» и др.).

Следует отметить, что Белорусский государственный университет, как флагман высшего образования страны, также реагирует на происходящие изменения. В частности, 1 июля 2019 г. основан стартап-центр Белорусского государственного университета³⁷, в котором 18 мая 2021 г. был зарегистрирован проект по созданию сервиса «Цифровой

³² *Mendoza N. F. Lawyers of the world...*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Regulating artificial intelligence* [Electronic resource]. URL: [https://explorecourses.stanford.edu/search?view=catalog&filter=coursestatus-Active=on&page=0&catalog=&academicYear=&q=LAW+4039%3A+Regulating+Artificial+Intelligence&collapse=\(date of access: 26.08.2021\)](https://explorecourses.stanford.edu/search?view=catalog&filter=coursestatus-Active=on&page=0&catalog=&academicYear=&q=LAW+4039%3A+Regulating+Artificial+Intelligence&collapse=(date of access: 26.08.2021)).

³⁵ *Правовое регулирование искусственного интеллекта* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unn.ru/site/about/news/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 26.08.2021).

³⁶ *Открытое образование* [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения: 26.08.2021).

³⁷ *Стартап-центр БГУ* [Электронный ресурс]. URL: <https://bsu.by/structure/units/startap-tsentr-bgu> (дата обращения: 26.08.2021).



юридический консультант»³⁸. Указанный сервис представляет собой вопросно-ответную систему, позволяющую автоматизировать процесс оказания юридической помощи по трудовым спорам и иным моментам, связанным с реализацией трудовых правоотношений.

Развитие стартапа на базе Белорусского государственного университета (в первую очередь юридического факультета) с точки зрения образовательного процесса позволит обучить студентов, привлекаемых к разработке проекта, практическим

аспектам внедрения информационных технологий в право³⁹.

Следует согласиться с тем, что ИТ-обучение должно стать компонентом образовательной программы в том числе для юридических специальностей. Хорошо подготовленный юрист сможет занять активную профессиональную позицию в творческом процессе правовой деятельности, а в случае возникновения противостояния с искусственным интеллектом выстоять и принять роботов в качестве технических партнеров [4, с. 356].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что формирование цифровой экономики – один из важнейших национальных приоритетов подавляющего числа государств. Основой цифровой трансформации экономики выступает внедрение сквозных цифровых технологий, особое место среди которых занимает искусственный интеллект.

Технологии искусственного интеллекта востребованы в различных сферах (промышленность, транспорт, медицина, образование и т. д.). Кроме того, указанные технологии уже сегодня способны заменить человека в различных областях юридической деятельности (составление процессуальных и иных документов, консультирование по типовым вопросам, прогнозирование результатов судебного разбирательства и др.). При этом влияние технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу с каждым годом усиливается, в связи с этим

учеными высказываются опасения относительно будущего юридической профессии с учетом того, что многие функции, традиционно выполняемые юристами, смогут осуществлять машины.

Полагаем, что усиливающееся влияние технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу предопределяет предъявление новых требований к профессиональным компетенциям юриста в цифровую эпоху. В современных условиях навыки использования передовых технологий, в том числе *legal AI*, являются не только востребованными, но и становятся необходимыми для поддержания конкурентного преимущества. Представляется, что учреждения высшего образования, задающие траекторию развития профессиональных компетенций будущих представителей юридической профессии, также должны активно реагировать на происходящие изменения.

Библиографические ссылки

1. Дьяченко ОВ, Истомина ЕА. Теоретические основы цифровой экономики в документах стратегического планирования. *Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки*. 2018;8:90–102. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10809.
2. Абдрахманова ГИ, Вишневецкий КО, Гохберг ЛМ, Дранев ЮЯ, Зинина ТС, Ковалева ГТ и др. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклады к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества; 9–12 апреля 2019 г.; Москва, Россия*. Гохберг ЛМ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 82 с.
3. Рожкова МА. О правовых аспектах использования технологий LegalTech и LawTech. *Хозяйство и право*. 2020;3:3–11.
4. Соколова АА. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения. *Юридическая техника*. 2019;13:350–356.
5. Мирошниченко ОИ, Сафин НИ, Хохлова МС. Искусственный интеллект в профессиональной юридической деятельности: инструмент развития или угроза существования? *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019;8(4):359–363. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0083.
6. Хасанов АР. Влияние предиктивной аналитики на деятельность компаний. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2018;3:108–113.
7. McGinnis JO, Pearce RG. The great disruption: how machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services. *Actual Problems of Economics and Law*. 2019;13(2):1230–1250. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250.

³⁸Стартап по разработке сервиса «Цифровой юридический консультант» зарегистрирован в стартап-центре БГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://law.bsu.by/novosti/novosti-o-konferentsiyakh/13802-startap-po-razrabotke-servisa-tsifrovoy-yuridicheskij-konsultant-zaregistrirovann-v-startap-tsentre-bgu.html> (дата обращения: 26.08.2021).

³⁹Там же.



References

1. D'yachenko OV, Istomina YeA. Theoretical foundations of the digital economy in the documents of strategic planning. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*. 2018;8:90–102. Russian. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10809.
2. Abdrakhmanova GI, Vishnevskii KO, Gokhberg LM, Dranev YuYa, Zinina TS, Kovaleva GG, et al. *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie: doklady k XX Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva; 9–12 aprelya 2019 g.; Moskva, Rossiya* [Trends, competencies, dimension: papers of the 20th April international scientific conference on the problems of development of economics and society; 2019 April 9–12; Moscow, Russia]. Gokhberg LM, editor. Moscow: Publishing house of the HSE University; 2019. 82 p. Russian.
3. Rozhkova MA. [On law aspects of usage of Legaltech and Lawtech technologies]. *Khozyaistvo i pravo*. 2020;3:3–11. Russian.
4. Sokolova AA. [Artificial intelligence in law science: implementation risks]. *Judicial Techniques*. 2019;13:350–356. Russian.
5. Miroshnichenko OI, Safin NI, Khokhlova MS. [Artificial intelligence in the legal profession: a tool for development or a threat to existence?]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2019;8(4):359–363. Russian. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0083.
6. Khasanov AR. Impact of predictive analytics on the activities of companies. *Strategic Decisions and Risk Management*. 2018;3:108–113. Russian.
7. McGinnis JO, Pearce RG. The great disruption: how machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services. *Actual Problems of Economics and Law*. 2019;13(2):1230–1250. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230–1250.

Статья поступила в редколлегию 05.10.2021.
Recieved by the editorial board 05.10.2021.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 347.73:341.29:341.96

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ ГЕРМАНИИ 2021 г.: ПЕРВАЯ НЕМЕЦКАЯ СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Е. П. ЕРМАКОВА¹⁾

¹⁾Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия

Отмечается, что 5 мая 2021 г. Федеральное правительство Германии приняло политический документ – первую немецкую Стратегию устойчивого финансирования, которая состоит из 26 индивидуальных мер. Основной набор мер включает перенаправление федеральных инвестиций в устойчивые формы, маркировку устойчивости для потребителей (метки «светофор»). Неправительственная организация *Germanwatch* раскритиковала меры, предложенные в стратегии, за то, что они в значительной степени остаются слишком расплывчатыми.

Ключевые слова: право Германии; зеленые финансы; энергетический переход; стратегия устойчивого финансирования.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

Образец цитирования:

Ермакова ЕП. Новый политический документ Германии 2021 г.: первая немецкая Стратегия устойчивого финансирования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3:55–59.

For citation:

Ermakova EP. New German political document of 2021: the first German Strategy for sustainable financing. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:55–59. Russian.

Автор:

Елена Петровна Ермакова – кандидат юридических наук; доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института.

Author:

Elena P. Ermakova, PhD (law); associate professor at the department of civil law and procedure and international private law, law institute.
ermakova_ep@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5722-3641>





NEW GERMAN POLITICAL DOCUMENT OF 2021: THE FIRST GERMAN STRATEGY FOR SUSTAINABLE FINANCING

E. P. ERMAKOVA^a

^aRUDN University, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia

The article notes that on 5 May 2021, the German federal government adopted a political document which is the first German Strategy for sustainable financing. The strategy consists of 26 individual measures. The core set of measures includes redirecting federal investment to sustainable investment, labeling sustainability to consumers («traffic light» tags). The non-governmental organisation *Germanwatch* criticised the measures proposed in the strategy for being largely too vague.

Keywords: German law; green finance; energy transition; sustainable financing strategy.

Acknowledgements. The research was conducted with financial support of Russian Foundation for Fundamental Research in the frame of scientific project No. 20-011-00270 «a».

Введение

Немецкий финансовый сектор является одним из крупнейших в мире и имеет важное значение для развития сильной промышленной базы, которая способствует процветанию страны. Но несмотря на многолетний опыт Германии в энергетическом повороте¹, ее финансовый сектор считается отставшим в отношении концепции зеленых финансов [1, p. 28]. Многие страны уже скорректировали свои финансовые секторы для более эффективного решения проблемы изменения климата и интеграции других устойчивых критериев (экологических, социальных и управленческих) в финансовые операции [2].

Нормативное регулирование зеленого финансирования в Германии полностью соответствует законодательству ЕС (регламентам и директивам), которое имеет прямое действие на территории страны. Специальных национальных актов в сфере зеленого финансирования в Германии пока не создано: к зеленым облигациям применяются законы общего характера, регулирующие выпуск корпоративных ценных бумаг, а также законы в сфере климата и защиты окружающей среды (например, закон о защите климата 2019 г. в редакции от 18 августа 2021 г.)². Выпуск зеленых облигаций в Гер-

мании осуществляется на основе международного акта необязательного характера – Принципов зеленых облигаций 2018 г. Международной ассоциации рынка капитала.

11 июня 2021 г. Федеральный парламент Германии принял закон о корпоративной комплексной проверке цепочек поставок [3]. Он вступит в силу 1 января 2023 г. Документ требует от немецких компаний, где работают от 3000 сотрудников (с 2024 г. – от 1000 сотрудников), соблюдать стандарты должной осмотрительности, связанные с правами человека и окружающей средой (управление рисками, анализ рисков, превентивные меры, корректирующие меры и процедура рассмотрения жалоб), в своих международных цепочках поставок. Это ощутимо увеличит количество обязательств многих компаний по комплексной проверке и положительно повлияет на их системы управления рисками и соблюдение нормативных требований. Благодаря изменению законодательной процедуры сфера применения названных обязательств в отношении иностранных групп компаний была значительно расширена и теперь также будет включать филиалы иностранных компаний, численность сотрудников которых составляет более 3000.

Материалы и методы исследования

Исследование было проведено при использовании эмпирических методов описания, интерпретации и сравнения, а также теоретических методов формальной и диалектической логики. Применялись и частнонаучные методы (юридико-

догматический и метод толкования правовых норм).

Теоретическую основу исследования составляют профильные нормативные правовые акты, официальные отчеты, статистические данные.

¹Под концепцией энергетического поворота понимается взятый правительством Германии курс на постепенный отказ от использования ископаемого углеводородного топлива и ядерной энергетики и почти полный переход на ее возобновляемые источники.

²Bundes-Klimaschutzgesetz (KSG) [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/ksg/BJNR251310019.html> (Datum der Bewerbung: 26.08.21).



Результаты и их обсуждение

Опыт устойчивого финансирования в Германии. Немецкий государственный банк, один из ведущих банков в мире, – банковская группа *KfW*³ (далее – *KfW*) – играет важную роль в интеграции вопросов, связанных с устойчивостью на финансовом рынке. С середины 2018 г. он следует плану стратегии устойчивого развития – дорожной карте устойчивого финансирования *KfW*. Банк стремится достичь долгосрочных целей правительства Германии в области климата в портфеле финансирования и поддержать своих клиентов в процессах трансформации. Он выполняет свою основную функцию, продвигая устойчивое развитие и борьбу с изменением климата посредством собственной деятельности, тем самым поддерживая правительство Германии в преобразовании экономики и общества. Объемы финансирования *KfW* на 2020 г. составили 135 млрд евро, что на 75 % больше, чем в прошлом году, благодаря мерам поддержки, связанным с коронавирусом COVID-19. Оценка воздействия на окружающую среду и социальную сферу в соответствии со строгими международно признанными стандартами обеспечивает защиту окружающей среды и прав человека в проектах, финансируемых совместно с *KfW*. Банк также является одним из крупнейших эмитентов зеленых облигаций во всем мире (общая стоимость облигаций, выпущенных до конца 2020 г., составила около 31 млрд евро)⁴.

В настоящее время аспекты устойчивого развития играют важнейшую роль в государственных экспортных кредитных гарантиях правительства Германии, например в оценке воздействия проектов на окружающую среду, социальную сферу и права человека. Правительство Германии в дополнение к международным требованиям разработало Национальную климатическую стратегию, и в 2020 г. вступили в силу ее специальные условия для проектов возобновляемой энергетики. Национальная климатическая стратегия создавалась с учетом процедуры гарантирования экспортных кредитов. При этом были исключены будущие гарантии прямых поставок и оказания услуг для угольных электростанций и некоторых нефтяных проектов. Аспекты устойчивого развития также играют важную роль в области инвестиционных гарантий, предоставляемых правительством Германии. Здесь оцениваются экологические, социальные и правозащитные последствия. Гарантии выдаются только для проектов, учитывающих эти аспекты.

2 сентября 2020 г. Германия успешно выпустила свою первую государственную зеленую облигацию

(*green bond*) стоимостью 6,5 млрд евро. 10-летняя зеленая облигация имела очень высокий спрос, что отразилось в пятикратной перезаписи. Выпуск второй зеленой облигации стоимостью 5 млрд евро в ноябре 2020 г. также был успешным. Цены на эти две бумаги на вторичном рынке показывают, что инвесторы готовы платить премию за зеленый аспект (*greenium*). Сделка отличается инновационным подходом – выпуском «двойной облигации», сочетающим выпуск как обычной, так и зеленой облигации с одинаковым сроком погашения и купоном. Такой подход позволит Финансовому агентству Германии реагировать на спрос инвесторов на зеленые облигации, извлекая выгоду из наивысшей ликвидности на вторичном рынке, а также в короткие сроки построить полную кривую эталонной доходности. Цель этой стратегии Германии – расширить базу инвесторов на рынке зеленых облигаций.

Немецкий фонд управления ядерными отходами, созданный в 2017 г., инвестирует переведенные в него средства (около 24 млрд евро) в различные инвестиционные сегменты, чтобы использовать капитальные активы и финансовые доходы для покрытия расходов на утилизацию, которые понесет правительство Германии в ближайшие десятилетия. При этом фонд придерживается ориентированного на возврат инвестиционного подхода, который интегрирует экологические, социальные и управленческие критерии устойчивости в свою инвестиционную стратегию.

Устойчивое финансирование также играет важную роль в надзоре за финансовым рынком, который осуществляет Федеративное управление финансового надзора Германии (далее – *BaFin*)⁵. В декабре 2019 г. *BaFin* опубликовало Руководство по работе с рисками устойчивого развития (*Guidance notice on dealing with sustainability risks*), в котором содержались прогрессивные руководящие принципы. *BaFin* также является членом руководящего комитета Сети по экологизации финансовой системы (*Network for greening the financial system*) и экспертных групп по рискам финансового рынка, связанных с климатом, которые созданы органами, устанавливающими стандарты (например, Базельским комитетом по банковскому надзору и Советом по финансовой стабильности).

2 августа 2021 г. *BaFin* опубликовало проект Руководства по инвестиционным фондам, ориентированным на устойчивое развитие [4]. В нем изложены требования, которые компании по управлению активами будут обязаны соблюдать в будущем при

³*Kreditanstalt für Wiederaufbau* – немецкий государственный банк, в котором Федеральному правительству Германии принадлежит 80 % акций, федеральным землям Германии – 20 %.

⁴German sustainable finance strategy [Electronic resource]. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Press_Room/Publications/Brochures/sustainable-finance-strategy.pdf?__blob=publicationFile&v=7 (date of access: 26.08.2021).

⁵Федеральное управление финансового надзора Германии – центральный орган надзора за финансовыми услугами Германии, который является частью Федерального правительства ФРГ.



создании розничных инвестиционных фондов, обозначенных как устойчивые или явно продаваемые как устойчивые. У компаний есть три варианта на выбор: минимальный коэффициент инвестиций, устойчивая инвестиционная стратегия или устойчивый индекс.

Характеристика немецкой стратегии устойчивого финансирования. 5 мая 2021 г. Федеральное правительство Германии приняло политический документ – первую немецкую Стратегию устойчивого финансирования (*Sustainable finance strategy*)⁶. Ее цель заключается в мобилизации инвестиций, которые срочно необходимы для действий в области климата и устойчивого развития, а также устранения климатических рисков, которые становятся все более актуальными для финансовой системы.

Министр окружающей среды Германии С. Шульце отметила следующее: «многие немецкие инвесторы уже давно признали, что устойчивые перспективные технологии предлагают им лучшие возможности для бизнеса в долгосрочной перспективе. Финансовым рынкам нужна ясность в отношении того, какие инвестиции будут по-прежнему иметь смысл в будущем, а какие станут слишком рискованными, поскольку они финансируют устаревшие бизнес-модели. Для того чтобы такой подход работал, правительство Германии должно четко определить, что является устойчивым, а что нет. В настоящее время идут переговоры об этом на уровне ЕС. Для немецкого правительства ясно одно: ядерная энергетика не может считаться устойчивой. Любой, кто утверждает иное, может подорвать доверие к устойчивой политике финансового рынка. Ядерная энергетика больше не является прибыльной, она не является чистой и создает неизбежные серьезные остаточные риски, которые больше не могут быть навязаны населению в целом»⁷ (здесь и далее перевод наш. – Е. Е.).

Стратегия Германии устанавливает новый курс в финансовой системе, базирующийся на основных темах действий в области климата и устойчивости. Стратегия состоит из 26 индивидуальных мер. Основной их набор включает перенаправление федеральных инвестиций в устойчивые формы, маркировку устойчивости для потребителей (метки «светофор» (*traffic light*)) и новые обязательства по отчетности об устойчивом развитии для компаний. Предполагается, что «система светофора» поможет инвесторам легче определять зеленые инвестиционные возможности каждой компании. Правительство Германии предпринимает попытки согласовать план «системы светофора» с ЕС. В рассматриваемой стратегии указано, что в настоящее время данная

система находится в ведении Федерального агентства по окружающей среде Германии [6].

Кроме «системы светофора», стратегия содержит еще 25 индивидуальных мер, среди которых следует выделить следующие:

1) смещение федеральных инвестиций Германии в сторону устойчивых инвестиций (правительство планирует перенаправить 9 млрд евро, которые оно ранее разместило в пенсионных и социальных фондах, в зеленые инвестиции);

2) повышение прозрачности в деятельности компаний и финансовых инструментов в сфере устойчивости (прозрачность является ключом успеха работы с инвесторами);

3) составление перечня новых требований к так называемой нефинансовой корпоративной отчетности (всеобъемлющие отчеты об устойчивости станут обязательными);

4) повышение устойчивости управления рисками и надзора со стороны *BaFin*;

5) превращение *KfW* в мирового лидера в финансировании трансформации устойчивого развития;

6) продвижение позиции Германии в области устойчивого развития на уровне ЕС (например, правительство Германии последовательно проводит идею о том, что ядерная энергетика не может считаться устойчивой) [2].

Стратегия была разработана Комитетом по устойчивому финансированию правительства Германии (*Sustainable Finance Committee of the German government*) (далее – Комитет), который был создан 6 июня 2019 г. В его состав вошли представители правительства, наблюдатели от финансового и других секторов экономики, научных кругов и гражданского общества. В своем заключительном докладе от 25 февраля 2021 г., озаглавленном «Перемещение триллионов – устойчивая финансовая система для великих преобразований», Комитет представил 31 амбициозную рекомендацию в 5 областях деятельности:

1) разработке политической основы, ориентированной на устойчивость;

2) интегрированной и перспективной отчетности компании;

3) исследованиях и построении системы знаний в этой области;

4) финансовых продуктов, влияющих на устойчивость;

5) институциональной консолидации.

Однако в окончательный текст Стратегии устойчивого финансирования вошли не 31, а только 26 мер. Кроме того, рекомендации Комитета были значительно сокращены.

⁶The German government adopts groundbreaking sustainable finance strategy [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Pressemitteilungen/2021/2021-05-05-sustainable-finance-strategy.html> (date of access: 25.05.2021).

⁷Ibid.



Все вышесказанное привело к критике окончательного текста немецкой Стратегии устойчивого финансирования со стороны неправительственных организаций Германии. Так, неправительственная организация *Germanwatch* раскритиковала меры, предложенные в названной стратегии, за то, что они в значительной степени остаются слишком расплывчатыми (например, меры в отношении квалификации управленческих и наблюдательных советов, а также надзора, связанного с устойчивым финансированием).

Председатель Комитета К. Лёффлер заявил, что «частные институциональные инвесторы и кредиторы ожидают прозрачности в отношении эффектов и рисков устойчивости. Правительство учитывает это, добавляя корпоративную отчетность в свою стратегию устойчивого финансирования, но теперь

оно должно внести еще более конкретные предложения, чтобы разработать ощутимые решения» [6].

Комитет посоветовал изменить нормативные требования к капитальным инвестициям пенсионных фондов (*Pensionsfonds*) и пенсионных касс (*Pensionskassen*), чтобы увеличить ассигнования на зеленую инфраструктуру. Также было рекомендовано пересмотреть требования к финансированию, предусмотренные в законе о страховом надзоре (*Insurance supervision act*), для пенсионных фондов и пенсионных касс или включить в Ордонанс об инвестициях (*Investment ordinance*) конкретные классы активов.

Однако директор по политике *Germanwatch* К. Балс отметил, что «многие важные проблемы остались нерешенными и поэтому станут очевидными только при реализации. Пока будут сделаны улучшения, мы уже потеряем драгоценное время» [2].

Заключение

Все вышесказанное позволяет нам сделать ряд выводов.

1. Стратегия устойчивого финансирования 2021 г. представляет собой средство, с помощью которого правительство Германии устанавливает курс на то, чтобы страна стала ведущим центром устойчивого финансирования.

2. Немецкий финансовый сектор является одним из крупнейших в мире: кроме трехкомпонентной системы частных банков, кооперативных учреждений и сберегательных банков, особенностью банковского ландшафта Германии является существование многих финансовых учреждений, которые в дополнение к своей ориентированности на

получение прибыли учитывают такие факторы, как устойчивость и действия в общественных интересах. Этот подход очень близок к идее устойчивого финансирования.

3. Немецкий государственный банк – *KfW* – является одним из крупнейших эмитентов зеленых облигаций в мире.

4. Неправительственные организации Германии указывают на то, что меры, предложенные в немецкой Стратегии устойчивого финансирования, остаются слишком расплывчатыми (меры в отношении квалификации управленческих и наблюдательных советов, а также надзора, связанного с устойчивым финансированием).

References

1. Kuhn B. Sustainable finance in Germany: mapping discourses, stakeholders, and policy initiatives. *Journal of Sustainable Finance & Investment*. 2020;1–28. DOI: 10.1080/20430795.2020.1783151.
2. Amelang S, Wettengel J. Germany aims to become global leader in sustainable finance with new strategy [Internet; cited 2021 August 26]. Available from: <https://www.cleanenergywire.org/news/germany-aims-become-global-leader-sustainable-finance-new-strategy>.
3. Späth P, Staeinmeyer R, Werner F. Update on German compliance legislation: supply chain due diligence act is adopted, corporate sanctioning act fails [Internet; cited 2021 August 26]. Available from: <https://www.jdsupra.com/legalnews/update-on-german-compliance-legislation-5811782/>.
4. Schuchhardt A. BaFin starts consultation on its Guidelines on sustainable investment funds [Internet; cited 2021 August 26]. Available from: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/EN/Pressemitteilung/2021/pm_210722_Nachhaltigkeitsleitlinien_en.html.
5. Kraemer C, Wacket M. Germany unveils plan to become a leading hub for sustainable finance [Internet; cited 2021 August 26]. Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2021/05/germany-unveils-plan-to-become-a-leading-hub-for-sustainable-finance/#:~:>.
6. Serenelli L. Germany's sustainable strategy 'turning point' disappoints occupational pensions [Internet; cited 2021 August 26]. Available from: <https://www.ipe.com/news/germanys-sustainable-strategy-turning-point-disappoints-occupational-pensions/10052832.article>.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021.
Recieved by the editorial board 05.10.2021.



УДК 342.5

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. А. БАЛАШЕНКО¹⁾, Д. М. СТЕПАНЕНКО²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусско-Российский университет, пр. Мира, 43, 212000, г. Могилев, Беларусь

Исследуются механизмы законодательной поддержки процессов создания и внедрения инноваций в национальную экономику Республики Беларусь. Изучено текущее состояние инновационной активности в белорусской экономике. Сформулированы и обоснованы предложения по совершенствованию Конституции Республики Беларусь в контексте ее инновационного развития. Доказана целесообразность закрепления на законодательном уровне ряда принципов формирования и реализации государственной инновационной политики. Предложены и обоснованы меры по совершенствованию венчурного финансирования инновационных проектов в Республике Беларусь.

Ключевые слова: инновация; инновационная деятельность; государство; конституция; принцип; венчурное финансирование; венчурный фонд.

LEGAL SUPPORT OF THE INNOVATION DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

S. A. BALASHENKO^a, D. M. STEPANENKO^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bBelarusian-Russian University, 43 Mira Avenue, Mahilioŭ 212000, Belarus

Corresponding author: D. M. Stepanenko (erstesieger@mail.ru)

The article is devoted to the research of mechanisms of the legislative support of the processes of the creation and introduction of innovations in the Republic of Belarus national economy. The current state of the innovation activity in the Belarusian economy is investigated. The offers for improving the Constitution of the Republic of Belarus in the context of its innovation development are formulated and substantiated. The expediency of consolidating at the legislative level the set of principles for the formation and realisation of the state innovation policy is proved. Measures for improving the venture capital financing of the innovation projects in the Republic of Belarus are proposed and substantiated.

Keywords: innovation; innovation activity; state; constitution; principle; venture capital financing; venture fund.

Современные достижения в информационной сфере создают предпосылки для возникновения совершенно нового типа общества, которое харак-

теризуется также созданием интеграционных образований, глобализацией и изменением структуры национальной и мировой экономики, сглаживанием

Образец цитирования:

Балашенко СА, Степаненко ДМ. Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:60–70.

For citation:

Balashenko SA, Stepanenko DM. Legal support of the innovation development of the economy of the Republic of Belarus. Journal of the Belarusian State University. Law. 2021;3:60–70. Russian.

Авторы:

Сергей Александрович Балашенко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.
Дмитрий Михайлович Степаненко – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры маркетинга и менеджмента.

Authors:

Siarhei A. Balashenko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
balashenko@bsu.by
Dmitriy M. Stepanenko, PhD (economics), docent; associate professor at the department of marketing and management.
erstesieger@mail.ru





или даже в некоторой степени ликвидацией государственных и административно-территориальных границ, динамикой развития внутренних и внешних связей. Развитие информационных и телекоммуникационных технологий создает реальные условия для быстрого экономического роста отдельных стран, использующих современные возможности, их эффективного включения в мировые интеграционные процессы [1].

Особое значение для инновационной функции государства приобретает реализация принципов правового моделирования. Данное понятие наполнено принципиально новым содержанием.

Правовое моделирование рассматривается как системная оценка действующих правовых моделей наиболее интенсивно развивающихся государств (прототипа), которые обеспечивают эффективное функционирование и развитие экономических и экологических отношений государства в целом, а также разработку и обоснование практического внедрения оптимальных, апробированных на практике правовых моделей государств, выбранных в качестве прототипа, для использования определенных сегментов государственного устройства в другой стране с учетом ее специфики и особенностей.

Например, для Беларуси особый практический интерес представляют модели (прототипы) правового регулирования финансово-экономических, экологических систем стран, которые не обладают большими природными ресурсами, незначительно отличаются по численности населения, но при этом имеют наиболее высокие показатели по уровню экономического развития и качеству окружающей среды.

Научно-технический прогресс, инновации и инновационная деятельность являются в современных условиях ключевыми предпосылками для развития экономики и иных сфер жизнедеятельности общества. От внедрения инноваций выигрывает государство, получающее в долгосрочном периоде дополнительные налоговые поступления, укрепляющее свои позиции на мировом рынке. Выигрывают и его граждане за счет достижения более высокого уровня благосостояния, существенного увеличения степени удовлетворения их потребностей в разнообразных благах и услугах как следствия прогрессивного развития национальной экономики.

В связи с этим высокую степень актуальности и значимости имеет исследование роли государства как организации, осуществляющей управление обществом, координацию и упорядочение существующих в нем связей и отношений, в деле поддержки и стимулирования инновационных процессов в стране. Выявление особенностей государственно-правового воздействия на состояние инновационной активности в Республике Беларусь является важной предпосылкой для установления и обоснования того, что необходимо делать законодательно, чтобы стимулировать указанную активность, форсировать модернизационные процессы в белорусском обществе.

Национальная статистическая отчетность Республики Беларусь об инновационной деятельности существует с 2002 г. и отражает информацию об инновационных процессах на предприятиях промышленности, связи и в сфере информационных технологий. Отчетность о состоянии инновационных процессов в иных отраслях национальной экономики и сферах жизнедеятельности белорусского общества в республике до настоящего времени отсутствует.

Данные национальной статистической отчетности свидетельствуют о том, что на протяжении 2002–2020 гг. количество инновационно активных предприятий в национальной экономике Беларуси не превышало 25 %¹.

Следует признать, что это достаточно невысокий показатель по сравнению с ведущими в научно-технологическом отношении государствами современного мира. Например, в Германии доля инновационно активных организаций в экономике составляет более 60 % [2; 3].

В табл. 1 представлена обобщенная информация о динамике изменений количества инновационно активных предприятий в промышленности, связи и сфере информационных технологий Республики Беларусь в 2012–2020 гг., а в табл. 2 – о соответствующей динамике применительно к отечественному промышленному комплексу².

Анализ соответствующих статистических данных позволяет утверждать, что в белорусской экономике в 2012–2016 гг. наблюдалась тенденция к снижению количества субъектов хозяйствования, внедряющих инновации в процессе своей деятельности³.

¹О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. 108 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. 133 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 116 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. 115 с.

²Рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

³О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году... 108 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году... 115 с.



В 2017–2020 гг., напротив, имела место тенденция к увеличению количества инновационно активных отечественных субъектов хозяйствования. В частности, в 2020 г. инновационную деятельность осуществляли 528 белорусских предприятий, что на 29 % больше, чем в 2016 г.⁴

На протяжении первой половины минувшего десятилетия негативная тенденция к уменьшению количества инновационно активных предприятий

наблюдалась и в промышленном комплексе Республики Беларусь. В частности, по итогам 2011–2015 гг. имело место снижение количества инновационно активных субъектов хозяйствования отечественной промышленности на 22,8 %⁵.

В 2016–2020 гг. в промышленности республики наблюдался рост (на 26,3 %) числа инновационно активных предприятий, результатом которого стало увеличение их количества с 342 до 432⁶.

Таблица 1

Динамика изменения количества инновационно активных предприятий в промышленности, связи и сфере информационных технологий в 2012–2020 гг.

Table 1

Dynamics of changes in the number of the innovation active enterprises in the industry, communications and the field of information technology in 2012–2020

Показатель инновационной активности	Год								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество инновационно активных предприятий	527,0	514,0	461,0	415,0	409,0	416,0	466,0	501,0	528,0
Удельный вес в общем количестве предприятий, %	24,8	24,3	22,3	21,0	21,1	21,6	22,0	21,1	20,6
Темп изменения по отношению к предыдущему году, %	–	97,5	89,7	90,0	98,6	101,7	112,0	107,5	105,4

Таблица 2

Динамика изменения количества инновационно активных предприятий в промышленности в 2012–2020 гг.

Table 2

Dynamics of changes in the number of the innovation active enterprises in industry in 2012–2020

Показатель инновационной активности	Год								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество инновационно активных предприятий	437,0	411,0	383,0	342,0	345,0	347,0	380,0	405,0	432,0
Удельный вес в общем количестве предприятий, %	22,8	21,7	20,9	19,6	20,4	21,0	23,3	24,5	26,2
Темп изменения по отношению к предыдущему году, %	–	94,1	93,2	89,3	100,9	100,6	109,5	106,6	106,7

На протяжении последних нескольких лет в Беларуси наблюдается тенденция к снижению доли инновационно активных организаций в общем количестве

отечественных субъектов хозяйствования. В частности, если в 2012 г. доля инновационно активных предприятий в общем количестве организаций промышлен-

⁴О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году ... 133 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году... 116 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

⁵О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году ... 108 с. ;

⁶О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году ... 133 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году ... 116 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.



ности, связи и сферы информационных технологий составляла 24,8 %, то в 2020 г. – уже только 20,6 %⁷.

В табл. 3 представлена динамика изменения в 2012–2020 гг. количества предприятий промышленности Беларуси, осуществлявших в ходе своей деятельности продуктовые инновации, а в табл. 4 – соответствующая динамика применительно к промышленным организациям республики, осуществлявшим процессные инновации⁸.

Анализ статистических данных о количестве предприятий промышленности Беларуси, осуществлявших продуктовые инновации, свидетельствует о том, что в 2012–2015 гг. в республике имела место тенденция к снижению числа указанных организаций на 26 %⁹.

В 2020 г. количество соответствующих промышленных предприятий увеличилось на 32,3 % по сравнению с 2015 г., что, однако, на 2 % меньше, чем их было в 2012 г.¹⁰

Тенденция к снижению количества субъектов хозяйствования, осуществлявших в ходе своей деятельности процессные инновации, наблюдалась в промышленности Республики Беларусь на протяжении 2010–2017 гг. Если в 2010 г. число предприятий промышленности Беларуси, внедрявших процессные инновации, составляло 228, в 2011 г. – 136, в 2012 г. – 108, то в 2017 г. их было только 79. Таким образом, по итогам периода 2010–2017 гг. количество указанных промышленных организаций сократилось в 2,9 раза¹¹.

Таблица 3

Динамика изменения в 2012–2020 гг. количества предприятий промышленности, осуществлявших продуктовые инновации

Table 3

Dynamics of changes in 2012–2020 of the number of industrial enterprises implementing product innovations

Показатель инновационной активности	Год								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество предприятий, осуществлявших продуктовые инновации	393	337	318	291	302	320	338	360	385
Удельный вес в общем количестве предприятий, %	20,5	17,8	17,3	16,7	17,9	19,4	20,7	21,8	23,4
Темп изменения по отношению к предыдущему году, %	–	85,8	94,4	91,5	103,8	106,0	105,6	106,5	106,9

Таблица 4

Динамика изменения в 2012–2020 гг. количества предприятий промышленности, осуществлявших процессные инновации

Table 4

Dynamics of changes in 2012–2020 of the number of industrial enterprises implementing process innovations

Показатель инновационной активности	Год								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество предприятий, осуществлявших процессные инновации	108	139	121	103	97	79	97	109	106
Удельный вес в общем количестве предприятий, %	5,6	7,3	6,6	5,9	5,8	4,8	6,0	6,6	6,4
Темп изменения по отношению к предыдущему году, %	–	128,7	87,1	85,1	94,2	81,4	122,8	112,4	97,2

⁷О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

⁸Рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

⁹О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году... 108 с.

¹⁰О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году... 108 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

¹¹О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2012 году... 156 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году... 133 с.



В 2020 г. количество предприятий отечественной промышленности, внедрявших процессные инновации, увеличилось по сравнению с 2017 г. на 34,2 %. В то же время необходимо отметить, что таких организаций в настоящий момент по-прежнему значительно меньше, чем их было в начале минувшего десятилетия¹².

Давая обобщенную оценку масштабам реализации в промышленности республики продуктовых и процессных инноваций, следует признать, что они на данный момент достаточно невысоки. Со-

ответствующий вывод может быть сделан исходя из того, что в 2020 г. доля предприятий, осуществлявших продуктовые инновации, в общем числе субъектов хозяйствования промышленности Беларуси составила лишь 23,4 %, а аналогичный показатель по предприятиям, осуществлявшим процессные инновации, – лишь 6,4 %.

Динамика изменения в 2013–2020 гг. количества промышленных предприятий Беларуси, осуществлявших экологические инновации, представлена в табл. 5¹³.

Таблица 5

Динамика изменения в 2013–2020 гг. количества предприятий промышленности, осуществлявших экологические инновации

Table 5

Dynamics of changes in 2013–2020 of the number of industrial enterprises implementing environmental innovations

Показатель инновационной активности	Год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество предприятий, осуществлявших экологические инновации	279	269	238	243	222	225	228	210
Удельный вес в общем количестве предприятий, %	14,7	14,6	13,7	14,4	13,4	13,8	13,8	12,7
Темп изменения по отношению к предыдущему году, %	–	96,4	88,5	102,1	91,4	101,4	101,3	92,1

Анализ приведенных в табл. 5 данных позволяет утверждать, что экологические инновации в настоящий момент внедряются на немногих предприятиях промышленности республики (менее 15 %). При этом количество промышленных организаций, осуществлявших экологические инновации, по итогам периода 2013–2020 гг. сократилось на 24,7 %¹⁴.

В 2020 г. 95,7 % предприятий промышленности Беларуси, внедрявших экологические инновации, имели результатом соответствующей инновационной деятельности повышение экологической безопасности в процессе производства продукции (работ, услуг); 60,5 % – сокращение материальных затрат на производство единицы продукции (работ, услуг); 55,7 % – сокращение энергозатрат на производство единицы продукции (работ, услуг); 28,1 % –

сокращение выброса в атмосферу диоксида углерода¹⁵.

Главным источником финансирования технологических инноваций в промышленности республики являются на сегодняшний день собственные средства предприятий. В 2015 г. удельный вес собственных средств промышленных организаций Беларуси в общем объеме соответствующего финансирования составил 67,3 % (т. е. более двух третей всего объема финансирования), в 2019 г. – 65,6 %, а в 2020 г. – 60,1 %¹⁶.

Помимо собственных средств предприятий, значимым источником финансирования технологических инноваций в промышленности Республики Беларусь являются средства кредитов и займов. По итогам 2020 г. доля указанного источника финансирования технологических инноваций в общем его объеме составила 19,8 %¹⁷.

¹²О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

¹³Рассчитано на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

¹⁴О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году... 108 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2016 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году... 133 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году... 116 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

¹⁵О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

¹⁶О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году... 108 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году... 115 с. ; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.

¹⁷О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.



Среди экономических факторов, препятствующих инновациям, наибольшее значение для предприятий промышленности Беларуси имеют недостаток собственных денежных средств, высокая стоимость нововведений и высокий экономический риск. Обозначенные факторы в 2020 г. были охарактеризованы как основные соответственно 640, 510 и 406 ответственными промышленными организациями¹⁸.

По результатам анализа инновационной деятельности в Республике Беларусь можно сделать вывод, что масштабы ее осуществления в стране на сегодняшний день следует оценить как относительно небольшие. Вместе с тем, необходимо констатировать наличие в Беларуси значительных резервов для развития за счет обеспечения на ее территории высокого уровня новаторской активности. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость эффективного выполнения современным белорусским государством инновационной функции.

Инновационная функция государства представляет собой значимое направление его деятельности, обусловленное объективно существующими потребностями общественной жизни, выражающее в концентрированном виде сущность и социальное назначение государства в обществе, имеющее соответствующую законодательную регламентацию и предполагающее целенаправленное воздействие со стороны государства на общественную жизнь в целях качественного совершенствования ее различных сторон за счет разнообразной поддержки создания и внедрения инноваций в стране, стимулирования физических и юридических лиц для осуществления инновационной деятельности [4].

В рамках реализации инновационной функции государства необходимо принимать во внимание, что все нормы национального законодательства так или иначе «вырастают» из норм национального конституционного права, являются их логическим продолжением. В связи с этим важнейшей предпосылкой формирования и развития в Беларуси специального законодательства об инновационной деятельности призвано стать наполнение действующей Конституции Республики Беларусь нормами, фокусирующими непосредственное внимание законодателя и общества на необходимости инновационного развития.

Прежде всего следует вести речь о фиксации на конституционном уровне инновационной деятельности в качестве основы развития страны, о провозглашении Республики Беларусь инновационно ориентированным государством, политика которого направлена на создание условий для инновационной деятельности во всех ее проявлениях, на целенаправленное стимулирование указанной деятельности за счет комплекса соответствующих

мер. В частности, в ст. 1 Конституции Республики Беларусь следует зафиксировать, что Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое инновационно ориентированное государство, а создание и внедрение инноваций, инновационная деятельность в ее всевозможных проявлениях являются основой существования и развития страны. В ст. 2 Конституции Республики Беларусь представляется целесообразным установить следующие нормы:

- высшей ценностью и целью общества и государства является не только человек, его права, свободы и гарантии их реализации, но и творческая, а также инновационная активность личности;
- государство ответственно перед гражданином за создание условий для реализации его творческого и инновационного потенциала;
- государство гарантирует создание условий для осуществления гражданином инновационной деятельности во всевозможных ее проявлениях [5].

Важность конституционного закрепления новаторской деятельности в качестве долгосрочной основы развития Республики Беларусь обуславливается необходимостью задать всему государственному аппарату четкую установку на осуществление содействия внедрению инноваций как стратегического направления всей государственной политики применительно ко всем без исключения сферам и областям деятельности.

Более того, фиксация инновационной деятельности в качестве главного ориентира политики современного белорусского государства является предпосылкой и важным условием стимулирования новаторской активности как в деятельности отдельных органов государственной власти и управления, так и в работе всего государственного аппарата в целом. Тем самым будут стимулироваться креативность государственных служащих, поиск сотрудниками государственного аппарата новых, более эффективных путей решения стоящих перед ними задач, прогрессивные нововведения как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменительной практики.

Необходимо учитывать, что инновационная деятельность не сводится к разработке и внедрению исключительно новшеств глобального характера. Напротив, во многих случаях конкретными проявлениями указанной деятельности являются небольшие усовершенствования и рационализаторские предложения, значимость которых не следует умалять. Все они представляют собой проявления творческой активности людей, которую необходимо всячески поощрять.

В связи с этим ст. 41 Конституции Республики Беларусь представляется целесообразным дополнить нормой о том, что в государстве поощряются

¹⁸О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году... 115 с.



изобретательство и рационализаторство. При этом следует установить, что лицу, работающему по трудовому договору, занимающемуся изобретательством и (или) рационализаторством, гарантируется дополнительный оплачиваемый ежегодный отпуск [5].

В рамках выполнения инновационной функции государства в Республике Беларусь в последние годы был принят ряд специальных нормативных правовых актов, ориентированных на стимулирование инновационной деятельности в стране. Основным из них является Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»), установивший норму о том, что государственная инновационная политика Беларуси формируется и осуществляется исходя из следующих основных принципов:

- свободы научного и технического творчества;
- защиты интеллектуальной собственности;
- направленности инновационной деятельности на достижение приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь;
- обеспечения эффективного взаимодействия компонентов национальной инновационной системы;
- оптимального сочетания форм и методов государственного регулирования с использованием рыночных механизмов развития инновационной деятельности;
- стимулирования инновационной деятельности;
- экономической эффективности и результативности государственной поддержки субъектов инновационной деятельности, субъектов инновационной инфраструктуры;
- выделения бюджетных средств на конкурсной основе для реализации инновационных проектов.

Вместе с тем представляется, что приведенный выше перечень принципов, на которых должны основываться формирование и реализация государственной инновационной политики в Республике Беларусь, является далеко не исчерпывающим. Помимо перечисленных, к числу основных принципов формирования и реализации государственной инновационной политики, которые следует закрепить в национальной законодательной базе Беларуси, необходимо отнести следующие:

- принцип системности;
- принцип целенаправленности;
- принцип подчиненности праву;
- принцип непрерывности;
- принцип научности;
- принцип гибкости;
- принцип ведущей роли государства в финансировании фундаментальных исследований;
- принцип инновационной активности государственного аппарата [4].

Принцип системности в реализации государственной инновационной политики обусловлен системным характером указанной политики, которая охватывает собой совокупность прямых и косвенных методов ее реализации. Взаимодействуя между собой, элементы инновационной политики государства предстают в своей совокупности как составляющие целостной системы. В процессе проведения исследования государственной инновационной политики учитывать принцип системности ее реализации посредством установления в соответствующей сфере страны роли каждого из мероприятий и синергии их совместного проведения.

Принцип целенаправленности в реализации инновационной политики государства органично взаимосвязан с принципом системности, поскольку все элементы государственной инновационной политики как системы ориентированы на достижение единой целевой установки. Она характеризуется определенной двойственностью и охватывает собой, с одной стороны, обеспечение стимулирования новаторской деятельности в стране во всех ее возможных проявлениях, а, с другой – создание условий для прогрессивного технологического развития народного хозяйства страны и иных сфер жизнедеятельности общества. Последнее означает содействие со стороны государства приоритетному развитию тех отраслей, производств, областей и сфер деятельности, которые относятся к прогрессивным на данный момент времени (в современных условиях – к пятому и шестому) технологическим укладам.

Принцип подчиненности государственной инновационной политики действующему в стране праву обусловлен тем, что каждый элемент инновационной политики государства, как и вся данная система в целом, объективным образом опосредуется правом как общественным институтом. Государственная инновационная политика проявляется через конкретные действия государственных органов, направленные на содействие инновационному развитию общества посредством использования правовых средств.

Принцип подчиненности праву реализуемой в стране государственной инновационной политики в существенной степени обусловлен необходимостью установить верховенство закона как одного из важнейших юридических условий, обеспечивающих эффективность законодательного регулирования развития общества. При этом, как справедливо отмечает С. Г. Дробязко, верховенство закона вытекает из самой его природы, его высшей юридической силы, которая определяется особой важностью регулируемых законом общественных отношений, диктуется необходимостью юридического обеспечения единства всего правового регулирования, которого требует экономический строй общества, потребностью гармоничного упорядочения жизни и деятельности людей [6].



Принцип непрерывности в реализации государственной инновационной политики означает постоянство, недискретность воздействия со стороны государства на жизнедеятельность общества в целях стимулирования создания и внедрения в жизнь прогрессивных нововведений на территории страны. В определенные периоды времени инновационная политика государства может иметь особенности, однако общая, присущая ей целевая установка всегда остается неизменной. Это позволяет вести речь о тесной взаимосвязи принципов непрерывности и целенаправленности в процессе реализации инновационной политики государства.

Принцип научности исходит из необходимости научного обоснования как инновационной политики в целом, реализуемой в стране, так и каждого из отдельных мероприятий, предпринимаемых государством в процессе осуществления указанной политики. Такое обоснование предполагает непрерывное, всестороннее и детальное изучение прошлого опыта реализации отечественной инновационной политики, аналогичного опыта иных государств мира (с учетом специфики условий того или иного государства) и выявление закономерностей развития инновационной деятельности, обусловленных соответствующим воздействием со стороны государства. Знание обозначенных закономерностей является, в свою очередь, ключом к предвидению наиболее вероятных последствий тех или иных мер воздействия на протекающие в обществе процессы, предпринимаемых государством в рамках реализации национальной инновационной политики.

Принцип гибкости проявляется в способности инновационной политики, осуществляемой государством, быстро приспосабливаться к изменениям во внешней и внутренней среде, оперативно реагировать на такие изменения. Быстрота реакции со стороны государственных органов на изменения во внешней и внутренней среде способна быть как фактором наиболее полной реализации возможностей для инновационного развития общества, возникших под воздействием отмеченных изменений, так и фактором сведения к минимуму соответствующих опасностей и угроз.

Принцип ведущей роли государства в финансировании фундаментальных исследований обусловлен необходимостью нивелировать соответствующий провал рынка, выражающийся в недостаточном финансировании обозначенных исследований со стороны рыночных субъектов. Реализация отмеченного принципа должна обеспечиваться путем ежегодного закрепления объема ассигнований на финансирование фундаментальных исследований в государственном бюджете страны на очередной финансовый год, финансирования государством национальных программ фундаментальных иссле-

дований в приоритетных областях знаний. В то же время принцип ведущей роли современного белорусского государства в финансировании фундаментальных исследований не подразумевает запрет такого финансирования субъектами хозяйствования, работающими на территории республики. Напротив, участие в нем белорусских предприятий следует всячески приветствовать и поощрять, в том числе посредством закрепления в национальном законодательстве соответствующих стимулирующих мер. Таким образом, можно говорить о диалектическом единстве ведущей роли государства в финансировании фундаментальных исследований, с одной стороны, и стимулировании государством субъектов хозяйствования инвестиций в указанный тип исследований – с другой.

Суть *принципа инновационной активности государственного аппарата* заключается в том, что органы государства, принимающие участие в осуществлении инновационной политики, стимулируя новаторскую активность в различных сферах жизнедеятельности общества, должны вместе с тем сами постоянно внедрять в процессе своей деятельности инновации в сфере государственного управления. Другими словами, государство, реализующее инновационную политику и представленное на практике совокупностью органов государственной власти и управления, само должно быть инновационно активным. Собственной инновационной активностью государственные органы способны вносить значимый вклад в создание в обществе духовной атмосферы, в наибольшей степени благоприятствующей созданию и внедрению прогрессивных нововведений. Исходя из этого, можно утверждать, что, руководствуясь в процессе осуществления инновационной политики принципом инновационной активности государственного аппарата, страна посредством обеспечения внедрения инноваций в сфере государственного управления принимает участие в формировании благоприятной инновационной культуры как элемента указанной политики.

Ст. 32 Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» устанавливает, что финансирование венчурных проектов в Беларуси осуществляется следующими способами:

- 1) путем покупки акций (долей в уставных фондах) субъектов инновационной деятельности, созданных в форме хозяйственных обществ;
- 2) путем предоставления субъектам инновационной деятельности целевых займов на реализацию венчурных проектов.

Вместе с тем важным вопросом в современной Беларуси является совершенствование существующей правовой базы, регламентирующей порядок осуществления венчурной деятельности, стимулирующей потенциальных инвесторов к участию



в указанной деятельности. В связи с этим представляется целесообразным дополнить гл. 7 Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» следующими положениями:

- концептуальные основы, принципы, основополагающие характеристики национальной модели венчурного финансирования, место и роль в ней современного белорусского государства;
- формы непосредственного государственного участия в механизме венчурного финансирования;
- основные критерии инновационных проектов, при наличии которых возможно финансирование соответствующих проектов полностью из государственных и государственно-частных венчурных фондов;
- порядок проведения экспертизы инновационных проектов, финансирование которых предполагается осуществлять полностью из средств государственных и государственно-частных венчурных фондов;
- создание государственных гарантийных фондов, которые позволят уменьшить риск финансирования венчурными фондами инновационных проектов и тем самым простимулируют их движение от более поздних этапов инвестирования к начальным;
- меры государственной поддержки потенциальных венчурных инвесторов, в том числе иностранных (предоставление государственных гарантий, налоговых льгот);
- меры государственной поддержки венчурных организаций, реализующих инновационные проекты, профинансированные венчурными фондами (прежде всего, соответствующие налоговые льготы) [4].

На законодательном уровне следует установить, что в Республике Беларусь непосредственное государственное участие в механизме венчурного финансирования может проявляться в следующих формах:

- создании венчурных фондов, капитал которых полностью принадлежит государству;
- участии в создании и деятельности государственно-частных венчурных фондов, в которых присутствуют как государственный, так и частный капитал, а государству принадлежит контрольный пакет акций таких фондов (организационно-правовой формой соответствующих венчурных фондов является акционерное общество);
- участии в создании и деятельности государственно-частных венчурных фондов, в которых также присутствуют как государственный, так и частный капитал, однако государство не обладает контрольным пакетом акций и выступает в роли миноритарного акционера (организационно-правовой формой соответствующих венчурных фондов является акционерное общество).

В качестве основных критериев инновационных проектов, при соблюдении которых возможно их финансирование полностью из государственных и государственно-частных венчурных фондов, в гл. 7 Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» необходимо установить следующие критерии:

- возможность завоевания новых (в том числе зарубежных) рынков в случае успешной реализации инновационного проекта;
- возможность налаживания выпуска в стране продукции, не имеющей аналогов в мире, в результате успешного осуществления инновационного проекта;
- возможность создания на территории Беларуси в результате реализации инновационного проекта производственных подразделений зарубежных транснациональных корпораций, фокусирующих большую часть своей активности в высокотехнологичных отраслях;
- возможность использования в ходе реализации инновационного проекта технологических процессов, обладающих высокой степенью новизны в мировом масштабе;
- возможность внедрения в ходе реализации инновационного проекта прогрессивных нововведений организационного и управленческого характера.

Законодательное закрепление вышеуказанных положений позволит повысить эффективность использования государственных финансовых ресурсов, предназначенных для венчурного финансирования инновационных проектов, реализуемых в Беларуси.

В рамках формирования в Республике Беларусь полноценной системы венчурного финансирования целесообразно ориентироваться на создание в Беларуси сети венчурных фондов для поддержки инновационно активных предприятий и инновационных проектов, имеющей следующую структуру: Белорусский инновационный фонд – головное звено сети, региональные фонды в областях и Минске, создаваемые по решению органов исполнительной власти регионов страны, отраслевые фонды, создаваемые в соответствии с решениями республиканских министерств, ведомств, концернов, специализированные фонды для поддержки инновационного бизнеса по отдельным программам (например, «Биотехнологии», «Информационные технологии», «Нанотехнологии»), международные (двусторонние или многосторонние) фонды, способствующие вовлечению малого и среднего инновационного бизнеса в инвестиционное сотрудничество и обеспечивающие поддержку совместных венчурных проектов, иные венчурные фонды [4].

Совокупная реализация предложенных мер по совершенствованию отечественного законодательства об инновационной деятельности призвана



сделать более эффективной реализацию инновационной функции государства и в итоге повысить уровень и масштабы инновационной активности в национальной экономике Республики Беларусь.

Нами выявлено, что наиболее серьезные результаты в данной области у стран, имеющих в правовом регулировании финансово-экономических отношений схожие элементы и отошедших от принятых стереотипов, связанных с построением и функционированием финансово-экономических систем. Кроме того, экономически развитые страны более эффективно разрешают экологические

проблемы и обеспечивают экологическую безопасность.

В современных условиях выигрывают государства, способные создать механизмы, обеспечивающие с учетом новых реалий максимально комфортные условия функционирования бизнеса, мобилизующие и использующие потенциал не только своей страны, но и мирового капитала, предоставляя взамен благоприятные условия для развития, гарантии невмешательства в хозяйственно-финансовую деятельность, уважение деловой активности, защиту интересов инвесторов и предпринимателей [7; 8].

Библиографические ссылки

1. Балашенко С.А. Правовое моделирование как метод правотворческой деятельности. *Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2015;3:94–97.
2. Каменских М.А. Инновационная активность стран Евросоюза. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016; 11:122–133.
3. Платонова Е.Д., Филькевич И.А. Инновационная экономика: европейские измерители. *Идеи и новации*. 2019; 7(1):13–26.
4. Степаненко Д.М. *Инновационная функция государства: методология исследования и практика реализации (на материалах Республики Беларусь)*. Смоленск: Маджента; 2019. 620 с.
5. Степаненко Д.М. *Инновационная функция права: методология исследования и роль в современном Белорусском государстве*. Минск: Право и экономика; 2019. 240 с.
6. Дробязко С.Г. *Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма*. Минск: Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина; 1971. 140 с.
7. Балашенко С.А. Правовое моделирование в системе обеспечения инновационного развития государств. В: Стрельченко С.Г., редактор. *Научный потенциал Беларуси и России в области фундаментальных и прикладных исследований как важная составляющая инновационного развития Союзного государства. Материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства; 4–5 апреля 2013 г.; Новосибирск, Россия*. Москва: Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России; 2013. с. 92–96.
8. Балашенко С.А. Инновационные подходы в создании эффективного механизма правового регулирования. В: Сивец С.М., Бакиновская О.А., Ладутько В.К., Михалева Т.Н., Шаблинская Д.В., редакторы. *Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. И. Семенкова; 11 декабря 2015 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт радиологии; 2015. с. 7–10.

References

1. Balashenko S.A. Legal modelling as a method of law-making activity. *Vesnik BDU. Seryja 3: Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2015;3:94–97. Russian.
2. Kamenskikh M.A. The innovation activity of the EU countries. *Russian foreign economic journal*. 2016;11:122–133. Russian.
3. Platonova E.D., Filkevich I.A. Innovative economy: European indicators. *Ideas and Novations*. 2019;7(1):13–26. Russian.
4. Stepanenko D.M. *Innovatsionnaya funktsiya gosudarstva: metodologiya issledovaniya i praktika realizatsii (na materialakh Respubliki Belarus')* [The innovation function of the state: research methodology and realisation practice (based on the materials of the Republic of Belarus)]. Smolensk: Madzhenta; 2019. 620 p. Russian.
5. Stepanenko D.M. *Innovatsionnaya funktsiya prava: metodologiya issledovaniya i rol' v sovremennom Belorusskom gosudarstve* [The innovation function of law: research methodology and role in the modern Belarusian state]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2019. 240 p. Russian.
6. Drobzyazko S.G. *Rol' zakonodatel'stva v sozdanii material'no-tekhnicheskoi bazy kommunizma* [The role of the legislation in creating the material and technical base of the communism]. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet imeni V. I. Lenina; 1971. 140 p. Russian.
7. Balashenko S.A. [Legal modelling in the system of ensuring the innovative development of states]. In: Strel'chenko S.G., editor. *Nauchnyi potentsial Belarusi i Rossii v oblasti fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy kak vazhnaya sostavlyayushchaya innovatsionnogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva. Materialy postoyanno deistvuyushchego seminar pri Parlamentskom Sobranii Soyuza Belarusi i Rossii po voprosam stroitel'stva Soyuznogo gosudarstva; 4–5 aprelya 2013 g.; Novosibirsk, Rossiya* [Scientific potential of Belarus and Russia in the field of fundamental and applied research as an important component of the innovative development of the Union State. Materials of the permanent seminar at the Parliamentary Assembly of the Union



of Belarus and Russia on the construction of the Union State; 2013 April 4–5; Novosibirsk, Russia]. Moscow: Secretariat of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia, 2013. p. 92–96. Russian.

8. Balashenko SA. [Innovative approaches in creating an effective mechanism of legal regulation] In: Sivets SM, Baki-novskaya OA, Ladut'ko VK, Mikhaleva TN, Shablinskaya DV, editors. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi yuri-dicheskoi nauki: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora V. I. Semenkova; 11 dekabrya 2015 g.; Minsk, Belarus* [Theoretical and applied aspects of modern legal science: collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of professor V. I. Semenov; 2015 December 11; Minsk, Belarus]. Minsk: Institute of Radiology; 2015. p. 7–10. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.10.2021.

Received by the editorial board 05.10.2021.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

И. П. КОЖОКАРЬ¹⁾

¹⁾Институт государства и права Российской академии наук,
ул. Знаменка, 10, 119019, г. Москва, Россия

В статье анализируются вопросы, связанные с классификацией гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования. Рассмотрена эволюция системы таких договоров, обоснована классификация как основной методологический прием для формирования научного представления о договорах в сфере лесопользования. Автором определены основания классификации (по целевой направленности, по наличию встречного предоставления, по процедуре заключения и др.) и выделены соответствующие виды в рамках каждого из рассмотренных оснований.

Ключевые слова: договор лесопользования; классификация; договоры; системы гражданско-правовых договоров; лесные ресурсы.

Образец цитирования:

Кожокарь ИП. Классификация гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2021;3: 71–76.

For citation:

Kozhokar IP. Classification of civil law contracts in the field of forest management. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2021;3:71–76. Russian.

Автор:

Игорь Петрович Кожокарь – доктор юридических наук, доцент; ведущий научный сотрудник, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права.

Author:

Igor P. Kozhokar, doctor of science (law), docent; leading researcher, head of the department of philosophy of law, history and theory of state and law.
89272234877@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5186-5413>



CLASSIFICATION OF CIVIL LAW CONTRACTS IN THE FIELD OF FOREST MANAGEMENT

I. P. KOZHOKAR^a

^a*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka Street, Moscow 119019, Russia*

The author analyses the issues related to the classification of civil law contracts in the field of forest management. The evolution of the system of such contracts is considered, classification as the main methodological technique for the formation of a scientific understanding of contracts in the field of forest management is justified. The author substantiates the grounds for classification (by target orientation, by the presence of counter-provision, by the conclusion procedure, etc.) and identifies the appropriate types within each of the grounds considered.

Keywords: forest management agreement; classification; contracts; systems of civil law contracts; forest resources.

Введение

В ныне действующей Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года отмечается, что «многообразие форм предоставления лесных участков и правовых оснований для использования лесов призвано обеспечить доступность лесных ресурсов, а также прозрачность процедур проведения лесных торгов в условиях здоровой конкуренции»¹. Так, почти 24 % земель лесного фонда переданы в пользование на основании более чем 94 тыс. договоров. Однако столь активное применение договорных регуляторов в сфере лесопользования является тенденцией последних 15 лет. Как верно заметил Д. В. Хаустов, проникновение договорного режима в сферу лесопользования происходит в условиях российской действительности с большим трудом, что обусловлено исторически сложившейся разрешительной системой в этой сфере [1, с. 14].

Действительно, со времен правления Петра I в сфере лесопользования появился такой документ, как разрешение, рубка лесных насаждений без которого каралась смертной казнью [2, с. 58]. Однако в тот исторический период основные мотивы столь жёсткого подхода к незаконной рубке лесных насаждений лежали исключительно в экономической плоскости: экологические вопросы не имели существенного значения. Однако уже в XIX в. лесопользование стало приобретать эколого ориентированный характер: при осуществлении рубки в защитных лесах законодательство предусматривало возложение на лесопользователя обязанности по возобновлению насаждений [3, с. 193]. Для того чтобы защитить лес от несанкционированных рубок, во второй половине XIX в. появился институт долгосрочной аренды лесных участков, которые предоставлялись в пользование на срок до 48 лет [4].

Советский период развития лесопользования был ознаменован стремительным развитием разрешительного порядка предоставления леса и тотального отказа от договорных регуляторов: участки предоставлялись на праве бессрочного пользования по распорядительным актам [5, с. 191]. Интересно отметить, что, если предполагалось длительное лесопользование, в дополнение к распорядительному акту заключался договор, детализирующий отношения сторон, однако такой документ не имел статуса «юридического факта» [6, с. 210–215].

Постсоветский период развития экологического законодательства демонстрирует крайнюю консервативность в вопросах регулирования отношений по лесопользованию. Так, несмотря на появление права аренды в Основях лесного законодательства Российской Федерации от 6 марта 1993 г. (документ утратил силу) предполагалось, что такое право возникает не в силу соответствующего договора аренды, а в силу административных актов, в качестве которых выступали лицензия, лесорубочный или лесной билет².

Нормы о гражданско-правовой конструкции аренды, опосредующей лесопользование, впервые появились в уже утратившем силу Положении об аренде участков лесного фонда в Российской Федерации³, однако отношения по лесопользованию по-прежнему характеризовались административным влиянием. Так, использование леса происходило на основании сложного юридического состава, включающего в себя лицензию, договор аренды и лесорубочный (или лесной) билет.

В чистом виде договорный порядок лесопользования появился лишь с введением Лесного кодекса Российской Федерации 1997 г. (далее –

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/document/view/0001202102170022> (дата обращения: 17.02.2021).

²Основы лесного законодательства Российской Федерации: утв. ВС РФ 6 марта 1993 г. № 4613-1 // Вед. СНД и ВС РФ. 15 апр. 1993. № 15. Ст. 523.

³Об утверждении Положения об аренде участков лесного фонда в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23 июля 1993 г. № 712 (ред. от 27.12.1994) // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 9 авг. 1993. № 32. Ст. 3012.

ЛК РФ 1997 г.), в ст. 42 которого появилась норма, отражающая такой порядок и демонстрирующая частичный отказ законодателя от административных инструментов в этой сфере. Так, в соответствии с указанной статьей ЛК РФ 1997 г. лесопользование осуществлялось на основании административных актов (лесорубочного билета, ордера или лесного билета), которые, в свою очередь, выдавались после заключения договора. При этом ЛК РФ 1997 г. предусматривал три вида подобных договоров: договор аренды участка лесного фонда, договор безвозмездного пользования участком лесного фонда, договор концессии участка лесного фонда. Таким образом, анализ указанной нормы права позволяет сделать вывод о том, что законодатель лишь «поменял местами» договорные и административные регуляторы, предоставив приоритет первым. Однако при этом разрешительный порядок лесопользования не утратил силы: заключение одного из перечисленных выше гражданско-правовых договоров не порождало самостоятельного права лесопользования, которое возникало лишь в силу соответствующего разрешительного документа.

С принятием ныне действующего Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) система юридических фактов, лежащих в основе лесопользо-

вания, претерпела некоторые изменения. Оценивая положения ЛК РФ, С. Н. Чернов отметил, что этот кодифицированный акт был подвергнут многочисленной критике еще на этапе его разработки и принятия, в связи с этим до сих пор стоит вопрос о разработке нового лесного кодекса [7, с. 66].

В ст. 71 ЛК РФ императивно установлено, что в качестве оснований предоставления лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, выступают три юридических факта: решение уполномоченного органа государственной власти или местного самоуправления при предоставлении лесного участка в постоянное (бессрочное) пользование, договор аренды, договор безвозмездного пользования. Как видим, этот перечень является исчерпывающим и закрытым. Из него явно выпадает еще одна договорная конструкция, имеющая место в сфере лесного хозяйства, – договор купли-продажи лесных насаждений. Однако этот договор не фигурирует в ст. 71 ЛК РФ по понятным причинам: он направлен не на предоставление лесного участка в пользование, а на передачу лесных насаждений в собственность. Таким образом, современный законодатель исходит из признания существования трех главных субъективных прав на лесной участок.

Классификация как основной методологический прием для формирования научного представления о договорах в сфере лесопользования

Б. И. Пугинский в свое время подметил весьма интересную методологическую закономерность: «В ситуациях становления новых областей знания возрастают актуальность и удельный вес собственно методологической работы» [8, с. 22]. Очевидно, что сказанное весьма актуально и для сферы лесопользования, теоретическая модель которой находится в стадии научной разработки.

Несмотря на то что четкое представление о классификации методов научных изысканий в правоведении отсутствует, очевидно, что классифицирование относится к числу общих методологических приемов. Эвристический потенциал любого методологического приема имманентно связан с его способностью выявлять и фиксировать закономерности, свойства и отношения изучаемых объектов. В этом смысле значение классификации для формирования научного представления о договорах в сфере лесопользования заключается прежде всего в его способности выявлять связи договорных инструментов, предопределенные наличием общих родовидовых признаков, а также оснований дифференциации. На способность классификации выявлять родовидовые признаки познаваемых объектов уже обращалось внимание в научной литературе [9, с. 73].

Как справедливо заметил М. И. Брагинский, если природоресурсовый договор базируется на принципе равенства, то его следует квалифицировать в качестве гражданско-правовой сделки [10, с. 19]. Однако,

как отмечает В. К. Быковский, специфика договоров, опосредующих передачу природных ресурсов, требует их особого правового регулирования и, как следствие, теоретического рассмотрения [11, с. 148]. В этом смысле уделение внимания классификации гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования имеет большое практическое и теоретическое значение. Очевидно, что отечественный законодатель не ставит целью осуществление подобной классификации, поэтому поверхностный анализ лесного законодательства не дает нам четкого представления о видах гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования. Также не менее очевидно, что в обозначенной сфере может быть предложено несколько классификаций, отличающихся по основаниям.

Гражданско-правовые договоры в сфере лесопользования могут быть классифицированы по такому основанию, как *направленность* (договоры, направленные на передачу имущества в собственность, и договоры, направленные на передачу имущества в пользование). Указанное основание широко применяется при классификации гражданско-правовых сделок. С учетом того что лес в форме лесных участков находится исключительно в публичной собственности (государственной или муниципальной), говорить о существовании гражданско-правовых договоров, направленных на передачу леса в собственность, некорректно. Однако в данном случае в качестве имущества, передаваемого

в собственность, выступают лесные насаждения (или, как принято говорить в специальной литературе, «лес на корню»). Поэтому к первой группе договоров следует отнести только договор купли-продажи лесных насаждений (далее – ДКП ЛН). Что касается второй группы, в предложенной нами классификации, базирующейся на направленности договора, она представлена двумя оставшимися гражданско-правовыми конструкциями – договором аренды лесного участка (далее – ДА ЛУ) и договором безвозмездного пользования лесным участком (далее – ДБП ЛУ).

По цели лесопользования выделяют договоры предпринимательские и потребительские. Из теории экологического права известно, что природопользование бывает общим и специальным. Помимо прочих различий, общее лесопользование предназначено для личных нужд, а специальное осуществляется с предпринимательской целью. Однако стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство видов использования лесов по своей сути является предпринимательской деятельностью, на чем и акцентирует внимание законодатель при определении соответствующих видов деятельности. К примеру, по общему правилу заготовка древесины – это предпринимательская деятельность, связанная с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины (ч. 1 ст. 29 ЛК РФ). В то же время согласно ч. 1 ст. 30 ЛК РФ граждане вправе заготавливать древесину для целей отопления, возведения строений и иных собственных нужд. Поскольку заготовка древесины с предпринимательской целью опосредуется договором аренды, а с целью удовлетворения личных нужд – ДКП ЛН, можно провести дифференциацию соответствующих договорных конструкций по рассматриваемому основанию.

В большинстве случаев использование леса для собственных нужд не требует заключения гражданско-правового договора, поэтому граждане вправе, руководствуясь нормой ст. 11 ЛК РФ, свободно и бесплатно осуществлять заготовку и сбор дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов.

В то же время отдельные виды использования леса гражданами для собственных нужд могут быть реализованы лишь на основании заключенного договора. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 38 ЛК РФ при использовании лесов гражданами в целях осуществления сельскохозяйственной деятельности (в том числе пчеловодства) для собственных нужд лесные участки предоставляются в безвозмездное пользование. Таким образом, следует резюмировать, что в зависимости от цели заключения соответствующего договора предпринимательскими могут быть ДА ЛУ и ДКП ЛН, а потребительскими – ДКП ЛН и ДБП ЛУ.

В качестве еще одного критерия классификации гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования выступают *виды использования леса*. Неисчерпывающий их перечень представлен в ч. 1 ст. 25 ЛК РФ. Анализ нормативных предписаний, содержащихся в последующих статьях ЛК РФ, наглядно демонстрирует, что законодатель придерживается одного и того же юридико-технического подхода: описывая каждый из перечисленных в ч. 1 ст. 25 ЛК РФ видов использования леса в отдельных статьях ЛК РФ, он акцентирует внимание на тех гражданско-правовых конструкциях, которые могут опосредовать соответствующий вид лесопользования. К примеру, по общему правилу заготовка древесины осуществляется на основании ДА ЛУ (ч. 8 ст. 29 ЛК РФ), однако этот вид использования леса может быть реализован и на основании ДКП ЛН либо для обеспечения государственных или муниципальных нужд, либо для удовлетворения личных нужд граждан (ч. 2–4 ст. 29.1 ЛК РФ, ч. 4 ст. 30 ЛК РФ). А. С. Емельянов по этому поводу отмечает следующее: «Правовая форма заготовки древесины может носить вещный (право постоянного (бессрочного) пользования) либо обязательственный (договоры аренды лесного участка или купли-продажи лесных насаждений) характер» [12, с. 51].

Достаточно обширный перечень видов использования леса опосредуется арендной договорной конструкцией. В их числе заготовка живицы; заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов; заготовка пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений; использование лесов для ведения сельского хозяйства; использование лесов для создания лесных питомников и их эксплуатации, для осуществления научно-исследовательской и образовательной деятельности, для осуществления рекреационной деятельности лицами, не относящимися к государственным (муниципальным) учреждениям; для создания лесных плантаций и их эксплуатации; для осуществления геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых; для переработки древесины и иных лесных ресурсов и др.

Такие виды использования леса, как ведение сельского хозяйства гражданами для собственных нужд; строительство, реконструкция, эксплуатация линейных объектов гражданами и юридическими лицами; осуществление религиозной деятельности религиозными организациями, опосредуются ДБП ЛУ.

Критерием классификации в рассматриваемом вопросе выступает и процедура заключения договора. В рамках данного критерия выделяют договоры, заключаемые по результатам проведения торгов и на основании заявления. Договорные правоотношения в сфере лесопользования отличаются наличием публично-правовых элементов, которые проявляют себя и через порядок заключения соответствующих договоров. Так, в большинстве случаев указанные отношения опосредованы сложным юридическим составом, который включает в себя оформленные

соответствующим образом результаты проведения торгов и гражданско-правовой договор. По общему правилу торги являются неотъемлемой процедурой, предшествующей заключению ДА ЛУ и ДКП ЛН. В то же время для заключения ДБП ЛУ достаточно обратиться в компетентный орган власти с соответствующим заявлением. Однако из этого общего правила есть ряд исключений, когда ДА ЛУ и ДКП ЛН заключаются без проведения торгов.

По *сроку действия* выделяют краткосрочные (до пяти лет) и долгосрочные (свыше пяти лет) договоры. Все договоры в сфере лесопользования ограничены конкретным сроком, который дифференцируется в зависимости от вида договора. Так, самым коротким является ДКП ЛН, поскольку он заключается на срок до одного года. ДБП ЛУ заключается на срок от одного года до пяти лет. И, наконец, самым длительным является ДА ЛУ: его срок должен быть не менее десяти и не более сорока девяти лет.

По *наличию встречного предоставления* договоры могут быть возмездными и безвозмездными. Очевидно, что большинство гражданско-правовых договорных конструкций являются возмездными сделками, что обусловлено широко известным принципом платности природопользования, названным так в Федеральном законе от 10 янва-

ря 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и принципом платности использования лесов в п. 11 ст. 1 ЛК РФ. В специальной литературе этот принцип квалифицируется в качестве основного для лесного законодательства [13]. По мнению О. А. Кузнецовой и Ю. И. Шуплецов, принцип платности использования лесов является гарантом ряда иных важных для лесных отношений моментов: равенства доступа к торгам, соблюдения самой процедуры торгов, баланса публичных и частных интересов, превенции злоупотреблений при предоставлении лесных участков в пользование [14, с. 798].

Основными формами платы за лесопользование выступают арендная плата и плата по ДКП ЛН. Соответственно, возмездными договорными конструкциями выступают ДА ЛУ и ДКП ЛН. К числу безвозмездных гражданско-правовых конструкций в сфере лесопользования относится только ДКП ЛУ.

Анализируя платежи за пользование лесным фондом, В. В. Петрунин замечает, что «вклад лесного сектора в экономику страны совершенно не соответствует ресурсному потенциалу лесов, поскольку запасы российского леса составляют 22 % от мировых ресурсов, а на долю лесной промышленности России приходится всего 3 % ВВП и 2 % налоговых платежей» [15, с. 58].

Заключение

Эволюция системы гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования наглядно демонстрирует весьма медленное внедрение договорного режима в эту сферу: в условиях российской действительности отказ от исторически сложившейся разрешительной системы лесопользования происходит весьма осторожно. Так, дореволюционный период развития экологического законодательства ассоциируется с разрешением, которое выдавалось для рубки лесных насаждений, и появившимся во второй половине XIX в. институтом долгосрочной аренды лесных участков. Для советского этапа развития отечественного законодательства были характерны тотальный отказ от договорных регуляторов в сфере лесопользования и выдача лесных участков на основании распорядительного акта. В постсоветский период динамика системы гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования выглядела следующим образом: 6 марта 1993 г. было регламентировано право аренды, которое, однако, возникало в силу административного акта (лицензии, лесорубочного билета или лесного билета); 23 июля 1993 г. была осуществлена позитивация норм о договоре аренды лесного участка, однако использование леса происходило на основании сложного юридического состава, включающего в себя лицензию, договор аренды и лесорубочный (или лесной) билет; с 1997 г. лесопользование стало осуществляться на основании административных актов (лесорубочного билета, ордера или лесного билета), которые, в свою

очередь, выдавались в силу заключенного договора (договор аренды участка лесного фонда, договор безвозмездного пользования участком лесного фонда, договор концессии участка лесного фонда); с 2006 г., озаглавленного принятием ныне действующего ЛК РФ, система гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования получает окончательную нормативно-правовую регламентацию, вытесняет административные акты и включает в себя три договорные конструкции: ДКП ЛН, ДА ЛУ, ДБП ЛУ.

Методологическое значение классификации для формирования научного представления о договорах в сфере лесопользования заключается прежде всего в его способности выявлять связи договорных инструментов, предопределенные наличием общих родовидовых признаков, а также оснований дифференциации. Гражданско-правовые договоры в сфере лесопользования могут быть классифицированы по следующим основаниям: направленность (договоры, направленные на передачу имущества в собственность, и договоры, направленные на передачу имущества в пользование); цель лесопользования (предпринимательские и потребительские договоры); виды использования леса; процедура заключения (договоры по результатам проведения торгов и на основании заявления); срок (краткосрочные (до пяти лет), долгосрочные (свыше пяти лет) договоры); наличие встречного предоставления (возмездные и безвозмездные договоры) и др.

Библиографические ссылки

1. Хаустов ДВ. Публично-правовые договоры в сфере использования и охраны лесов. *Экологическое право*. 2005;5:14–23.
2. Индова ЕИ, Чистяков ОИ, редакторы. *Российское законодательство X–XX веков: законодательство периода расцвета абсолютизма. Том 5*. Москва: Юридическая литература; 1987. 528 с.
3. Шершеневич ГФ. *Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.)*. Москва: Спарк; 1995. 556 с.
4. Фалеев НИ. *Лесное право*. Москва: Товарищество И. Д. Сытина; 1912. с. 112–113.
5. Аксененко ГА, Краснов НИ, Иконичкая ИА. *Общая теория советского земельного права*. Москва: Наука; 1983. 357 с.
6. Казанцев НД, редактор. *Земельное право*. Москва: Госюриздат; 1958. 311 с.
7. Чернов СН. Особенности развития современного лесного законодательства Российской Федерации. *Юрист*. 2020;4:66–70. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-4-66-70.
8. Пугинский БИ. *Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях*. Москва: Юридическая литература; 1984. 224 с.
9. Белов ВА. *Имущественные комплексы: очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву*. Москва: Центр ЮрИнфоР; 2004. 240 с.
10. Брагинский МИ, Витрянский ВВ. *Договорное право: общие положения*. Москва: Статут; 1997. 847 с.
11. Быковский ВК. *Использование лесов в Российской Федерации: правовое регулирование*. Москва: Волтерс Клувер; 2009. 220 с.
12. Емельянов АС. Заготовка древесины как один из видов лесопользования. В: Ялбулганов АА, редактор. *Использование лесов: договор купли-продажи, аренда, бессрочное пользование*. Москва: Редакция «Российской газеты»; 2017. с. 43–60 (Библиотечка «Российской Газеты»; Выпуск 7).
13. Пуряева АЮ, Пуряев АС. *Лесное право*. Москва: Деловой двор; 2009. 408 с.
14. Кузнецова ОА, Шуплецова ЮИ. Право на заключение договоров аренды лесных участков на новый срок без проведения торгов и основные принципы лесного законодательства. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020;4:787–803. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-787-803.
15. Петрунин ВВ. Платежи за пользование лесным фондом: формулировки Лесного кодекса нуждаются в уточнении. *Налоговая политика и практика*. 2008;4:58–64.

References

1. Khaustov DV. [Public law contracts in the field of use and protection of forests]. *Ekologicheskoe pravo*. 2005;5:14–23. Russian.
2. Indova EI, Chistyakov OI, editors. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: zakonodatel'stvo perioda rastsveta abso-lyutizma. Tom 5* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: legislation of the heyday of absolutism. Volume 5]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1987. 528 p. Russian.
3. Shershenevich GF. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.)* [Russian civil law textbook (published in 1907)]. Moscow: Spark; 1995. 556 p. Russian.
4. Faleev NI. *Lesnoe pravo* [Forest law]. Moscow: Tovarishchestvo I. D. Sytina; 1912. p. 112–113. Russian.
5. Akseenok GA, Krasnov NI, Ikonitskaya IA. *Obshchaya teoriya sovetskogo zemel'nogo prava* [The general theory of So-viet land law]. Moscow: Nauka; 1983. 357 p. Russian.
6. Kazantsev ND, editor. *Zemel'noe pravo* [Land law]. Moscow: Gosyurizdat; 1958. 311 p. Russian.
7. Chernov SN. Peculiarities of the development of modern forest laws of the Russian federation. *Yurist*. 2020;4:66–70. Russian. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-4-66-70.
8. Puginskii BI. *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaistvennykh otnosheniyakh* [Civil law means in economic relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1984. 224 p. Russian.
9. Belov VA. *Imushchestvennye komplekсы: ocherk teorii i opyt dogmaticheskoi konstruksii po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Property complexes: an essay on the theory and experience of dogmatic construction in Russian civil law]. Moscow: YurInfoR Center; 2004. 240 p. Russian.
10. Braginskii MI, Vitryanskii VV. *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya* [Contract law: general provisions]. Moscow: Statut; 1997. 847 p. Russian.
11. Bykovskii VK. *Ispol'zovanie lesov v Rossiiskoi Federatsii: pravovoe regulirovanie* [Use of forests in the Russian Federation: legal regulation]. Moscow: Volters Kluver; 2009. 220 p. Russian.
12. Emel'yanov AS. [Wood harvesting as one of the types of forest management]. In: Yalbulganov AA, editor. *Ispol'zovanie lesov: dogovor kupli-prodazhi, аренда, bessrochnoe pol'zovanie* [Use of forests: contract of sale, lease, indefinite use]. Moscow: Redaktsiya «Rossiiskoi gazety»; 2017. p. 43–60 (Bibliotekha «Rossiiskoi Gazety»; Issue 7). Russian.
13. Puryaeva AYU, Puryaev AS. *Lesnoe pravo* [Forest law]. Moscow: Delovoi dvor; 2009. 408 p. Russian.
14. Kuznetsova OA, Shupletsova YuI. [The right to conclude lease agreements for forest plots for a new term without bidding and the basic principles of forest legislation]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020;4:787–803. Russian. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-787-803.
15. Petrunin VV. Payments for the use of the forest fund: the wording of the Forest Code needs clarification. *Nalogovaya politika i praktika*. 2008;4:58–64. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2021.
Recieved by the editorial board 18.11.2021.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

УДК 341.94

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОНФЛИКТНОГО ПРАВА В США

И. Н. ЧУМАЧЕНКО¹⁾

¹⁾Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия

В процессе формирования конфликтного права как отдельного института Соединенные Штаты Америки прошли долгий путь от идей Сэмюэля Ливермора до возникновения современной системы регулирования, исследованию которой посвящено большое количество публикаций, а также рекомендаций Американского института права. Автор анализирует историю и особенности формирования современной системы конфликтного права США, подробно рассматривает наиболее значимые труды по тематике исследования, а также приводит последние публикации проекта Третьего свода конфликтного права (как определено ниже) Американского института права, а также ссылается на современное законодательство отдельных штатов, в частности штата Калифорния. В заключительной части статьи сделан вывод о самобытности американского конфликтного права, а также о гибкости, ясности и простоте понимания правил разрешения коллизий, которые американские ученые-юристы пытаются придать конфликтному праву в рамках подготовки нового Третьего свода конфликтного права.

Ключевые слова: конфликтное право; США; столкновение правовых систем; международное частное право; коллизия; конфликт юрисдикций; иностранные юрисдикции; общее право.

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Образец цитирования:

Чумаченко И.Н. Развитие системы конфликтного права в США. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021;3:77–85.

For citation:

Chumachenko IN. Development of conflict law in the United States of America. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;3:77–85. Russian.

Автор:

Иван Николаевич Чумаченко – кандидат юридических наук; старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института.

Author:

Ivan Nikolaievich Chumachenko, PhD (law); associate professor at the department of civil law and procedure and international private law, Institute of law.
chumachenko_in@pfur.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6420-960X>



DEVELOPMENT OF CONFLICT LAW IN THE UNITED STATES OF AMERICA

I. N. CHUMACHENKO^a

^aRUDN University, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia

In the process of the formation of conflict law as a separate institution, the United States of America has passed a long way from the ideas of Samuel Livermore to the creation of a modern regulatory system, to which a large number of publications are devoted, as well as the recommendations of American Institute of Law. In this article, the author analyses the history and features of the formation of the modern system of US conflict law. The author elaborates and mentions the most notable works on the research topic, and also cites the latest publications of the draft restatement of the law, Third conflict of laws (as defined below) by the American Institute of Law, and also refers to the modern legislation of individual states, in particular, state of California. The author draws a conclusion about the originality of American conflict law, despite its European roots, as well as the flexibility, clarity and ease of understanding of the rules for resolving conflicts, which American legal scholars are trying to give to conflict law as part of the preparation of new restatement of the law, Third conflict of laws.

Keywords: conflict law; USA; collisions of legal systems; private international law; collisions; conflict of jurisdictions; foreign jurisdictions; common law.

Acknowledgements. This article has been supported by the RUDN University Strategic academic leadership programme.

Введение

Актуальность настоящей статьи обусловлена поступательным развитием трансграничных торгово-экономических отношений между странами, а также возникающими вопросами относительно выбора применимого права для тех или иных частноправовых отношений с иностранным элементом. В качестве объекта исследования автором выбрано конфликтное право США с учетом интересной (самобытной) истории его развития, а также особенностей в формировании и кодификации современной системы разрешения коллизий в США как с правом других государств, так и внутренних коллизий (между штатами и между федеральным законодательством и законодательством отдельных штатов). Конфликтное право США гораздо шире международного частного права, которое сформировалось и развивается в континентальной системе права по следующим причинам. Право США (имеется в виду федеральное законодательство и законодательство отдельных штатов, воспринявших англосаксонскую систему права), также, как и право многих других стран общей системы права, не знает деления на частное и публичное, более того, в большинстве случаев отсутствует и деление права на отрасли. Соответственно, конфликтное право регулирует разрешение коллизий не только в частноправовых, но и в публично-правовых отношениях. К схожему выводу пришел в том числе Ю. Э. Монастырский в рамках своего диссертационного исследования «Господствующие доктрины коллизионного права в США» [1]. В силу исторических особенностей

становления Соединенных Штатов Америки как государства (США изначально формировались как союз независимых штатов) конфликтное право также затрагивает коллизии, возникающие между законодательством отдельных штатов и федеральным законодательством. На это указывали многие американские юристы-исследователи, в частности Ф. А. Габор [2], Э. И. Чатхэм [3] и др. При этом в Соединенных Штатах Америки ведется большая работа, направленная на формирование правовых норм, способствующих преодолению любых коллизий, которые возникают между законодательством штатов США и федеральным законодательством. В частности, в Конституции США заложены несколько правил, которые должны предотвращать возникающие коллизии.

Ст. 4 Конституции США предусматривает, что акты, судебные прецеденты, принятые одним штатом, должны признаваться и иметь юридическую силу на территории другого штата. Штатам разрешается законодательствовать по этим вопросам, но запрещается принимать положения, идущие вразрез с нормами федерального права¹.

Согласно ст. 6 Конституции США выбор федерального законодательства допускается в том случае, когда выбор судом законодательства штата может препятствовать исполнению федеральным правительством своих полномочий в рамках международных отношений. В такой ситуации федеральное законодательство заменяет законодательство штата².

¹US Constitution. Article IV [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articlevi> (date of access: 14.01.2021).

²US Constitution. Article VI [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution/articlevi> (date of access: 24.10.2021).

В 10-ой поправке к Конституции США, принятой в 1791 г., также указано следующее: «Полномочия, не предоставленные настоящей конституцией Соединенным Штатам Америки и пользование которыми не возбранено отдельным штатам, остаются за штатами или народом»³ (здесь и далее перевод наш. – И. Ч.).

Соответственно, компетенция штатов достаточно узкая (остаточная), а федеральная компетенция весьма широкая. У конгресса как у федерального органа государственной власти крайне широкая компетенция, в то время как у законодательных органов штатов компетенция достаточно ограниченная [4, с. 38].

Материалы и методы исследования

В процессе исследования использовались формально-юридический и системный методы. С помощью них были проанализированы работы целого ряда известных американских ученых-юристов, а также исследования, проведенные российскими учеными в последние годы. Автор также проанализировал так называемые модельные нормативно-правовые акты (рекомендации), разработанные Американским институтом права и принятые целым рядом штатов, источники регулирования конфликтного права на уровне отдельных штатов, в частности штата Калифорния, судебные прецеденты, которые рассматривались федеральными судами, в частности Верховным Судом США, по

различным вопросам, касающимся регулирования конфликтного права. В результате в рамках исследования автором были сделаны важные выводы, например, о явном приоритете регулирования федерального законодательства над законодательством штатов в вопросах, касающихся разрешения коллизий с законодательством других государств, а также о самобытности конфликтного права США, его неподверженности влиянию трудов европейских ученых-юристов. Кроме того, приведен ряд практических выводов, касающихся содержания новых изменений в области конфликтного права США, предложенных в рамках Третьего свода конфликтного права.

Результаты и их обсуждение

Зарождение конфликтного права США. Современная правовая система США и, в частности, совокупность правовых норм, которая называется правом конфликтов, или конфликтным правом, характеризуется различными подходами к определению применимого права к различным правоотношениям и разрешению конфликтов юрисдикций. Из-за специфики зарождения и развития правовой системы Соединенных Штатов Америки⁴ на текущий момент в государстве нет единого нормативно-правового акта, который бы регулировал разрешение коллизий между федерацией и отдельными штатами, а также между американским (имеется в виду и федеральное право, и право отдельных штатов) и иностранным правом. Но даже при наличии отдельных (специальных) правовых актов, судебных кейсов, а также доктринальных источников, которые, казалось бы, должны помочь преодолеть коллизии в праве, они будут возникать и в дальнейшем, что будет стимулировать последующее развитие системы конфликтного права в США [4, с. 37].

Само по себе конфликтное право было воспринято США не из английского, а из континентального права. Во время формирования системы американского права, в частности правовых систем отдельных штатов, английское международное частное право в том виде, в котором мы знаем его сейчас, не было развито по сравнению с континентальным правом. Одним из родоначальников американского

конфликтного права принято считать С. Ливермора, юриста-правоведа, специалиста по частному праву из штата Луизиана, который первым опубликовал труд о конфликтах права на американской земле. Указанный труд был нацелен на импорт в США доктрины континентальных законодателей. Несмотря на то что данная попытка оказалась тщетной, С. Ливермор оказал влияние, хоть и опосредованное, на становление и дальнейшее развитие американского конфликтного права [5].

Следующей заметной работой в области конфликтного права стал труд известного американского ученого-юриста, профессора гарвардской юридической школы Дж. Стори. Данный труд можно охарактеризовать как первое систематизированное англоязычное исследование в области конфликтного права, подготовленное американским ученым-правоведом. В рамках данной работы автором были систематизированы труды десятков европейских ученых-юристов из стран континентальной системы права, а также десятки судебных решений, принятых в Англии и Шотландии. Однако основное влияние на его работу оказал У. Убер. Дж. Стори сформулировал аксиомы У. Убера следующим образом:

- каждая нация обладает исключительным суверенитетом и юрисдикцией на своей территории и (благодаря своему законодательству) имеет силу в отношении всего движимого и недвижимого

³Tenth amendment [Electronic resource]. URL: <https://constitution.findlaw.com/amendment10.html> (date of access: 24.10.2021).

⁴В данном случае автор имеет в виду, что США изначально создавались как союз независимых колоний-штатов, при этом сильная федеральная власть появилась не сразу и развивалась по мере становления экономики и государственности.

имущества, своей территории и лиц, являющихся резидентами на ней, и в отношении любых сделок и актов, совершенных на ней;

- какие-либо юридическая сила и обязательства в соответствии с законодательством одной страны в другой зависят исключительно от законодательства, воли или от взаимного согласия обеих стран;
- словосочетание «дружба народов» является наиболее приемлемым для выражения и объяснения обязательного действия законов одной нации на территории другой, для этого должно иметь место явное согласие и фактическое исполнение законодательства одной страны на территории другой [6].

Как указывает С. С. Симеонидес, работы Дж. Стори оказали заметное влияние на развитие теории конфликтного права не только в США, но и в Европе, однако их принято считать некими вдохновляющими принципами, которые в то же время стали благодатной почвой для дальнейшего развития конфликтного права как науки. Более того, данные принципы, по мнению С. С. Симеонидеса, помогли американским судам в ранние годы их развития [7, р. 46–48].

Первым предложил изучение курса конфликтного права в США в 1893 г. Дж. Э. Биль. Им были созданы широко известные принципы американского конфликтного права, однако они не полностью соотносились с идеями, предложенными ранее Дж. Стори. Дж. Э. Билем были систематизированы судебные прецеденты и подготовлен трехтомник, содержащий более 400 американских и английских судебных прецедентов и судебных прецедентов, переведенных на английский язык. Впоследствии данная работа легла в основу научного труда, посвященного конфликтному праву, который, в свою очередь, был выбран Американским институтом права⁵ в качестве одного из четырех направлений для изменений (улучшений). В результате этого на свет появились рекомендации по изменению законодательства в области разрешения конфликтов юрисдикций, Первый свод конфликтного права.

Если рассматривать структурно труды Дж. Э. Били, то в их основе лежат два главных принципа: принцип территориальности (*territoriality principle*), а также принцип законных прав (*vested rights principle*) [8].

Рассматривая принцип территориальности, Дж. Э. Биль утверждал, что иностранец, вступая на территорию другого государства, автоматически не приносит с собой свой личный закон. Он подчиняется законодательству государства наравне с его жителями [8]. Следует обратить внимание на то, что

Дж. Э. Биль особо отмечал эксклюзивность действия права в отношении любых правоотношений, которое должно действовать на территории конкретной юрисдикции. Соответственно, применение иного права в данном случае невозможно. Забегая вперед, хотелось бы подчеркнуть, что указанный принцип и по сей день используется в том числе в законодательстве штатов США. Так, в соответствии с разд. 1646 Гражданского кодекса Калифорнии «контракт должен толковаться в соответствии с законом и обычаями места, где он должен быть исполнен; или, если в нем не указано место исполнения, в соответствии с законом и обычаем места, где он был произведен»⁶.

Вышеуказанный принцип впоследствии послужил основой для формулировок первой секции Первого свода конфликтного права, в рамках которой указывалось на то, что ни одно государство не вправе принимать законодательство, которое может применяться в другом государстве, единственное право, что имеет юридическую силу на территории суверенного государства, – его собственное законодательство, однако в определенных случаях оно может зависеть от действующего законодательства другого государства или государств.

Принцип законных прав был адаптирован Дж. Э. Билем исходя из теории, предложенной ранее английским ученым А. В. Дисеем. Указанный принцип он основывал на контакте или событии, которое является базой для возникновения права. Таким образом, территориальное (или локальное) право является основанием для возникновения права, что само по себе является фактом. Соответственно, акт (действие), возникшее на основании действующего закона, не может быть подвергнуто сомнению где-либо. Указанный принцип также получил отражение в Первом своде конфликтного права⁷.

Первый свод конфликтного права. Следующей вехой в развитии конфликтного права в США принято считать обнародование Первого свода конфликтного права Американским институтом права в 1934 г. Указанный документ является первой попыткой кодифицировать и унифицировать нормы, отражающие подход, который ранее был предложен американскими учеными-юристами и использовался судами. Он основывался прежде всего на вышеуказанном принципе территориальности, а также на вытекающем из него принципе законных прав. Однако указанные рекомендации стали предметом для широкой дискуссии [9, р. 1506–1597].

⁵American Law Institute (ALI) – это независимая некоммерческая организация основанная в 1920-х гг. известными американскими судьями, юристами, преподавателями юридических дисциплин. Его основной целью является разъяснение и упрощение законодательства и его адаптацию к социальным потребностям, обеспечение лучшего отправления правосудия, а также поощрение научных юридических исследований.

⁶2017 California Code Civil Code – CIV. Division 3 – Obligations. Part 2 – Contracts. Title 3 – Interpretation of contracts. Section 1646 [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/codes/california/2017/code-civ/division-3/part-2/title-3/section-1646/> (date of access: 24.10.2021).

⁷В частности, данный принцип нашел отражение в § 384 Первого свода конфликтного права.

По мнению С. С. Симеонидеса, следующие вопросы были наиболее острыми.

1. Первый свод конфликтного права представлял собой детализированные, содержащие юридическую механику, жесткие правила, которые в целом были негибкими, не учитывали предыдущие ошибки, допущенные в погоне за непродуманной теоретической чистотой, полностью исключили судебное усмотрение при рассмотрении вопроса о выборе применимого права.

2. Указанный свод был основан исключительно на двух принципах: территориальности и законных прав. В то же время во внимание не принимался принцип действия личного закона лица (*personal law*) для определенных видов правоотношений. Дж. Э. Биль считал, что принцип территориальности был современным, а принцип личного закона – средневековым.

3. Первый свод конфликтного права, несмотря на свое название, фактически не был направлен на предоставление возможности выбора того или иного права, а лишь уступил «законодательную юрисдикцию» соответствующему государству (штату) [10].

Также хотелось бы отметить, что Первый свод конфликтного права предусматривал всеобъемлющее правило для выбора применимого к договору права (§ 311–347). В соответствии с ним действительность и конструкция договора будут определяться со ссылкой на право места его заключения, где происходит главное событие, необходимое для заключения договора. Вопросы относительно достаточности исполнения регулируются не в соответствии с правом места заключения, а в соответствии с правом места представления договора к исполнению [7, р. 48].

Впоследствии сам Американский институт права признал использование принципа территориальности в качестве главенствующего для выбора применимого права неправильным и указал, что несколько факторов при выборе применимого права являются актуальными. К ним можно отнести не только территориально связующие факторы (место совершения деликта (место причинения вреда) или заключения контракта), а также личные (место жительства стороны). Причем такие факторы не будут равнозначными для каждой коллизии или каждого юридического правила, которые государство (штат) может принять, вместо этого они будут иметь больший или меньший вес в зависимости от

политики, лежащей в основе закона государства (штата) [11].

Второй свод конфликтного права. Исходя из проблем, которые были выявлены в Первом своде конфликтного права, Американским институтом права была начата работа над обновленной редакцией данного документа. Основной целью разработки новой редакции было создание новой системы выбора применимого права, фактическое установление нового порядка разрешения коллизий. Проект Второго свода конфликтного права был завершен в 1971 г., когда его окончательно одобрили тринадцать членов юридического совета по вопросам выбора применимого права Американского института права. Основное изменение в отношении выбора применимого права, предложенное в рамках Второго свода конфликтного права, – тест, который предусматривает применение судами права, имеющего самое близкое отношение к сторонам и проблемам, с учетом ряда общих принципов⁸. Кроме того, Второй свод конфликтного права предусматривает целый ряд конкретных моментов (§ 6, 145(2), 188(2)), которые следует учитывать при применении вышеуказанных принципов. Они подразумевают открытый многофакторный балансирующий подход, предлагающий неисчерпывающий список принципов, что необходимо учитывать при решении любого вопроса о выборе применимого права. Впоследствии Второй свод конфликтного права был одобрен многими штатами США. Более того, как указывает профессор С. С. Симеонидес, такой консенсус среди штатов является феноменом и вряд ли повторится [10].

Американские суды приняли обновленный источник, поскольку он был полным и содержательным. Однако большинство судов сталкиваются с кейсами, касающимися выбора применимого права, редко, поэтому у них нет возможности стимулировать развитие необходимой экспертизы в данной области. Как указывал А. Т. фон Мейрен, судебный опыт в сфере выбора применимого права обычно более эпизодичен, чем в вопросах местного права [12, р. 928]. Другой американский юрист объясняет отсутствие активного вовлечения американских судов в развитие экспертизы в области конфликтного права в связи с их большой загрузкой [13, р. 1365].

Несмотря ни на что, спустя почти 50 лет накопилось достаточно много случаев применения Второго свода конфликтного права и других современных подходов к работе. При этом Второй свод

⁸Суд с учетом конституционных ограничений будет следовать законодательной директиве собственного государства в отношении выбора применимого права. Если такой директивы нет, факторы, имеющие отношение к выбору применимого верховенства права, включают потребности межгосударственных и международных систем, соответствующую политику форума (совместного регулирования), соответствующую политику других заинтересованных государств и относительные интересы этих государств в определении конкретной проблемы, защиту оправданных ожиданий, основную политику, лежащую в основе конкретной области права, достоверность, предсказуемость и единообразие результата, простоту определения и использования права, подлежащего применению.

конфликтного права является наиболее популярными модельными правилами, принятыми достаточно большим количеством штатов США⁹.

Во Втором своде конфликтного права нашел также отражение принцип автономии сторон при выборе применимого права. В частности, ее предоставляет сторонам в выборе применимого права ст. 187(2) при соблюдении двух условий:

- государство выбранного права должно иметь отношение к сторонам сделки, или должна быть другая разумная основа для выбора;
- применение выбранного закона не может противоречить фундаментальной политике *lex causae*, которая в противном случае была бы применима при условии, что состояние *lex causae* имеет материально больший интерес, чем выбранное состояние при определении конкретного положения.

Эта гарантия более широкая, чем публичный порядок (*public order*) [5].

Подобное правило было также отражено в Едином образном торговом кодексе США, принятом в 1952 г.: ст. 1-301(a) предусматривает, что стороны могут выбрать закон, имеющий разумное отношение к сделке. Однако есть целый ряд исключений для определенных видов сделок, в частности Американский институт права в 2001 г. ввел ограничение для применения указанного правила в отношении потребительских договоров, но после того, как штаты отказались принять обновленную версию указанного правила, был вынужден вернуть старую редакцию ст. 1-301(a) [14].

Также Второй свод конфликтного права в ст. 258 предусматривает автономию сторон в отношении совместно нажитого семейного имущества (как минимум в отношении брачных договоров).

Также хотелось бы отметить, что одним из ключевых недостатков Второго свода конфликтного права является то, что указанный документ не регулирует вопросы автономии сторон при выборе применимого права в отношении внедоговорных обязательств.

Традиционная система выбора применимого права. Изначально в США была принята так называемая традиционная система выбора применимого права. Как указывает С. С. Симеонидес, указанная система, несмотря на принятие обновленного свода конфликтного права, применяется в отношении отдельных деликтов, а также контрактов в десятках штатов. В связи с этим неправильно говорить о традиционной системе в прошедшем времени [10].

С середины 1950-х гг. в США получила широкое распространение концепция анализа, или концепция анализа правительственного интереса профес-

сора Б. Карри из Дьюкского университета. Основная задача анализа интереса, с точки зрения профессора Б. Карри, – убедиться, что применяемый закон в большинстве случаев будет служить целям, для которых он создан. Соответственно, суд должен определить политику, направленную на максимальное усиление соответствующего закона. Наконец, суд исследует фактические отношения каждой юрисдикции с судебным разбирательством и определяет, действительно ли применение закона конкретного государства (штата) будет соответствовать целям, определенным как поддержка этого закона [15].

Впоследствии концепция анализа подверглась модификации профессором В. Бакстером, который, предлагая ее изменить, назвал предлагаемое улучшение сравнительным ухудшением. Суть такой модификации заключалась в том, что в случае возникновения коллизии между законодательствами штатов суд должен применять законодательство штата, политика которого может ухудшиться вследствие отмены таких законов [16, р. 42].

При этом профессор В. Бакстер выделял два вида правительственных интереса и целей: внутренние и внешние. Внутренние предусматривают разрешение каждым штатом противоречащих частных интересов в рамках местных (локальных) правоотношений. Внешние воплощают стремление каждого штата сделать эффективным разрешение частных споров для локальных целей в любых ситуациях, куда вовлечены лица, в отношении которых у соответствующего штата есть обязательства, касающиеся юридической власти [16, р. 42].

Как указывает профессор А. В. Асосков, анализ механизма применения теории анализа правительственного интереса Б. Карри и его последователей наглядно демонстрирует серьезные теоретические и практические недостатки, возникающие буквально на каждой стадии применения этой теории. Неслучайно она была подвергнута разрушительной критике как в европейских странах, так и в США. Весьма показательным является то обстоятельство, что теория Б. Карри и его последователей не оказала серьезного влияния на большинство других стран англо-американской правовой семьи, включая Великобританию и Канаду. В чистом виде данная теория не получила широкого распространения и в американской судебной практике [17, с. 85–107].

Доктрина лучшего права. Несмотря на всю критику несовершенных подходов, выдвинутых представителями так называемой традиционной системы выбора применимого права, в США развивались альтернативные традиционной системе подходы к выбору применимого права. Внимания

⁹Второй свод конфликтного права был одобрен следующими штатами для применения к деликтам и контрактам: Аризона, Колорадо, Айдахо, Иллинойс, Айова, Мэн, Массачусетс, Миссисипи, Миссури, Огайо, Небраска, Техас и Вашингтон. Аляска, Флорида и Оклахома одобрили § 145 для использования в отношении деликтов. Делавер, Кентуки и Нью Гэмпшир одобрили Второй свод конфликтного права для применения в отношении контрактов, но не деликтов.

заслуживает доктрина лучшего права, предложенная профессором Университета Арканзаса и Нью-Йоркского университета Р. А. Лефлар. Основная идея профессора Р. А. Лефлара заключалась в том, что в процессе выбора применимого права суды должны ориентироваться на ряд факторов, которые позволят выбрать лучшее право для конкретного правоотношения¹⁰ [18].

Как указывает Дж. И. Вестбрук, основные вопросы, влияющие на выбор применимого права, с точки зрения Р. А. Лефлара, – это попытка показать причины, объясняющие выбор используемого права, а также правила и фактические решения, их реализующие. Он считает, что выбор применимого права будет работать лучше всего, если истинные причины решения выявляются и обсуждаются открыто [19].

Третий свод конфликтного права. На текущий момент Американским институтом права активно разрабатывается и обсуждается Третий свод конфликтного права. Как указывают докладчики, отвечающие за проект документа, при его подготовке авторы преследовали следующие цели.

Во-первых, разработчики проекта рассчитывают создать более удобный, чем Второй свод конфликтного права, документ. Авторы планируют сделать изложение более ясным и прозрачным с точки зрения теоретических рамок. Для этого планируется включить вводный раздел, который будет содержать методологию современного выбора применимого права. Авторы также включают в документ подробные инструкции о том, как использовать Третий свод конфликтного права и в каких случаях, а также при каких обстоятельствах (в том числе непредвиденных) может быть оправданным отступление от вышеуказанного свода.

Во-вторых, авторы рассчитывают сделать выбор применимого права более понятным с точки зре-

ния обычных правовых концепций. Поскольку выбор применимого права часто рассматривается как запретительный эзотерический предмет со своими собственными специализированными концепциями [11].

В проекте Третьего свода конфликтного права предусмотрен ряд важных изменений по сравнению с предыдущей редакцией документа.

По мере развития законодательства в сфере регулирования споров с участием несовершеннолетних в нем стали применяться новые правила. В проекте вышеуказанного свода отражены изменения в прецедентном праве и статутах по таким вопросам, как споры об опеке над детьми, принципы усыновления и правила, касающиеся эмансипации несовершеннолетних.

Незначительные изменения произошли в отношении политических беженцев, военного персонала, заключенных или подследственных и жертв похищений.

Второй свод конфликтного права не содержал положений, касающихся места жительства юридических лиц. В результате этого суды приняли запутанный набор подходов к определению наиболее значимой географической связи для корпорации, товарищества и других юридических лиц. В интересах простоты и ясности в рассматриваемом документе в качестве применимого права юридического лица рекомендуется право его domicilia. Новый раздел «Юридическое лицо» предоставляет несколько вариантов идентификации domicilia юридического лица, но включает также общую презумпцию, вытекающую из прецедентного права, о том, что основное место ведения деятельности юридического лица скорее всего будет предоставлять свое место нахождения для целей решения вопросов выбора применимого права.

Заключение

По итогам проведенного исследования автором был сделан вывод о самобытности конфликтного права США, формировании разностороннего и гибкого подхода в доктринальных и модельных источниках при выборе применимого права, а также существенного влияния судов различных уровней (судов штатов и федеральных судов), которые способствовали постепенному смягчению подходов, связанных с выбором применимого права с точки зрения американского права.

С развитием конфликтного права США меняли подходы к определению применимого права для различных видов правоотношений, а также для вопросов о разрешении коллизий. Вышеуказанные

новеллы, предложенные Американским институтом права, по мнению автора настоящей статьи, позволят значительно обобщить и упростить подходы к определению применимого права и разрешению коллизий с точки зрения американского права, а также сделать их более понятными для использования как юристами-профессионалами, так и простыми участниками гражданских и торговых правоотношений. Однако нельзя забывать, что вышеуказанные своды конфликтного права носят в большей степени модельный характер (не являются императивными нормами) и не подлежат прямому применению на всей территории Соединенных Штатов Америки. Следовательно, даже с учетом

¹⁰ Среди таких факторов можно выделить: предсказуемость результата, содержание внутригосударственного и международного порядка, упрощение судебной задачи, продвижение государственного интереса места рассмотрения дела, применение лучшей нормы права.

того, что в разработке Третьего свода конфликтного права принимают участие представители крупнейших юридических школ США, не стоит ждать скорой имплементации этого документа в законодательстве отдельных штатов. В данном случае этот процесс зависит от восприятия нового документа законодателями штатов США. При этом факт

работы самой известной американской нормотворческой организации над изменением американского законодательства в области разрешения конфликта юрисдикций говорит о многом и потенциально создает почву для дальнейшего развития законодательства в данной области по всему миру.

Библиографические ссылки

1. Монастырский ЮЭ. Господствующие доктрины коллизионного права в США [диссертация]. Москва: Институт государства и права РАН; 1999. 136 с.
2. Gabor F. Emerging unification of conflict of laws rules applicable to the international sale of goods. UNCITRAL and the New Hague convention on private international law. *Northwestern Journal of International Law & Business*. 1986;7(4):696–726.
3. Cheatham E. Sources of rules for conflict of laws. *University of Pennsylvania Law Review*. 1941;89(4):430–452.
4. Чумаченко ИН. Особенности разрешения внутригосударственных и трансграничных коллизий в США. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2020;17(4):31–40. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).31-40.
5. Livermore S. *Dissertations on the questions which arise from the contrariety of the positive laws of different states and nations*. New Orleans: B. Levy; 1828. 172 p.
6. Story J. *Commentaries on the conflict of laws, foreign and domestic, in regard to contracts, rights, and remedies, and especially in regard to marriages, divorces, wills, successions, and judgments*. [s. l.]: HardPress; 2018. 602 p.
7. Symeonides SC, Perdue WC, von Mehren AT. *Conflict of laws: American, comparative, international*. 2nd edition. Saint Paul: West Group; 2003. 940 p.
8. Beale JH. *Treatise on the conflict of laws. Volume 1*. New York: Baker; 1935. 2127 p. Co-published by the «Voorhis & Co».
9. Leflar RA. Conflicts law: More on choice-influencing considerations. *California Law Review*. 1966;54(4):1584–1598. DOI: 10.2307/3479391.
10. Symeonides SC. *American private international law*. Austin: Kluwer; 2008. 368 p.
11. Roosevelt K, Little LE, Whytock ChA. Reporter's guide to: restatement of the law third, conflict of laws [Internet; cited 2021 October 10]. Available from: <https://thealiadviser.org/conflict-of-laws/reporters-guide-to-restatement-of-the-law-third-conflict-of-laws/>.
12. von Mehren AT. Recent trend in choice of law methodology. *Cornell Law Review*. 1975;60(6):927–966.
13. Weintraub RJ. Courts flailing in the waters of the Louisiana conflicts code: not waving but drowning. *Louisiana Law Review*. 2000;60(4):1365–1377.
14. Hook M. *Choice of contract law*. Oxford: Hart Publishing; 2016. 255 p. (Studies in private international law).
15. Smith GE. Choice of law in the United States. *Hastings Law Journal*. 1987;38(6):1041.
16. Baxter WF. Choice of law and the federal system. *Stanford Law Review*. 1963;16(1):1–42. DOI: 10.2307/1227322.
17. Асосков АВ. Современное американское коллизионное право: теория «анализа правительственного интереса» Бр. Карри, ее последующее развитие и критика. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2011;2:85–108.
18. Leflar RA. Conflicts law: more on choice-influencing considerations. *California Law Review*. 1966;54(4):1584–1598. DOI: 10.2307/3479391.
19. Westbrook JE. Survey and evaluation of competing choice-of-law methodologies: the case for eclecticism. *Missouri Law Review*. 1975;40(3):407–466.

References

1. Monastyrskii YuE. *Gospodstvuyushchie doktriny kollizionnogo prava v SShA* [Dominant doctrines of conflict of law in the USA] [dissertation]. Moscow: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 1999. 136 p. Russian.
2. Gabor F. Emerging unification of conflict of laws rules applicable to the international sale of goods. UNCITRAL and the New Hague convention on private international law. *Northwestern Journal of International Law & Business*. 1986;7(4):696–726.
3. Cheatham E. Sources of rules for conflict of laws. *University of Pennsylvania Law Review*. 1941;89(4):430–452.
4. Chumachenko IN. Specific issues of the resolving of the internal and cross-border conflict of laws in the United States of America. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2020;17(4):31–40. Russian. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).31-40.
5. Livermore S. *Dissertations on the questions which arise from the contrariety of the positive laws of different states and nations*. New Orleans: B. Levy; 1828. 172 p.
6. Story J. *Commentaries on the conflict of laws, foreign and domestic, in regard to contracts, rights, and remedies, and especially in regard to marriages, divorces, wills, successions, and judgments* [s. l.]: HardPress; 2018. 602 p.
7. Symeonides SC, Perdue WC, von Mehren AT. *Conflict of laws: American, comparative, international*. 2nd edition. Saint Paul: West Group; 2003. 940 p.
8. Beale JH. *Treatise on the conflict of laws. Volume 1*. New York: Baker; 1935. 2127 p. Co-published by the «Voorhis & Co».
9. Leflar RA. Conflicts law: More on choice-influencing considerations. *California Law Review*. 1966;54(4):1584–1598. DOI: 10.2307/3479391.
10. Symeonides SC. *American private international law*. Austin: Kluwer; 2008. 368 p.
11. Roosevelt K, Little LE, Whytock ChA. Reporter's guide to: restatement of the law third, conflict of laws [Internet; cited 2021 October 10]. Available from: <https://thealiadviser.org/conflict-of-laws/reporters-guide-to-restatement-of-the-law-third-conflict-of-laws/>.

12. von Mehren AT. Recent trend in choice of law methodology. *Cornell Law Review*. 1975;60(6):927–966.
13. Weintraub RJ. Courts flailing in the waters of the Louisiana conflicts code: not waving but drowning. *Louisiana Law Review*. 2000;60(4):1365–1377.
14. Hook M. *Choice of contract law*. Oxford: Hart Publishing; 2016. 255 p. (Studies in private international law).
15. Smith GE. Choice of law in the United States. *Hastings Law Journal*. 1987;38(6):1041.
16. Baxter WF. Choice of law and the federal system. *Stanford Law Review*. 1963;16(1):1–42. DOI: 10.2307/1227322.
17. Asoskov AV. Modern American conflict of laws: Brainerd Curries governmental interests analysis concept, its further development and critics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2011;2:85–108. Russian.
18. Leflar RA. Conflicts law: more on choice-influencing considerations. *California Law Review*. 1966;54(4):1584–1598. DOI: 10.2307/3479391.
19. Westbrook JE. Survey and evaluation of competing choice-of-law methodologies: the case for eclecticism. *Missouri Law Review*. 1975;40(3):407–466.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2021.
Recieved by the editorial board 18.11.2021.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ВЛИЯНИЕ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СТАБИЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО»¹

INTERNATIONAL ROUND TABLE «IMPACT OF END-TO-END DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE STABILITY OF NATIONAL FINANCIAL SYSTEMS AND INTERSTATE SOCIO-ECONOMIC COOPERATION»

Кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ совместно с Дальневосточным федеральным университетом и Юридическим институтом Российского университета дружбы народов 19 октября

2021 г. проведен Международный круглый стол «Влияние сквозных цифровых технологий на стабильность национальных финансовых систем и межгосударственное социально-экономическое сотрудничество».



¹Исследование проводилось в рамках гранта «Сквозные цифровые технологии в обеспечении финансовой стабильности и социально-экономической устойчивости российско-белорусских отношений в XXI веке» при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г20Р-080) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-511-00009).

Междисциплинарная тематика круглого стола включала наиболее актуальную проблематику прогресса сквозных цифровых технологий как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. За время осуществления совместной научно-исследовательской работы по заявленной теме и российские, и белорусские исследователи сформулировали ряд выводов и предложений, в том числе в сфере выявления факторов, влияющих на стабильность национальных финансовых систем и межгосударственное социально-экономическое сотрудничество Беларуси и России. Указанные выводы и предложения прошли апробацию в рамках круглого стола, который был организован в смешанном формате (видео-конференц-связь и очное обсуждение), что позволило охватить широкий круг участников с обеих сторон.

Круглый стол имел значимые результаты как с точки зрения развития междисциплинарных исследований в сфере сквозной цифровизации, так и с точки зрения решения прикладных проблем, связанных с разработкой и дальнейшим совершенствованием целого ряда отраслей законодательства. В ходе дискуссии обозначены проблемные вопросы, требующие своевременного и уместного отражения в нормативных правовых актах Республики Беларусь и Российской Федерации; подчеркнута важность системного подхода к процессу разработки нового правового регулирования цифровых технологий, а также ряда взаимосвязанных вопросов; обращено внимание на необходимость формулирования единообразного понятийного аппарата, используемого в сфере цифровой экономики. В докладах участников прозвучали конкретные предложения по разработке новых и совершенствованию действующих нормативных правовых актов в области сквозной цифровизации, в том числе на базе использования позитивного опыта зарубежного нормотворчества.

В работе круглого стола приняли участие представители ведущих центров университетской юридической и политологической науки Республики Беларусь и Российской Федерации – юридического факультета БГУ, Юридического института Российского университета дружбы народов, факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – МГИМО МИД России), Юридической школы Дальневосточного федерального университета. Участники круглого стола подчеркнули важность обмена опытом для более поступательного и целенаправленного проведения работ по обеспечению финансовой стабильности и социально-экономической устойчивости российско-белорусских отношений в эпоху цифровизации.

С приветственным словом к участникам обратились декан юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент А. В. Шидловский и один из модераторов круглого стола, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент О. И. Мирошниченко. Выступающие отметили, что в области правового регулирования цифровых технологий на данный момент существует множество нерешенных вопросов. При этом проникновение указанного явления во все сферы жизнедеятельности общества достигло таких масштабов, что специалисты в области общественных наук просто обязаны анализировать итоги и риски такого проникновения и формулировать рекомендации по преодолению негативных последствий влияния сквозных цифровых технологий на различные сферы общественных отношений. Параллельно следует развивать межотраслевую нормативную правовую базу сквозной цифровизации. Дискуссионная площадка круглого стола должна способствовать решению обеих названных задач.

Вместе с О. И. Мирошниченко модератором круглого стола выступил заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент М. В. Мещанова.

В рамках круглого стола особое внимание было уделено следующим вопросам: влиянию сквозных цифровых технологий на общественно-политическую и социально-экономическую сферы; международному сотрудничеству в сфере правового регулирования сквозных технологий; влиянию сквозных цифровых технологий на реализацию и защиту прав человека; взаимодействию сквозных цифровых технологий и права интеллектуальной собственности; влиянию цифровых технологий на наполнение бизнеса инновационными средствами его ведения; эволюции гражданского судопроизводства под влиянием цифровизации и др.

Представители Дальневосточного федерального университета и Юридического института Российского университета дружбы народов поделились с участниками круглого стола опытом разработки доктринально-правовых основ и предложений по совершенствованию юридической техники и законодательства в контексте обеспечения финансовой стабильности, суверенности и устойчивого социально-экономического развития современных государств.

С докладом выступил заместитель декана факультета политологии по общим вопросам, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор А. Ю. Мамычев, который обратил внимание на неоднозначность

понимания отдельных явлений сквозной цифровизации в экономической, юридической и политологической науке. В связи с этим проблематика терминологии цифровой трансформации должна стать отдельным предметом исследования с выработкой глоссария соответствующих понятий, который затем может использоваться как в научно-исследовательской, так и в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Заведующий кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор Е. Е. Фролова подчеркнула, что гражданско-правовое регулирование предпринимательских отношений неизбежно сталкивается с новейшими проявлениями процессов цифровизации, среди которых следует назвать дополненную реальность. Докладчиком было отмечено, что результатом стремительного проникновения в сферу имущественных правоотношений технологий, революционизирующих ее принципиально новыми возможностями ведения предпринимательской деятельности, является создание новых категорий, в той или иной мере становящихся объектами правового регулирования либо заслуживающих того, чтобы ими стать (самые известные среди них – категории «криптовалюта», «цифровые права», «виртуальная реальность»). Но цифровые технологии приводят еще и к появлению программных продуктов, расширяющих и повышающих человеческие способности к восприятию, самовыражению и общению. Наиболее ярким примером выступают технологии, получившие название дополненной реальности.

Доцент кафедры правовых основ управления факультета управления и политики МГИМО МИД России, кандидат юридических наук, доцент Н. И. Платонова обратила внимание на практические аспекты цифровизации здравоохранения в Российской Федерации и Республике Беларусь. По мнению выступающего, процесс внедрения цифровых технологий в упомянутую сферу не должен отставать от общих темпов цифровизации общественной жизни, однако существуют значимые риски использования цифрового взаимодействия врач – пациент, поскольку не все сферы диагностики и лечения можно охватить таким взаимодействием без угрозы здоровью человека.

Доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент Е. П. Ермакова акцентировала внимание присутствующих на преимуществах и рисках использования искус-

ственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Она отметила, что на сегодняшний день в российской и зарубежной науке существует большое количество исследований в сфере использования технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве, а также осяатила историю разрешения споров искусственным интеллектом, начиная с первого, который зафиксирован в феврале 2019 г., когда в Высоком суде Англии и Уэльса в порядке медиации решение было вынесено искусственным интеллектом – роботом-медиатором, о чем в своем интервью изданию «Legal Futures» рассказал английский медиатор Г. Росс. Также Е. П. Ермакова сообщила об иных подобных случаях, имевших место в Китае на протяжении последних нескольких лет.

Доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент Е. П. Русякова рассказала присутствующим о правовом регулировании цифровой валюты в Российской Федерации, подчеркнув, что в последние годы неизбежно расширяется применение цифровой валюты для осуществления расчетных операций по предпринимательским сделкам, это требует повышенного внимания законодателя к регулированию данного феномена.

В рамках работы круглого стола М. В. Мещанова затронула актуальные вопросы состояния и перспектив международного сотрудничества в сфере правового регулирования сквозных цифровых технологий, обратив внимание на то, что именно международное сотрудничество нового поколения может обеспечить интероперабельность принимаемых решений и стандартов в сфере цифровизации. Важнейшей задачей такого сотрудничества является преодоление цифрового неравенства и справедливое распределение преимуществ использования сквозных технологий между всеми странами.

Заведующий кафедрой права интеллектуальной собственности юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент Д. В. Иванова обратила внимание на влияние феномена больших данных на развитие права интеллектуальной собственности. С одной стороны, большие данные могут охраняться различными институтами законодательства об интеллектуальной собственности, при этом каждый из институтов в разрезе его применения к большим данным и инструментам для работы с ними имеет свои преимущества и недостатки. Нет необходимости в предоставлении особых прав на такие данные, сбор которых происходит в результате деятельности современных информационно-коммуникационных технологий. Существует иное направление взаимодействия больших данных и интеллектуальной собственности, в частности патентного права. Большие данные создают невероят-

ный объем знаний, входящих в уровень техники, на котором базируется выдача патентов на изобретения (полезные модели, промышленные образцы). Если не изменится действующая система выдачи патентов, патентные ведомства будут выдавать их с нарушением принципа абсолютной мировой новизны. Для преодоления этих проблем требуется разработка новой стратегии управления патентами.

Доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент Д. Д. Ландо определила перспективы развития технологии блокчейна в условиях межгосударственного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности. Одной из основных целей такого сотрудничества на универсальном и региональном уровнях признается преодоление последствий территориальности в охране прав на объекты интеллектуальной собственности. С развитием цифровой экономики сквозная технология блокчейна, имеющая транснациональный характер, может служить еще одним инструментом достижения указанной цели. Сопоставление преимуществ и рисков применения технологии блокчейна позволяет констатировать нежелание государств в условиях отсутствия специального регулирования признавать права на объекты интеллектуальной собственности, информация о которых вводится с использованием данной технологии. Вместе с тем потенциал технологии блокчейна учитывается при выработке экспериментальных моделей законодателями, патентными ведомствами, наднациональными объединениями и международными организациями.

Доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент О. О. Ядревский обратил внимание присутствующих на актуальные направления совершенствования законодательства об авторском праве в свете развития цифровых технологий, таких как технологии искусственного интеллекта, трехмерной печати, виртуальной и до-

полненной реальности, а также технологии *big data*. Основными тенденциями развития указанного законодательства предполагаются введение новых объектов авторского права, расширение как способов использования произведений, так и случаев их свободного использования.

Старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета БГУ К. В. Синкевич рассказала о применении технологий искусственного интеллекта в сфере юриспруденции, обратив внимание на то, что указанные технологии уже сегодня способны заменить человека в различных областях юридической деятельности (составление процессуальных и иных юридических документов, консультирование по типовым вопросам, прогнозирование результатов судебного разбирательства и др.). Усиливающееся влияние технологий искусственного интеллекта на юридическую сферу предопределяет предъявление новых требований к профессиональным компетенциям юриста в цифровую эпоху. В современных условиях навыки использования передовых технологий, в том числе *Legal Artificial Intelligence*, не только востребованы, но и необходимы для поддержания конкурентного преимущества.

Доклады, представленные в рамках круглого стола, сопровождалась оживленной дискуссией, участники задавали вопросы, выступали с репликами, излагали свою позицию по наиболее спорным моментам.

Подводя итоги круглого стола, все участники сошлись во мнении, что в ходе научных дискуссий, обмена опытом правоприменения представителей различных государств и научных школ возможно приобрести актуальные знания и понимание того, как лучше строить дальнейшее развитие законодательства, регулирующего многоаспектные проявления цифровой трансформации, по возможности, избегая ошибок и стихийного нормотворчества.

М. В. Мещанова²
Е. Е. Фролова³

²Мария Валентиновна Мещанова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Maryia V. Miashchanava, PhD (law), docent; head of the department of civil law, faculty of law, Belarusian State University.
E-mail: miashchanava@bsu.by

³Евгения Евгеньевна Фролова – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; заведующий кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Evgenia E. Frolova, doctor of science (law), full professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation; head of the department of civil law and procedure and international private law, Institute of law, RUDN University, and professor at the department of theory and history of state and law, School of Law, Far Eastern Federal University.

E-mail: frolova-ee@rudn.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 342.565.2(476)(075.8)

Конституционное правосудие [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ ; сост. Т. М. Киселёва. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 51 с. : табл. Библиогр.: с. 47–51. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269478>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.09.2021, № 009628092021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Конституционное правосудие» предназначен для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК включает развернутую аннотацию на учебные пособия по дисциплине, планы семинарских занятий, примерные темы рефератов, юридические казусы и тестовые вопросы, а также списки литературы и электронных ресурсов.

УДК 34:004(075.8)

Шариун В. А. Цифровизация права [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 80 01 «Юриспруденция» / В. А. Шаршун ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 207 с. Библиогр.: с. 198–205. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/269482>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.09.2021, № 009728092021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Цифровизация права» предназначен для магистрантов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, примерные темы курсовых и дипломных работ, задания для контрольной работы, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы и терминологический словарь.

УДК 349.4/6(06)

Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права [Электронный ресурс] : сб. ст. по материалам круглого стола, приуроч. к юбилею каф. эколог. и аграр. права БГУ (Минск, 20 мая 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 157 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270659>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.10.2021, № 010122102021.

В сборнике размещены статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь, зарубежных стран по актуальным проблемам науки экологического, природоресурсного и аграрного права, подготовленные по материалам докладов на круглом столе, приуроченном к юбилею кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета.

УДК 34(06)

Правовые гарантии целей устойчивого развития государства и общества [Электронный ресурс] : сб. материалов науч. семинара (Минск, 17 дек. 2020 г.) / БГУ ; [под ред. А. В. Шавцовой]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 132 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270821>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.10.2021, № 010326102021.

В сборнике содержатся материалы участников научного семинара «Правовые гарантии целей устойчивого развития государства и общества», который состоялся в Минске 17 декабря 2020 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

В сборнике представлены научные исследования правовых гарантий Целей устойчивого развития государства и общества, посвященные основным аспектам практики реализации Национальной платформы представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития, а также совершенствованию национального законодательства и правоприменения.

Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами белорусского конституционализма.

УДК 34(082)

Юридические записки студентов, магистрантов и аспирантов [Электронный ресурс] : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов юр. фак. Белорус. гос. ун-та. Вып. 1 / БГУ ; [под ред. Т. М. Киселёвой, А. А. Пухова]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 140 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271408>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.11.2021, № 010704112021.

Сборник включает статьи студентов, магистрантов и аспирантов юридического факультета Белорусского государственного университета и иных учреждений образования, посвященные актуальным проблемам правовой и политической науки, развития общества, государства и права в современных условиях.

УДК 342.723(476)(06)+004(06)

Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях [Электронный ресурс] : материалы круглого стола (Минск, 30 марта 2021 г.) / БГУ ; [под ред. А. В. Шавцовой]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 143 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271531>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 08.11.2021, № 010908112021.

В сборнике содержатся статьи участников круглого стола «Информационные технологии как средство обеспечения конституционных прав и свобод граждан, надлежащего выполнения ими своих обязанностей в современных условиях», который состоялся в Минске 30 марта 2021 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

В издании представлены научные исследования авторов, посвященные основным аспектам практики реализации информационных технологий в области обеспечения конституционных прав, свобод и обязанностей граждан в современных условиях развития государства и общества, совершенствованию национального законодательства и правоприменения.

Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами белорусского конституционализма.

УДК 340.13(075.8)+342.5(476)(075.8)

Правотворчество органов представительной, исполнительной и судебной власти [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 80 01 «Юриспруденция» / БГУ ; сост.: А. М. Боголейко, Г. А. Василевич, А. М. Синицына. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 110 с. Библиогр.: с. 92–110. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/271946>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.11.2021, № 011518112021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Правотворчество органов представительной, исполнительной и судебной власти» предназначен для студентов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы

семинарских занятий, темы рефератов, примерные темы магистерских работ, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

УДК 34:002(075.8)

Информационное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ ; сост.: М. С. Абламейко, А. К. Савостикова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 99 с. Библиогр.: с. 85–99. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272458>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.12.2021, № 012403122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Информационное право» предназначен для студентов специальности 11-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, примерный перечень вопросов к зачету, а также список литературы.

УДК 342.9(075.8)

Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ ; сост.: В. А. Абрамович [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 137 с. Библиогр.: с. 135–137. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272550>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.12.2021, № 012906122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право» предназначен для студентов специальности 11-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, примерные темы курсовых и дипломных работ, задания для контрольной работы, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

УДК 347.965(075.8)

Юридическая служба в государственных органах и общественных организациях [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 80 01 «Юриспруденция», профилизация «Правовое обеспечение публичной власти» / БГУ ; сост. В. Е. Петухова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 66 с. Библиогр.: с. 65–66. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272596>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2021, № 013007122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Юридическая служба в государственных органах и общественных организациях» предназначен для магистрантов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

УДК 347.965(075.8)

Юридическая служба организаций [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ ; сост. В. Е. Петухова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 54 с. Библиогр.: с. 53–54. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272597>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2021, № 013107122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Юридическая служба организаций» предназначен для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, юридические казусы и тестовые вопросы, а также список литературы.

УДК 342.951:351(075.8)

Административная ответственность в сфере государственного управления и правосудия [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 80 01 «Юриспруденция» / БГУ ; сост. А. В. Денисевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 142 с. Библиогр.: с. 141–142. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272598>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2021, № 013207122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Административная ответственность в сфере государственного управления и правосудия» предназначен для магистрантов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, задания, а также список литературы.

УДК 342.951:346.26(075.8)

Административная ответственность в сфере бизнеса [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 80 01 «Юриспруденция» / БГУ ; сост. А. В. Денисевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 168 с. Библиогр.: с. 166–168. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/272600>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.12.2021, № 013307122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Административная ответственность в сфере бизнеса» предназначен для магистрантов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, задания, а также список литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Актуальные аспекты применения сквозных цифровых технологий в Республике Беларусь и Российской Федерации

<i>Мещанова М. В.</i> Законодательство Китая об электронной торговле: адаптация зарубежного опыта правового регулирования.....	3
<i>Мирошниченко О. И., Дьяконова А. В.</i> Цифровизация кадастра. Перспективы развития в России и Беларуси	10
<i>Ландо Д. Д.</i> Правовая охрана ноу-хау как элемент цифровой трансформации экономики Республики Беларусь.....	14
<i>Ядревский О. О.</i> Основные направления совершенствования законодательства об авторском праве в свете развития цифровых технологий	23
<i>Платонова Н. И.</i> К вопросу об экспериментальном правовом режиме в сфере телемедицинских технологий.....	32
<i>Лобач Д. В.</i> Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии.....	38
<i>Синкевич К. В.</i> К вопросу о влиянии искусственного интеллекта на юридическую профессию в цифровую эпоху.....	45

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Ермакова Е. П.</i> Новый политический документ Германии 2021 г.: первая немецкая Стратегия устойчивого финансирования	55
<i>Балашенко С. А, Степаненко Д. М.</i> Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь	60

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Кожокарь И. П.</i> Классификация гражданско-правовых договоров в сфере лесопользования	71
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Чумаченко И. Н.</i> Развитие системы конфликтного права в США	77
--	----

ОБЗОРЫ

<i>Мещанова М. В., Фролова Е. Е.</i> Международный круглый стол «Влияние сквозных цифровых технологий на стабильность национальных финансовых систем и межгосударственное социально-экономическое сотрудничество»	86
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	90

CONTENTS

SPECIAL TOPIC SECTION

Actual aspects of the end-to-end digital technologies implementation in the Republic of Belarus and Russian Federation

<i>Miashchanava M. V.</i> China e-commerce legislation: adjusting foreign experience of legal regulation ...	3
<i>Miroshnichenko O. I., Diakonova A. V.</i> Digitalisation of the cadastre. Development prospects in Russia and Belarus	10
<i>Lando D. D.</i> Legal protection of know-how as an element of the digital transformation of the economy of the Republic of Belarus	14
<i>Yadreuski A. A.</i> Main directions for the improvement of copyright legislation in connection of development of digital technologies.....	23
<i>Platonova N. I.</i> To the issue of the pilot legal regime on telemedicine technologies	32
<i>Lobach D. V.</i> Problem aspects of legal regulation of responsibility for the crime of aggression	38
<i>Sinkevich K. V.</i> On the matter of the artificial intelligence impact on legal profession at digital era ...	45

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Ermakova E. P.</i> New German political document of 2021: the first German Strategy for sustainable financing.....	55
<i>Balashenko S. A., Stepanenko D. M.</i> Legal support of the innovation development of the economy of the Republic of Belarus.....	60

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Kozhokar I. P.</i> Classification of civil law contracts in the field of forest management.....	71
--	----

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Chumachenko I. N.</i> Development of conflict law in the United States of America.....	77
---	----

REVIEWS

<i>Miashchanava M. V., Frolova E. E.</i> International round table «Impact of end-to-end digital technologies on the stability of national financial systems and interstate socio-economic cooperation».....	86
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	90

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 3. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы А. С. Люкевич, О. А. Семенец
Технические редакторы Д. Ф. Козут, А. Ю. Лещинская
Корректор А. С. Горзун

Подписано в печать 27.12.2021.
Тираж 100 экз. Заказ 579.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 3. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors A. S. Lyukevich, O. A. Semenets
Technical editors D. F. Kogut, A. Y. Leschinskaya
Proofreader A. S. Gorgun

Signed print 27.12.2021.
Edition 100 copies. Order number 579.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kalvaryjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021